

Министерство образования Российской Федерации
Томский государственный педагогический университет
Томский Польский национальный центр «Белый Орёл»
Посольство Республики Польша в России
Общество «Вспульнота Польска»
Конгресс поляков в России

СИБИРСКАЯ ПОЛОНИЯ:
ПРОШЛОЕ, НАСТОЯЩЕЕ, БУДУЩЕЕ

Материалы международной научно-практической конференции

Томск, 20-23 мая 1999 года

Ministerstwo Edukacji Federacji Rosyjskiej
Państwowy Uniwersytet Pedagogiczny w Tomsku
Polskie Centrum Narodowe "Orzeł Biały" w Tomsku
Ambasada Rzeczypospolitej Polskiej
Stowarzyszenie "Wspólnota Polska"
Kongres Polaków w Rosji

POLONIA SYBERYJSKA:
PRZESZŁOŚĆ, TERAŹNIEJSZOŚĆ, PRZYSZŁOŚĆ

Materiały Międzynarodowej Konferencji Naukowo-Praktycznej

Tomsk, 20-23 maja 1999 roku

TOMSK 1999

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

С.И. Ануфриев, кандидат философских наук, доцент, проректор по учебной работе Томского государственного педагогического университета

А.В. Гузеева, ассистент кафедры славянской филологии Томского государственного педагогического университета, член правления ТПНЦ «Белый Орёл»

Р.Е. Мохова, кандидат филологических наук, доцент, зав кафедрой славянской филологии Томского государственного педагогического университета

В.А. Ханевич, ассистент кафедры славянской филологии Томского государственного педагогического университета, председатель правления ТПНЦ «Белый Орёл»

НАУЧНЫЙ РЕДАКТОР И СОСТАВИТЕЛЬ:

В.А. Ханевич, председатель правления ТПНЦ «Белый Орёл», член совета Конгресса поляков в России.

Сборник подготовлен на основе материалов международной научно-практической конференции «Сибирская полония: прошлое, настоящее, будущее», состоявшейся в г. Томске 20-23 мая 1999 года. Рассматриваются различные аспекты жизни и деятельности поляков в Сибири, их взаимодействие с местным населением, их вклад в социально-экономическое и научное развитие сибирских регионов, а также процесс возрождения полонийного движения.

Книга рассчитана на широкий круг читателей, интересующихся историей и культурой Сибири, её взаимоотношениями с Польшей и поляками на протяжении длительного исторического периода.

Издание осуществлено при финансовой помощи общества «Вспульнота Польска» (Польша)

Подписано в печать 02.11.99г., тираж 500 экз.,

Лицензия ЛР № 0205557 от 28.05.92г.

Бумага «Светогорская –80 г\кв.м», печать: офсетная, заказ 361

Издательская лаборатория ТГПУ

634041, г.Томск, пр. Комсомольский, 75

Сибирская полония: прошлое, настоящее, будущее. Сборник материалов (статей и тезисов) / Под редакцией В.А. Ханевича. - Томск, 1999. - 226с

© ТПНЦ «Белый Орёл», 1999

© ТГПУ, 1999

ОРГАНИЗАТОРЫ КОНФЕРЕНЦИИ:

Министерство образования Российской Федерации

Администрация Томской области

Мэрия г. Томска

Управление образования Администрации Томской области

Томский государственный педагогический университет

*Томский филиал Восточного института экономики, гуманитарных наук,
управления и права*

Stowarzyszenie “Wspólnota Polska”

Конгресс поляков в России

ТПНЦ «Белый Орел»

ОРГКОМИТЕТ КОНФЕРЕНЦИИ
«СИБИРСКАЯ ПОЛОНИЯ: ПРОШЛОЕ, НАСТОЯЩЕЕ И БУДУЩЕЕ»

- Председатель: ***Слободской Виктор Иванович***
ректор ТГПУ
- Сопредседатели: ***Мохова Рената Евгеньевна*** –
зав. кафедрой славянской
филологии ТГПУ
- Ханевич Василий Антонович*** –
Председатель правления
ТПНЦ «Белый Орел»
- Секретарь: ***Гузеева Александра Валерьевна***
старший преподаватель кафедры
славянской филологии ТГПУ
- Члены оргкомитета: ***Ануфриев Сергей Иосифович*** –
проректор по учебной работе ТГПУ
- Большакова Анна Владимировна*** –
директор государственного архива
Томской области
- Глок Леонид Эдуардович*** –
начальник Управления образования
Томской области
- Красинский Сергей Лифанович*** –
директор Томского филиала
Восточного института экономики,
гуманитарных наук, управления и
права
- Попов Олег Владимирович*** –
зам. мэра г. Томска

ВВЕДЕНИЕ

В российско-польских взаимоотношениях тема «Поляки и Сибирь» традиционно с давних пор занимала одно из центральных мест. Отрадно отметить, что эта тема получила в последнее время широкое освещение в российской и польской историографии, чему в немалой степени способствовало расширение политических, научных, экономических и культурных контактов Республики Польша с сибирскими регионами, появившимися реальными условиями и возможностями для воссоздания всей полноты картины пребывания поляков в Сибири. В немалой степени этому способствует процесс возрождения национального самосознания и восстановления утраченных культурных традиций членами польских диаспор Сибири. Во многих сибирских городах созданы и успешно работают польские общества и центры польской культуры.

Значительным событием в жизни польской диаспоры Сибири и важным шагом в дальнейшем изучении польско-сибирских связей стала международная научно-практическая конференция «Сибирская полония: прошлое, настоящее, будущее». Она состоялась в городе Томске 20-23 мая 1999 года под патронажем Министерства образования Российской Федерации, Посольства Республики Польша в России, Конгресса поляков в России и польской общественной организации «Вспульнота Польска». Непосредственную работу по организации и проведению этого первого подобного рода форума в Сибири взяли на себя Томский Польский национальный центр «Белый Орёл» и кафедра славянской филологии Томского педагогического университета. Организаторы выражают особую благодарность Обществу «Вспульнота Польска» за финансовую поддержку.

О высоком уровне проведения конференции и заинтересованности в ней польской стороны говорит тот факт, что в её работе приняли участие Чрезвычайный и Полномочный посол Республики Польша в РФ Анджей Залуцки, генеральный консул Посольства РП в Москве Ежи Рыхлик, представительная делегация общественных деятелей и польских учёных из Варшавы, Кракова, Вроцлава. Участниками конференции были российские историки-полонисты и деятели польских обществ Абакана, Барнаула, Иркутска, Красноярска, Новосибирска, Тюмени и Томска. Примечательно, что наряду с известными и авторитетными в Польше и России учёными-историками в работе конференции приняли участие молодые преподаватели и аспиранты сибирских вузов, а также студенты Томского государственного педагогического университета.

В адрес оргкомитета конференции пришли приветственные послания из министерств образования Республики Польша и России, Союза поляков Белоруссии и других общественных организаций и учреждений.

В ходе работы конференции участники и гости смогли выступить с докладами и сообщениями, обменяться мнениями по интересующим их проблемам в стенах конференц-зала Областной администрации и Томского филиала Восточного института, стать участниками организованных силами польских обществ «Дом польский в Томске» и «Белый Орёл» Дней польской культуры.

В дни работы конференции состоялось вручение Послом РП в России Анджеем Залуцким высоких правительственных наград Республики Польша активным деятелям полонийного движения в Сибири. В программе конференции было также вручение дипломов первым выпускникам польского отделения филологического факультета ТГПУ, освещение мемориальной плиты на месте разрушенного католического кладбища города Томска, месса в католическом костёле, посвящённая памяти репрессированных поляков на сибирской земле.

**МИНИСТЕРСТВО НАЦИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**

121819, Москва, ГСП-2, Трубниковский пер., 19
Телефон 248-83-50; факс 202-44-90

05.04.99 № 03\2-993

**Ректору Томского
государственного университета
Слободскому В.И.**

Уважаемый Виктор Иванович!

Миннац России выражает Вам и всему профессорско-преподавательскому коллективу Томского государственного университета искреннюю признательность за большую работу по сохранению и развитию культур народов, проживающих в регионе, что, безусловно, способствует обеспечению стабильности межнациональных отношений.

Однако в связи с тем, что в этом году нам фактически закрыто финансирование программ национально-культурного развития, оказать финансовую поддержку в проведении международного конгресса «Сибирская полония: прошлое, настоящее и будущее» Министерство в настоящее время не имеет возможности. Безусловно, как только в этом отношении будут позитивные подвижки, мы будем готовы вернуться к этому вопросу и положительно рассмотреть его.

Желаем творческих успехов в Вашем благородном деле.

Первый заместитель
Министра

В. Печенев

**MINISTERSTWO
EDUKACJI NARODOWEJ**
Al. Szucha 25
00-918 WARSZAWA
**Departament Integracji Europejskiej
i Współpracy z Zagranicą**
DWZ-3/0812-Rosja-192/KP-EB/99

Warszawa, 19.05.1999 r.

**Członkowie
Komitetu Organizacyjnego
Międzynarodowej Konferencji
Naukowo-Praktycznej
“POLONJA SYBERYJSKA:
PRZEZSŁOŚĆ, TERAŹNEJSZOŚĆ
PRZYZSŁOŚĆ”
TOMSK**

Szanowni Państwo,

Z satysfakcją przyjęliśmy informację o organizowanej przez Państwa konferencji naukowej nt. Polaków na Syberii. Konferencja ta ma szczególny wymiar ze względu na historię losów Polaków wplataną w historię tak odległej od Polski Syberii.

Organizatorom i Uczestnikom Konferencji życzymy owocnych obrad, wielu pozytywnych doświadczeń naukowych, a także przeżyć osobistych przy okazji spotkań z historią i kulturą polską w tej części Syberii, obecną także dziś, a tworzoną m.in. przez organizacje polskie, takie jak “Orzeł Biały” i “Dom Polski”.

Ponadto – korzystając z okazji – szczególne wyrazy uznania i podziękowania pragniemy przekazać Władzom Państwowego Uniwersytetu Pedagogicznego w Tomsku i panu W. Kressowi, Gubernatorowi Obwodu Tomskiego, za tworzenie klimatu dla rozwoju nauczania języka i kultury polskiej w tworzonym Centrum Polskim w Tomskim Uniwersytecie Pedagogicznym. Ze swojej strony składamy obietnicę udzielania pomocy w wyposażaniu Centrum w niezbędne pomoce naukowe i podręczniki.

*Serdecznie pozdrawiamy Organizatorów i Uczestników Konferencji,
życząc powodzenia w pracy naukowej, zawodowej,*

a także życiu osobistym

Magdalena Mazińska

Dyrektor Departamentu

Centralny Ośrodek Doskonalenia Nauczycieli

00-478 Warszawa, Al. Ujazdowskie 28

tel/fax 621 48 00

internet: www.codn.edu.pl

Zespół ds. Polonii

Tel. 621 30 31-36 wew. 403, 404, 413

Pol 700/146/99

Warszawa, dn. 7.05.1999 r.

Pan
W.A. Chaniewicz
Prezes Polskiego
Stowarzyszenia
“Biały Orzeł”
w Tomsku
fax. 0-0073822-73-76-14

Szanowny Panie Prezesie

Bardzo serdecznie dziękuję za zaproszenia na międzynarodową konferencję “Polonia Syberyjska: przeszłość, teraźniejszość, przyszłość” organizowanej w dniach 20-23 maja 1999 roku w Tomsku.

Niestety z powodu obowiązków służbowych nie mogę uczestniczyć w tym spotkaniu.

Życzę owocnych obrad, spotkań z ciekawymi ludźmi i opublikowania referatów, które z największą chęcią przeczytam.

Łączę wyrazy uznania

Na Białorusi
Związek Polaków

Szczuczynski rejonowy oddział
231510 m.Szczuczun
obwód Grodno Białoruś
tel/fax (01514) 22-000

KIEROWNIK
Zespołu d/s POLONII
mgr Krystyna Staroń
на Беларусі
Саюз Палякаў

Шчучынскі раённы аддзел
231510, г.Шчучын
Гродзенскай вобласці
тэл\факс 01514\22-000

L.dz. 19/99

Szczuczyn, dnia 18.05.99

Россия, Томск
ТПНЦ «Белый Орел»
Василию Ханевичу

С чувством огромной радости и благодарности восприняли полученное от Вас известие о предстоящей в Томске первой в истории сибирских поляков конференции «Сибирская Полония: прошлое, современность, будущее».

Информация об этом важном историческом событии в жизни наших соотечественников в Сибири была сделана на прошедшей в конце апреля отчетно-выборной конференции районного отдела Союза Поляков Беларуси в г. Щучин Гродненской области. Трагические судьбы сосланных в Сибирь участников восстаний за свободу и независимость нашей Родины, переселенцев из Беларуси в поисках лучшей доли, репрессированных поляков в годы большевистского геноцида для нас, поляков Беларуси, не безразличны. Каждую весточку о прошлом, о жизни и деятельности сибирской колонии сегодня всегда воспринимаем с большим вниманием. Нас радуют успехи в работе ТПНЦ «Белый Орел».

От всего сердца желаем участникам конференции плодотворного обсуждения выносимых на этот исторический форум вопросов. Дорогие соотечественники, мы с нетерпением будем ждать итоги конференции.

С уважением и наилучшими пожеланиями от имени делегатов отчетно-выборной конференции в г. Щучине.

Председатель конференции

Fundacja Rozwoju
Kultury i Oświaty “Znicz”
RB obw. Grodno, m. Szczuczun
231510, ul. Zielona 3a
tel/fax 22000

Альдона Родзевич
Фонд развития Польской
Культуры и Образования «Факел»
РБ, Гродненская обл., г. Щучин
235510, ул. Зеленая 3а
тел\факс 22000

Россия, Томск
ТПНЦ «Белый Орел»
Ханевичу Василию

Региональный Фонд Развития Польской Культуры и Образования «Факел» в Вашем лице сердечно приветствует участников исторической в жизни поляков Сибири конференции.

Это знаменательное событие в деятельности сибирской полонии будет способствовать укреплению исторических и культурных связей поляков Сибири и Беларуси. Весьма признателен за полученное приглашение на конференцию. Однако с горечью в сердце вынужден сообщить, что ввиду сложной экономической ситуации в Беларуси не имеем возможности принять участие в работе конференции. Желая участникам конференции плодотворной и успешной работы.

Одновременно с наилучшими пожеланиями счастья и благополучия членам оргкомитета и всем участникам конференции выражаю уверенность, что материалы конференции станут достоянием и поляков Беларуси.

С уважением:
Председатель правления
РФРПКиО «Факел»
Антони Кубышин

Fax: 007-3822-737614

*Pan Wasilij Chaniewicz
Prezes Stowarzyszenia
“Biały Orzeł” w Tomsku*

Z okazji Święta Kultury Polskiej w Tomsku, przesyłam Panu, Panie Wasilij oraz wszystkim członkom “Orla Białego” gorące pozdrowienia oraz życzenia dalekich sukcesów w odradzaniu kultury polskiej i języka polskiego na Tomskiej ziemi. Serdecznie pozdrawiam przedstawicieli wszystkich syberyjskich organizacji polonijnych, spotkania z którymi są wciąż żywe w mojej pamięci. To dzięki waszej ogromnej woli i sile przetrwania, hartowi ducha i ogromnemu poświęceniu, przetrwała i odradza się Polonia na Syberii. Moi Drodzy, życzę wam i waszym najbliższym wiele radości, zadowolenia oraz wszelkiej pomyślności w ogromnej rodzinie syberyjskiej. Serdecznie dziękuję za pamięć i zaproszenie. Bardzo żałuję, że nie mogę być dzisiaj wśród was. Łączę się z wami myślami i całym sercem.

Wrocław, 20 maja 1999

*Lucyna Morawska
b. Sekretarz Ambasady RP
w Moskwie*

СПИСОК УЧАСТНИКОВ И ГОСТЕЙ КОНФЕРЕНЦИИ

Абинова Нина Михайловна – директор лицея №16 г. Томска

Ануфриев Кирилл Сергеевич – учащийся лингвистического лицея
Томского государственного педагогического университета (ТГПУ)

Ануфриев Сергей Иосифович – кандидат философских наук, зав.
кафедрой философии ТГПУ, проректор ТГПУ по учебной работе

Арьянова Валентина Григорьевна – кандидат филологических наук
(к.ф.н.), доцент кафедра славянской филологии ТГПУ

Борщёва Светлана Яковлевна - заведующая сектором информации и
публикации Центра документации новейшей истории Томской области (ЦДНИ
ТО)

Бубнович Вячеслав Михайлович - заслуженный артист Российской
Федерации, заместитель председателя правления польского общества г. Барнаула

Вавилов Станислав Платонович - кандидат физико-технических наук,
доцент ТГПУ, член редакции краеведческого альманаха «Сибирская старина»,
ТПНЦ «Белый Орёл»

Волков Владимир Геннадьевич - сотрудник историко-краеведческого
отдела Томской областной учебно-научной библиотеки им. А.С. Пушкина, член
ТПНЦ «Белый Орёл»

Вржац Евгений Эдуардович – зав. кафедрой Иркутской
сельскохозяйственной академии, председатель польского культурно-
просветительного общества (ПКПО) «Огниво» г. Иркутск

Гельт Ольга Александровна – студентка филологического факультета
(ФФ) ТГПУ

Гузеева Александра Валерьевна – преподаватель кафедры славянской
филологии, зам. Председателя правления ТПНЦ «Белый Орёл»

Дегальцева Екатерина Александровна - аспирантка кафедры истории

России Новосибирского государственного университета (НГУ)

Ермоленкина Лариса Ивановна – старший преподаватель кафедры славянской филологии ТГПУ, член ТПНЦ «Белый Орел»

Залуцки Анджей – Чрезвычайный и Полномочный Посол Республики Польша в Российской Федерации

Канская Наталья Виктровна - доктор медицинских наук, профессор Томского медицинского университета, Соросовский профессор, член ТПНЦ «Белый Орёл»

Карих Елизавета Васильевна - аспирантка Томского государственного университета (ТГУ)

Карнаухов Дмитрий Владимирович - преподаватель кафедры Всеобщей истории НГУ

Ковалева Наталья Борисовна – к.ф.н., доцент кафедры славянской филологии ТГПУ, член ТПНЦ «Белый Орел»

Красинский Сергей Лифанович – кандидат исторических наук, директор Томского филиала Восточного института

Крюков Владимир Михайлович – журналист, литератор, член Союза российских писателей

Кучиньски Антоний - доктор исторических наук, директор Центра Восточных исследований университета г. Вроцлава (Польша)

Лапинская Светлана Николаевна – директор Центра развития образования и культуры молодежи г. Железногорска Красноярского края, член польского общества г. Железногорска

Леончик Сергей Владимирович - аспирант Хакасского государственного университета, председатель правления общества «Полония» Республики Хакасия

Лисичникова Анна Викторовна – аспирантка кафедры истории России Иркутского государственного университета (ИГУ)

Лозовский Игорь Трофимович – старший научный сотрудник (с.н.с.) Томского политехнического университета (ТПУ), почетный член польского Центра «Дом польский» г. Томска

Майничева Анна Юрьевна - кандидат исторических наук (к.и.н.), научный сотрудник сектора этнографии Сибири Института археологии и этнографии СО РАН, член общества «Дом польский» г. Новосибирска.

Марков Валерий Иванович – зав. отделом использования и публикации архивных документов Государственного архива Томской области (ГАТО)

Масяж Владислав – д.и.н., заведующий отделом экономики, социологии и философии политехнического института г.Кракова (Польша)

Мачуга Марек - магистр психологии, лиценсис богословия, катехизатор Католической Церкви г. Томска

Моисеенко Нина Борисовна - преподаватель ТПУ, председатель правления Центра польской культуры «Дом польский» г. Томска

Мохова Рената Евгеньевна – к.ф.н., зав. кафедрой славянской филологии ТГПУ

Нам Ирина Владимировна – к.и.н., докторант ТГУ

Наумова Наталья Ивановна – к.и.н., докторант ТГУ

Никулина Ирина Николаевна – к.и.н., доцент кафедры истории Отечества и политологии Алтайского государственного технического университета им. И.И.Ползунова

Новиньска Зофья – магистр филологии, выпускница отделения Российской филологии университета им. М.Кюри-Склодовской г. Люблина (Польша)

Новоселова Изольда Эдуардовна - член правления ПКПО «Огниво» г. Иркутск

Новоселова Марина Ростиславовна - кандидат геолого-минералогических наук, член ПКПО «Огниво» г. Иркутск

Овчинникова Лилия Ивановна – с.н.с., искусствовед Томского государственного художественного музея, член ТПНЦ «Белый Орел»

Офицеров Владимир Викторович – канд. физ.-мат. наук, доцент ТПУ, член Совета ЦПК «Дом Польский» в Томске

Подборская Ольга Леонидовна – редактор газеты «Содружество» г. Красноярск, председатель правления НКА «Дом Польский» г. Красноярск

Пэтрус Ежи – член Центрального Совета Общества «Вспульнота Польска», вице-директор Королевского замка на Вавеле г. Краков (Польша)

Рыхлик Ежи – генеральный консул Посольства Республики Польша в Москве

Савченко Анна Владимировна - студентка ФФ ТГПУ

Сиротинин Владимир Григорьевич - председатель правления общества «Мемориал» г. Красноярск

Скворцов Геннадий Владиславович – с.н.с. Томского государственного историко-архитектурного университета (ТГАСУ), краевед

Скубневский Валерий Анатольевич – д.и.н., профессор, зав. кафедрой Отечественной истории Алтайского государственного университета

Смулкова Эльжбета – доктор филологии, профессор Варшавского университета (Польша)

Слободской Виктор Иванович – профессор, ректор ТГПУ

Стемпка Малгожата – переводчик, корреспондент нью-йоркской газеты "Nowy Dziennik", почетный член ТПНЦ «Белый Орел», член Краковского отделения «Вспульнота Польска» (Польша)

Тимошенко Алексей Григорьевич – начальник департамента по

экономической деятельности, региональных и международных связей Администрации Томской области

Титов Владимир Юрьевич – аспирант Иркутского государственного педагогического университета (ИГПУ)

Тупицына Ирина Васильевна – студентка ФФ ТГПУ, член ТПНЦ «Белый Орел»

Тучков Александр Геннадиевич – к.и.н., старший преподаватель кафедры культурологии ТГПУ

Филь Генрик Зигмунтович – председатель польского общества «Лятарник» г.Тюмени

Филь Сергей Генрикович - заместитель председателя культурно-просветительского общества «Лятарник» г. Тюмени, вице-президент Конгресса поляков в России

Ханевич Василий Антонович - ассистент кафедры славянской филологии ТГПУ, председатель правления ТПНЦ «Белый Орёл», член совета Конгресса поляков в России

Ханц Уршуля – сотрудник Краковского отделения Общества «Вспульнота Польска» (Польша)

Хмылев Лев Николаевич – д.и.н., профессор Томского университета систем управления и радиоэлектроники (ТУСУР)

Шиловский Михаил Викторович – д.и.н., профессор, зав. кафедрой истории России НГУ

Шостакович Болеслав Сергеевич – д.и.н., профессор ИГУ, зам. председателя ПКПО «Огниво» г. Иркутск

Шумская Олеся Васильевна – студентка ФФ ТГПУ, член ТПНЦ «Белый Орел»

Ющук Лариса Анатольевна - аспирантка Новосибирской государственной архитектурно-художественной академии (НГАХА)

Ягодкина Оксана Викторовна – студентка ФФ ТГПУ
ПЛЕНАРНОЕ ЗАСЕДАНИЕ

ВЫСТУПЛЕНИЕ ПОСЛА РЕСПУБЛИКИ ПОЛЬША
АНДЖЕЯ ЗАЛУЦКОГО
на конференции 20 мая 1999 года

Большое вам спасибо за то, что я имею возможность участвовать в этой конференции, которая является очень важной не только для поляков, но, я думаю, и для россиян, жителей Сибири. Я очень рад, что в этой конференции участвуют кроме нас, представителей посольства, наши гости из Польши. Но что является очень важным, это то, что здесь присутствуют жители Томской области, представители того поколения поляков, которые живут на сибирской земле давно.

Большой вам сердечный поклон, большое вам спасибо за эту проявленную инициативу провести это мероприятие. Большое спасибо польскому центру «Белый Орёл» в Томске, большое спасибо представителям администрации Томской губернии. Я смогу сегодня передать губернатору слова благодарности за приглашение на эту конференцию.

С нами присутствуют в зале на конференции представители польской диаспоры в России, руководители польских организаций Сибири и я их очень сердечно приветствую. Но больше всего меня радует, что среди нас такая большая группа молодёжи. Это очень важно и является определённым символом, что эта тема интересует молодёжь.

Это не первый мой визит в Сибирь, но в Томске я впервые, но уверен, что не последний раз. Это как первая любовь будет сопровождать меня всю жизнь и я думаю, что мы будем продолжать наши контакты. Это очень важно для нас и я думаю, что это является также определённым знаком того, что есть возможности развивать хорошие отношения между Польшей и Россией. И поверьте, это не просто риторика, определённый комплимент, а действительное наше стремление к тому, чтобы наши отношения развивались. И такие возможности есть, огромные возможности развития наших отношений не только на высоком правительственном уровне, но и на уровне отдельных регионов, в том числе и с Томской областью.

Томск является не только важным экономическим и промышленным центром, но также важным интеллектуальным центром, городом университетов и учебных заведений. И нам надо развивать наши отношения в области культуры, науки, контактов между молодыми поколениями и т.д. Я убеждён, что они будут развиваться благодаря усилиям обеих сторон.

Я не буду здесь говорить о роли поляков в развитии Сибири, о их роли в экономическом, научном развитии этого региона. Участники конференции по

этим темам подготовили свои доклады и будут с ними выступать. Однако нельзя не сказать, что практически везде где бы мы не находились в Сибири, мы встречаем поляков. Первые контакты с Сибирью имеют давнюю историю, и для многих поколений поляков этот контакт означал что-то страшное, это являлось определённым синонимом ссылки и каторги. Однако следует подчеркнуть, что поляки всегда находили понимание с местными жителями, развивали свою деятельность. Представители культуры и науки работали здесь, и до сих пор их работы пользуются большим уважением не только в России, но и во всем мире.

Мир сейчас становится гораздо меньше благодаря тому, что у нас есть возможность пользоваться современной техникой, средствами массовой информации, телевидением, интернетом. Я думаю, что это даёт определённую возможность для дальнейшего нашего сближения. Расстояния между нами большие, но они благодаря современным средствам связи стремительно сокращаются.

Я хочу подчеркнуть, что в последние годы, несмотря на определённые препятствия, контакты между Польшей и Россией развиваются. Я убеждён, что они будут развиваться и дальше. Я могу сказать, что в 1997 году товарооборот между Россией и Польшей достиг уровня 4 миллиардов 800 миллионов долларов. Если сравнить уровень товарооборота между Россией и Китаем, который достигает 5-5,5 миллиардов долларов, то наши показатели в сравнении с большим Китаем неплохие.

Развиваются наши отношения и в других областях. Так, например, через неделю мы будем проводить в Саратове большую конференцию и Дни польской культуры. Есть интерес к большой культуре России и в самой Польше. Так, 10 мая начались в Варшаве Дни российской культуры. Это большое мероприятие, на котором присутствуют звёзды российской культуры. Это происходило в большом театре в центре Варшавы.

Мы готовим сейчас очень серьёзное, грандиозное мероприятие, которого до сих пор не было в наших двухсторонних российско-польских отношениях. Это будет выставка под названием «Варшава-Москва, Москва-Варшава». Готовимся мы к ней очень тщательно, так как хотели бы показать друг другу самое интересное в наших современных культурах. Первый год выставка будет находиться в Польше, а второй - в России. Название этой выставки имеет число условный характер, так как она будет проходить не только в наших столицах.

Я очень рад, что в этом развитии польско-российских отношений нам помогают граждане России польского происхождения. Активно работает Конгресс поляков в России, очень активно работают его структуры в разных местах России, в разных городах. Мы знаем, что это очень трудная и ответственная работа, она постоянно сталкивается с большими трудностями, обусловленными большими масштабами страны. Значительно легче приходится полякам, которые живут,

например, в Дании или Бельгии. Но мы очень рады, что россияне польского происхождения принимают самое активное участие во всех наших мероприятиях. Это очень важно.

В конце своего выступления я хочу пожелать вам всего доброго, прежде всего - здоровья. Удачи вам, всяческих благ вам и вашим семьям.

ТОМСКАЯ ПОЛОНИЯ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

В.А. ХАНЕВИЧ

г. Томск

История пребывания поляков на Томской земле имеет давние корни, беря начало с XVII века. Уже с первых лет существования Томского острога в его строительстве и охране территории принимали участие военнопленные Речи Посполитой в составе казачьих войск «литовского списка». Многие из них занимали высокие посты и должности, являлись «детьми боярскими», возглавляли отряды казаков по открытию новых земель и строительству новых острогов.

В последующие годы вплоть до XX века пребывание поляков в Томске главным образом было связано с последствиями ряда польских восстаний конца XVIII и XIX веков. В Томск ссылались пленные Барские конфедераты, участники восстания Тадеуша Костюшко, бывшие легионеры армии Юзефа Понятовского после поражения наполеоновских войск в войне 1812 года, участники восстаний 1831 и 1863 годов, деятели разного направления и политической ориентации революционных движений конца XIX - начала XX века. В годы первой мировой войны в Томске проживало много поляков из числа беженцев и военнопленных австро-венгерской армии.

В 1833 году ссыльными поляками в Томске был построен первый каменный костёл в Сибири. По результатам польского восстания 1863-1864 гг. в г. Томск и Томский уезд было сослано на поселение около 4 тысяч человек.

К началу XX века в городе Томске уже проживала польская колония численностью около 4 тысяч человек; 9 тысяч человек жили в сельской местности на территории нынешней Томской области.

По своему социальному положению жившие в Томске поляки занимали самое разное положение, в их числе были профессора Томского университета и Технологического института, преподаватели Томской мужской и женской гимназий, инженеры-путейцы Сибирской железной дороги, чиновники губернских учреждений, врачи, мелкие предприниматели, купцы и мещане. Практически в каждом городском учреждении, на многих предприятиях работали в начале XX века и продолжают работать в настоящее время люди, имеющие в своём роду польские корни.

Благодаря полякам в Томске начало развиваться кондитерское и колбасное производство, появились «европейские гостиницы» и магазины, пекарни и парикмахерские, а также многие неизвестные ранее производства и виды деятельности. Многими экономическими и культурными новшествами Томск обязан жившим в нём полякам или их потомкам, Так, среди первых 8 профессоров Томского Сибирского университета двое были по национальности поляками:

профессор Станислав Залесский и профессор Александр Догель, выросшие в Томске в крупных учёных с мировым именем. Жена профессора Залесского, пани Ядвига, талантливая пианистка, стояла у истоков создания в Томске местного отделения Императорского музыкального Общества и была одной из его первых председателей. Если продолжить тему вклада поляков в музыкальную жизнь Томска, то следует сказать, что устроительницей первой в Томске частной музыкальной школы в 1900 году стала жена правителя канцелярии попечителя Западно-Сибирского учебного округа Григория Томашинского, пани Камилла Томашинская (урождённая Савицкая).

Врач Владислав Пирусский, страстный и последовательный пропагандист развития среди населения физкультуры и здорового образа жизни, был в Томске организатором и создателем первого в Сибири и третьего в России (после Одессы и Москвы) Общества содействия физическому развитию. По его инициативе в Томске было построено по проекту архитектора, выпускника Краковской архитектурной школы Болеслава Татарчука, специальное здание школы-манежа для Общества. Кроме этого врач Пирусский выступал ещё и как издатель и редактор газеты и журнала «Здоровье для всех», в которых неустанно отстаивал свои взгляды и идеи массового физического оздоровления населения.

Жителям Томска П. Вержиковскому и Д. Швайковскому впервые в истории города принадлежит инициатива открытия в 1909 году общественного автобусного движения.

В 1911 году студент Томского технологического института Фёдор Громадский создал первый в Сибири двухместный планер собственной конструкции.

В начале XX века владельцы томской строительной фирмы Цезарь Любинский и Эдуард Векер впервые в Томске начали применять в строительстве железобетонные конструкции, построив с использованием этого нового для Сибири строительного материала многие промышленные и гражданские здания и сооружения.

Благодаря Вячеславу Реутовскому, горному инженеру, создателю и одному из владельцев первого в Томске в конце XIX - начале XX века предприятия по внедрению в производство современных на тот период времени технологий и изобретений в области электротехники: «Технико-промышленного бюро», в Томске была впервые построена городская электростанция и осуществлена в 1895 году электрификация города. Этот человек также являлся организатором и первым редактором первого в России специализированного журнала «Вестник золотопромышленности и горного дела вообще», начавшего выходить в Томске с 1893 года.

Инженер-землеустроитель Николай Пиглевский был создателем в начале XX века первого и единственного в губернии «великолепно организованного»

земельно-технического бюро. Благодаря Пиглевскому в Томске появились также первые газетные киоски.

Томский фотограф Станислав Петкевич явился автором первого изданного в Томске альбома художественных фотографий, посвящённых нашему городу. Кроме этого он известен и как издатель интересных видов Томского университета и единственного в своём роде альбома фотографий всех епископов Томской православной епархии и ректоров Томской Духовной семинарии со дня их основания. Примеры новаторской деятельности поляков в Томске не исчерпываются вышеприведёнными данными и могут быть продолжены.

В Томске польская колония до 1917 года имела две польских библиотеки, гимназию. В 1893 году было организовано благотворительное общество при Томском костёле, в составе которого было более 160 действительных и почётных членов, в подавляющем числе католиков-поляков. Оно организовывало городские спектакли и вечера на польском языке, проводило многочисленные благотворительные акции, доходы от которых шли на содержание приюта для бедных польских детей-сирот и приюта для старцев при костёле.

После Февральской революции 1917 года жизнь польской колонии в Томске была необычайно активна и разнообразна. Кроме римско-католического благотворительного общества в Томске существовали польская студенческая корпорация «Огниско», Польский народный клуб, Общество помощи полякам-беженцам, Общество помощи польской армии, Польский военный комитет и целый ряд политических организаций разной политической ориентации.

В 1921-22 годах по итогам Рижского договора часть Томской колонии выехала в Польшу, а все существовавшие ранее польские организации и общества при активном участии местных поляков-коммунистов прекратили своё существование. Некоторое время томских поляков объединял католический костёл, но и он был закрыт после массовых арестов 1937 года.

С 1920 года все проблемы живших в городе и уезде поляков стала решать Польская секция РКП (б) при Томском губкоме РКП (б). Их усилиями в городе Томске и уезде были сформированы три польские школы, но работа этих школ была непродолжительной, зачастую формальной и полностью прекратилась к концу 20-х годов.

В годы Советского режима 20-50-х годов повсеместно основным методом поддержания существующей системы была практика массового террора, которой были подвержены практически все социальные, профессиональные и национальные группы населения страны. Рассматривая национальный аспект массовых политических репрессий в СССР, и, в частности, на территории Томской области мы можем с полным основанием констатировать, что среди жертв массовых политических репрессий по широко известной политической 58 статье УК РСФСР, поляки составили одну из самых многочисленных

национальных групп. Так, по данным анализа анкет репрессированных почти на 19,5 тысяч человек, проведённого сотрудниками УКГБ по Томской области и ставших основой для 4 томов книги Памяти «Боль людская» установлено, что в числе репрессированных в Томской области были представители почти 60 наций и народностей не только СССР, но и многих стран мира. В этом скорбном списке по абсолютному количеству репрессированных поляки занимали 2 место (469 человек) после русских (12372 человека). Судьба мужской части польского села Белосток Томской области, поголовно арестованных в 1937-1938 годах и впоследствии расстрелянных - наглядный и типичный пример политики советских властей в отношении поляков в печально известные 30-е годы.

После массовых репрессий второй половины 30-х годов наступил этап депортаций «провинившихся народов». В их числе оказались также поляки с отторгнутых Советской армией от Польши территорий Западной Украины и Западной Белоруссии. На земли нынешней Томской области в 1940 году насильственно было депортировано около 15 тысяч поляков и бывших граждан Польши. Далеко не все из них смогли выдержать выпавшие на их долю суровые физические и моральные испытания. Многие умерли от голода и холода и были похоронены на местных кладбищах многочисленных спецпосёлков и комендатур.

После начала Великой Отечественной войны и подписания договора о взаимных действиях против общего врага между СССР и эмиграционным правительством Польши многие поляки, бывшие граждане Польши, были амнистированы и освобождены из мест заключения. Польскому правительству генерала Владислава Сикорского была предоставлена возможность сформировать из числа бывших польских граждан Польскую армию, которая впоследствии выступила против Германии на Советском фронте.

Началось формирование армии под командованием генерала Владислава Андерса. С сентября 1941 года у многих депортированных польских граждан спецпереселенческие удостоверения стали заменяться новыми документами, подтверждающими их польское гражданство, что давало некоторую свободу передвижения. Поляки почувствовали себя в СССР свободными людьми, насколько это было возможно почувствовать в тоталитарном государстве в условиях военного времени.

Верхом свобод для них в условиях полного контроля и регламентации всех сторон жизни можно считать практику выборов своих доверенных, получавших статус официальных представителей польского посольства. Польские доверенные получали право организовывать культурную жизнь своих сограждан, открывать польские школы, детдома, приюты для инвалидов, получать и распределять финансовую и материальную помощь среди польских ссыльных, главным образом предоставленную населением США, что существенно поддерживало ссыльных.

Представителем Польского посольства на территории Томской области и в городе Томске был назначен майор Войска Польского Болеслав Конецкий, получивший освобождение из советских лагерей по амнистии. Его усилиями в городе Колпашево и селе Белый Яр были организованы польские школы, а в Томске были созданы польский детдом и дом инвалидов, куда осенью 1942 года из Нарымского округа было отправлено около ста детей-сирот и несколько десятков инвалидов. В школах изучался польский язык, на собраниях польских граждан разрешалось петь польский гимн «Еще Польша не згинела» и другие национальные патриотические песни. Поляки, не таясь, получили возможность отмечать свои национальные праздники: «День Конституции 3 мая», католическую Пасху и Рождество Христово. Все это поддерживало сосланных не меньше продуктовых пайков, давало возможность ощущать себя вдали от родных мест гражданами своей страны. Однако подобные свободы вскоре были запрещены.

После окончания Великой Отечественной войны и возвращения на родину оставшихся в живых депортированных поляков считалось, что «польская тема» на Томской земле прекратила своё существование. В течение долгих 60 лет люди старались не вспоминать о своём происхождении, умалчивали о своих родственниках за границей. Однако и в этих условиях сплошной советизации в Томске жили люди, кто не забывал своей родословной, языка своих отцов и дедов. В их числе можно назвать скромного библиотекаря Сабину Ярошевскую, одинокую пожилую женщину. В 50-60 годы отказывая себе в самом необходимом, она собрала прекрасную библиотеку польской литературы, переданную после её смерти 4 мая 1972 года в областную библиотеку им. А.С. Пушкина.

По последней переписи населения 1989 года численность поляков в области составила 1773 человека, что по нашему мнению не соответствовало объективному отражению действительности, т.к. перепись учитывала только формальную сторону этого вопроса - запись в паспорте с указанием национальности. Последствия массовых репрессий против поляков в 30-е годы, а также практика поощрения русификации приводили к тому, что многие поляки стремились скрыть свою национальную принадлежность, изменить фамилию и т.п. По нашему мнению реальная цифра поляков и лиц польского происхождения в Томске и области в 15-20 раз выше обозначенной переписью 1989 года.

В период демократизации и гласности в российском обществе наиболее активным в Томске, наряду с прочими демократическими процессами стал процесс возрождения национального самосознания живущих в области народов, в том числе и поляков.

Сразу же при создании в 1989 году Томского историко-просветительского, правозащитного и благотворительного общества «Мемориал»

начала работать польская секция, поставившая задачу изучения истории репрессий на территории Томской области в отношении поляков. Долгие годы католическая община Томска добивалась возвращения в свою собственность здания костела. Произошло это 13 апреля 1990 года и стало одним из знаменательных событий в жизни томских поляков-католиков. В 1990 году в Томске был официально зарегистрирован центр польской культуры «Дом польский». В 1995 году отделом юстиции Томской областной администрации был зарегистрирован Томский Польский национальный центр «Белый Орёл», имеющий свои филиалы в г. Северске и селе Белосток Кривошеинского района.

Таким образом, польская секция «Мемориала», костёл и созданные «Дом польский» и «Белый Орёл» являются теми очагами, где сосредоточена вся деятельность по возрождению «польскости» среди местных поляков: изучению трагических судеб своих дедов и прадедов, польского языка и культуры Польши, возрождению веры своих предков.

Ежегодно летом силами польских центров организуется с помощью посольства Республики Польша в Москве отдых в детских лагерях Польши для 10-20 томских школьников. При польских центрах «Дом Польский» и «Белый Орёл» созданы и успешно работают фольклорные ансамбли польской песни «Споткане» и «Ловичанка», непреременные участники фестивалей дружбы народов в Томске и участники IX Всемирного фестиваля польских хоров в г. Кошалине (Польша) летом 1997 года. Для Томска с 1995 года стало уже хорошей традицией проведение в мае месяце Дней польской культуры. В их рамках польские центры готовят и проводят творческие вечера, заседания краеведческого клуба, музыкальные гостиные и видео-салоны, концерты польской музыки и песни, творческие встречи с деятелями культуры и искусства Польши. В 1998 году при активном участии польских обществ было отмечено столетие села Белосток, основанного поляками-переселенцами, восстановлен и освящён в селе католический костёл.

Члены центра «Белый Орёл» проводят серьёзную исследовательскую и поисковую работу в архивах Томска по изучению истории пребывания поляков в Сибири и истории католической Церкви в Западной Сибири. Их усилиями совместно с редакцией краеведческого альманаха «Сибирская старина» подготовлен и в 1997 году издан специальный номер альманаха, посвященный 400-летней истории польской диаспоры в Сибири, в 1998 году совместно с ГАТО издан сборник документов «Сибирский Белосток», посвящённый столетию польского села Белосток. В настоящее время подготовлена к изданию книга «Томский католический некрополь 1841-1919 гг.» - поименный список всех похороненных на католическом кладбище г. Томска за указанные годы. По инициативе «Белого Орла» осуществляется работа по установке на месте разрушенного католического кладбища г. Томска мемориального сквера, проект

которого уже разработан и утверждён градостроительным советом при Архитекторе г. Томска.

С 1998 года «Дом Польский» стал издавать информационный бюллетень своего центра.

В 1996 году по инициативе кафедры славянской филологии ТГПУ при поддержке ТПНЦ «Белый Орёл» в ТГПУ на филологическом факультете была открыта новая специализация «учитель польского языка», летом 1998 года на базе ТГПУ работала приёмная комиссия Министерства образования Республики Польша по приёму вступительных экзаменов в вузы Польши. ТГПУ и ТПНЦ «Белый Орёл» выступили с инициативой перед Посольством Республики Польша и Министром образования Польши создания в г. Томске базового для сибирского региона Польского учебно-методического и информационного центра, для которого ТГПУ выделил необходимые помещения.

В 1998 году при содействии благотворительного фонда «Атлас» из города Гданьска в адрес ТПНЦ «Белый Орёл» был доставлен гуманитарный груз, который был распределён среди малоимущей и нуждающейся части польской диаспоры Томской области, часть груза была передана в детские дома и интернаты г. Томска, в приют при костёле.

В настоящее время осуществляется работа по учреждению в Томской области на базе существующих польских центров Национально-культурной автономии поляков Томской области.

Для придания этому процессу ускорения и большей эффективности томские поляки заинтересованы в заключении Договора об экономическом, научном и культурном сотрудничестве между Томской областью и одним из воеводств Республики Польша, в установлении побратимских связей города Томска с одним из городов Польши.

Мы заинтересованы также в создании совместными усилиями с польской стороной Польско-Российского учебно-методического и информационного центра, оснащённого современным учебно-методическим оборудованием, средствами связи. Данный центр призван стать базовым методическим и информационным центром для подготовки и переподготовки преподавателей польского языка не только для Томской области, но и для всего сибирского региона. В наших планах наряду с существующими и уже работающими польскими классами в школе №4 и лицее №16 г. Томска открытие польских классов в школах №41 и гимназии №29 г. Томска, введение преподавания польского языка в школе села Белосток и других селах области с местами компактного проживания поляков.

Члены польской диаспоры Томска, активисты наших польских центров мечтают о придании организуемых их усилиями Дням польской культуры в Томской области официального статуса в рамках дней Российско-Польской

дружбы и сотрудничества, участием в них известных деятелей культуры и искусства.

Мы надеемся на финансовую поддержку разработанной Польским центром «Белый Орёл» совместно с обществом «Мемориал», государственным архивом Томской области, Центром документации новейшей истории Томской области Программы по изучению архивных документов, раскрывающих историю поляков на Томской земле и историю Католической церкви в Западной Сибири.

Мы с полным правом можем сказать, что в Томске реально осуществляется процесс возрождения национального самосознания местных поляков и лиц польского происхождения, идёт работа по восстановлению утраченных ранее культурных традиций и связей со своей исторической родиной. У нас большая и славная история, трудное, но интересное настоящее, мы с уверенностью смотрим в будущее.

РОЛЬ И ЗНАЧЕНИЕ ВКЛАДА ПОЛЯКОВ В ПОЗНАНИЕ
И ОСВОЕНИЕ СИБИРИ И ФОРМИРОВАНИЕ СВЯЗИ С КРАЕМ
ПОЛЬСКОЙ ДИАСПОРЫ ЗА УРАЛОМ

А. КУЧИНЬСКИ

г. Вроцлав (Польша)

перевод с польского А.В.Гузеевой*

Сибирь была всегда для поляков местом ссылки, история этой обширной земли связана с угнетением множества народов. Поляки были здесь уже с первых дней ее освоения Россией. Старые российские хроники подтверждают, что в русских вооруженных отрядах, которые в 1582 году двинулись за Урал, находились военнопленные с польско-московских войн времен Стефана Баторы. Затем, спустя столетия, когда наши отношения с восточным соседом не раз складывались трагически, попадали поляки в Сибирь по этапу. О пионерах, которые смогли выделиться среди солдатской массы и занять особые посты, сегодня мы знаем немного. Время стерло эти следы.

Но уже о поляках в XVII веке «осваивающих Сибирь» можно найти сведения в старых сибирских документах. Были наши земляки в первом ряду покорителей сибирской земли, выполняли функции управляющих водными переправами, строили остроги и мосты, были смотрителями соляных шахт, собирали налоги в государственную казну..., выполняли еще множество других функций, потому что была в этом потребность.

Последующие столетия - это по-прежнему постоянный марш ссыльных поляков на зауральские земли. Самое большое переселение относится к XIX столетию, а были среди них не только ссыльные, а также и добровольные эмигранты, солдаты-призывники, офицеры, получившие образование в России, государственные служащие, врачи, инженеры. Потом, когда стало понятно, что слово «Сибирь» - это только тяжкий вздох времен неволи, новые факты потрясли польский народ.

Время последней войны и первые несколько лет после ее окончания - это новый польский этап в истории Сибири, может быть самый трагический из всех предыдущих, так как коснулся более 1,5 миллионов наших соотечественников. Часть из них разными дорогами возвращалась на Родину, много их разошлось по миру, много умерло в ссылке в степных поселках, лесных крепостях и лагерях. Безмянный труд той огромной массы оторванных от Родины поляков, которые выполняли принудительную работу в ссылке - это тоже «польский» вклад в освоение Сибири и ее цивилизацию.

Как же часто забываем мы сегодня о том, что огромные сибирские шахты, гидроэлектростанции, фабрики, которые возникли за Уралом - это также часть труда поляков. Советская ссылка не давала возможность продолжить

исследования их предшественников, которые составляли карты этой территории, исследовали культуру живущих там людей, открывали тайны этой земли, возводили свои костелы, использовали золото, уголь и железную руду. Сталинская система ссылки и депортации поляков была направлена, прежде всего, на их уничтожение, если не всех, то большинства. Это не означает, что следует продолжать отождествлять Сибирь с польским мученичеством – такая правда о тех подневольных последних связях поляков с мрачно звучащим словом «Сибирь».

1. Народы Сибири, их обычаи, образ жизни

Уже первое знакомство поляков с Сибирью дало определенные сведения, связанные с живущими там народами и их культурой. Самые старые записи поляков об этом найдены в дневнике Адама Каминьского Длужика, который в середине XVII столетия оказался в Якутии. Его описание является важным источником для изучения истории Сибири и живущих там людей, культура которых была представлена в широком спектре, в материальном, общественном и духовном аспекте.

Много ценных сведений в этой области содержит также книга воспоминаний Людвика Сеницкого, который в течение определенного времени жил в Якутске как русский военнопленный. Датированное первой половиной XVIII века его описание Сибири знакомит нас со многими этнографическими особенностями сибирских туземцев, таких как шаманизм, язык и обычаи.

Среди последующих первых описаний, содержащих этнографические материалы, оказались также записки барского конфедерата Кароля Любич-Хоецкого, в которых имеется информация, касающаяся казахов северных районов этого края, а также сведения о разнообразии культуры, связанные с другими территориями азиатской и европейской России.

В этом коротком описании следует напомнить о Мауриции Августе Беневском, также конфедерате, который по этапу был сослан на далекую Камчатку. С ней связано также красочное описание этого полуострова и сибирских народов другим автором, участником Костюшковского восстания бригадира Ёзефа Копеча, который на северо-восточных рубежах России был в течение двух лет. Его описание туземных народов, их охоты, транспорта и коммуникации, хозяйства, одежды, речи, обрядов и обычаев является вполне достоверным и производит большое впечатление благодаря многообразию и красочности культуры первых жителей Сибири.

К концу XVIII относится также дневник ксендза Фаустина Чечерского, который какое-то время был в ссылке в Восточной Сибири, недалеко от китайской границы на юг от озера Байкал. Наблюдая в то время за многообразием культуры

сибирских туземцев, видел Чечерски мир ранее ему незнакомый. И нет ничего удивительного в том, что он уделил ему так много внимания в своих записях.

Здесь можно еще перечислять описания сибирской культуры, содержащиеся в богатых рукописях поляков, связанных с пребыванием в ссылке за Уралом. Однако мы обратили внимание на пионерские работы в этой области, хотя по праву к ним относятся и рукописи XIX века, являющиеся результатом непрерывного потока в Сибирь ссыльных поляков. Дошло до нас много описаний того времени. Этот факт имеет свое отражение в современной публицистической литературе, касающейся ссылки и депортации поляков в Сибирь во время II мировой войны и первых лет после ее окончания.

Резюмируя, следует заметить, что эта литература, в основной своей части, имеет характер основных источников для истории этнографии Сибири, что неоднократно подтверждают современные исследователи [1].

Однако в польско-сибирских связях в области этнографии, прежде всего выделяются работы тех ссыльных, которые проводили систематические исследования в этой области. Такой характер имеет территориальное исследование Ёзефа Ковалевского, касающееся культуры бурят и монголов [2]. Изучением этнографии бурят занимался также Бенедикт Дыбовски, участник январского восстания, который пребывал на территории Восточной Сибири, а позднее, после помилования, выехал добровольно работать врачом на Камчатку. Он там собрал богатую этнографическую коллекцию, часть которой сейчас находится в Польше. Его описания, касающиеся Камчатки и ее жителей, наполнены этнографической тематикой. Они имеют характер особого научного источника [3].

С этими районами Сибири связаны именно поляки своими заслугами в области изучения культуры якутов. Помимо большого количества мемуаров, оставленных ссыльными, которые сталкивались с якутами, особый характер имеют исследования Вацлава Серошевского, можно говорить о классике, если речь идет о мировой «якутологии». Его монументальная работа под названием «12 лет в крае якутов», изданная первый раз на русском языке [4], является многотематической монографией культуры этого народа и каждый, кто занимается изучением якутов, должен черпать сведения об истории и культуре якутского народа из этой книги.

То же самое следует сказать о результатах исследовательской работы другого поляка, считавшегося одним из знатоков-классиков культуры якутов. Это – ссыльный Эдвард Пекарски, который в течение многих лет пребывал на территории над Леной во второй половине XIX столетия. Он является автором монументального словаря якутского языка, единственного по сей день комплексного изложения культуры этого народа.

Помимо словаря Пекарски является автором многих других опубликованных работ о якутской культуре, например, о веровании, обрядах, общественном строе, фольклоре, обычаях и т.п. Он также создал богатую антологию фольклора якутов и был настоящим научным авторитетом в этой области. Он прожил 24 года среди якутов. Он пользовался их доверием и любовью, что сказывалось на его исследовательской работе.

Польская ориенталистика неоднократно обращалась к культуре якутов. Ее исследованием занимался также в конце XIX столетия Адам Шимански, Феликс Кон, Ян Черски, Миколай Виташевски, о чем подробно рассказывает монография В. Армона «Польские исследователи якутов», Варшава 1977.

Нельзя здесь не упомянуть замечательных исследований поляков в области культуры бурят и роли, которую выполняли поляки для научного и культурного развития Забайкальского края. Работавший на протяжении многих лет в Троицкосавске врач и антрополог Юлиан Талько-Хрынцевич был инициатором многих научных начинаний на той территории. По его инициативе появились в Кяхте научные журналы, библиотека и музей. Он был вдохновителем этнографических, антропологических и лингвистических исследований на тех просторах. Он подключал к этой работе живущих в тех районах поляков, и они вместе вносили свежую струю в науку и культуру Кяхты, Читы и других городов этого региона.

Сегодня редко кто из поляков добирается в те районы. Следует, однако, признать, что во время торжеств по поводу 100-летия Кяхтанского краеведческого музея им. В.А. Обручева, которые состоялись в 1990 году, подчеркивалось, что именно поляки были инициаторами создания этого учреждения. Так, еще раз в далекой Сибири ожили воспоминания давних лет, не отошла в небытие роль, которую ссыльные поляки играли в развитии этого края. Теперь времена совершенно иные и этот резонанс с каждым годом все слабее.

2. Природа и география Сибири в исследованиях поляков

Исследования в области геологии, географии и ботаники Сибири также берут свое начало благодаря польским ссыльным. Занимались этими исследованиями, прежде всего, ссыльные-участники Январского восстания такие как: А. Чекановски, Я. Черски, Б. Дыбовски, В. Годлевски [5]. Их вклад в область познания сибирской земли бесспорно огромный. Свидетели тому, в том числе и географические названия на карте Сибири: горы Черского в Якутии и над Байкалом, гора Дыбовского на Командорах, полуостров Янковского на Дальнем Востоке и другие.

Я. Черски - участник Январского восстания, один из знаменитейших исследователей Сибири и Байкала, основатель одного из эволюционных

направлений в геоморфологии. В 1871-1883 годах он принимал участие в нескольких экспедициях на территории Восточной Сибири. Затем (1886-1891) работал в Петербурге, откуда по поручению Академии наук отправился в 1891 году в научную экспедицию на северо-восток Сибири, где и погиб. Он был самоучкой, который благодаря самостоятельной работе и помощи друзей занимался «белыми пятнами» на карте Сибири. О его жизни и работе писал З. Вуйчик в интересной книге «Ян Черски. Польский исследователь Сибири» (1986).

Также необычной личностью в истории географических исследований Сибири был Александр Чекановски, ссыльный, участник Январского восстания. Он считается создателем региональной геологии Прибайкалья и одним из лучших сибирских геологов XIX века. Известный знаток Сибири С.В. Обручев писал, что он первый раз как геолог исследовал озеро Байкал и представил готовую концепцию геологической структуры Прибайкалья. Польский геолог и историк науки З. Вуйчик в посвященной ему книге под названием «Александр Чекановски. Очерки о людях, науке и приключениях в Сибири» (1982) дал всесторонний обзор его научных достижений, знакомя спустя годы с его личностью широкие слои общества.

Исследования Б. Дыбовского касались, прежде всего, Байкала. Он создал гениальную теорию происхождения озера и его фауны. Память о нем живет до сего дня, а его бюст украшает зал Лимнологического музея в Листвянке. Там также чаще всего упоминается его имя независимо от того, кому рассказывают экскурсоводы историю Байкала, туристам из Польши, Германии, России, Франции, Англии или других стран мира. Всегда отмечается, что он «был поляком и является самым известным исследователем Байкала».

В исследовательских работах, проводимых Дыбовским, принимали участие другие поляки, такие как Михал Янковски, Виктор Годлевски, Миколай Хартунг, Ёзеф Лаговски, Миколай Витковски. Можно смело утверждать, что история изучения природы Сибири имеет большой «польский раздел». Так, свои открытия, ценимые по сей день мировой наукой, совершали там Кароль Богданович, Казимеж Гроховски, Леонард Ячевски, Ёзеф Морозевич, Адам Пивовар, Антони Валецки и другие. Не все из них были политическими ссыльными, однако, время неволи распорядилось так, что работали они в различных учреждениях на территории России.

Кароль Богданович, например, получив образование в России, связал на много лет свою жизнь с различными учреждениями и проводил геологические и географические исследования, в том числе в Средней Азии, Сибири и на Дальнем Востоке. В большинстве своем это были пионерские исследования, имеющие больше значение для экономики России.

Аналогичный характер носили исследования, проводимые Ёзефом Морозевичем, также выпускника русской высшей школы. Он изучал просторы

Урала, Новую Землю и Командорские острова. Оба, став хорошо известными, вернулись в Польшу после обретения ей независимости и активно включились в создание основ геологии и петрографии.

Этим вопросам посвящена статья З. Вуйчика под названием «Об этнографических элементах в работах некоторых польских геологов, исследовавших Россию до 1914 года», помещенной на страницах сборника «История польско-российских контактов в области этнографии» под ред. Бабича и А. Кучиньского, Вроцлав 1976.

3. Экономика, культура, просвещение

Среди поляков, которые преуспевали в Сибири, был Захары Цыбульски, владелец золотых приисков, которому был доверен пост городского головы города Томска. Он поддерживал польских ссыльных в их тяжелом материальном положении, вносил свои пожертвования на различные благотворительные цели. Будучи горячим сторонником открытия в этом городе университета, он выделил на эту цель неустрашимую в те времена сумму - 150 тысяч рублей. В этих стараниях З. Цыбульского поддерживал тобольский воевода А. Деспот-Зенович и представители сибирской буржуазии и купечества. В итоге в 1888 году университет начал свою работу. Это было первое высшее учебное заведение на огромной территории от Казани до Тихого океана. Только десять лет спустя (1898) был основан во Владивостоке Восточный институт. Томск, город, лежащий на московско-иркутском тракте, был большим торговым центром, в котором проживало много поляков. Они учились в этом университете, а также работали в качестве преподавателей.

В числе профессоров этого учебного заведения в конце XIX века были: Александр Догель, врач-гистолог, и химик Станислав Залески. В этом городе до сего дня проживает большое число поляков. Часть из них – это потомки ссыльных и поселенцев конца XIX и начала XX века, а другие прибывали сюда в разное время советского периода не по своей воле. Много в Томске проживало польской интеллигенции и смело можно утверждать, что в этом городе отчетливо чувствовалась польская атмосфера, так же как и в Иркутске, где по сей день звучат в российской историографии заслуги поляков в деле развития этого города.

В Иркутске было много польских магазинов, называемых «варшавскими». Городская польская колония активно занималась культурной и просветительской деятельностью, которая задерживала процесс русификации. Здесь поляки занимали различные государственные посты. Одним из них был малоизвестный Альфонс Шанявски. Будучи офицером в русской армии, он принимал участие во многих картографических экспедициях. Женатый на русской, дочери богатого русского промышленника Алексея Родственного, он развернул широкую

просветительскую деятельность, он был инициатором создания гимназии для бурят.

После выхода на пенсию он основал с купцом В. Сабашниковым артель для поиска золота. Фортуна ему благоприятствовала, и он постоянно выделял деньги на просветительские цели и содействовал различным польским обществам, действующим в Иркутске. Он поддерживал развитие культуры и просвещения на осваиваемых сибирских землях. За 30 тысяч рублей он построил среднюю школу в Благовещенске, финансировал также деятельность сельскохозяйственной школы в Забайкалье, приобретя для нее 1000 моргов (560 га – прим. перев.) земли. Самым прекрасным его достижением было основание в Москве Вольного университета, который носил его имя. Университет перестал действовать в 1918 году. До наших дней сохранилось только запущенное здание, на фасаде которого видны римские цифры MCMXII.

В общем, следует еще вспомнить о том, что владельцем золоторудных шахт «Николаевск» над Амуром был ссыльный с 1863 года Станислав Мисковски. Владельцем золотоносных приисков в Приамурском крае был Казимеж Гроховски, знаменитый исследователь Сибири.

Другой ссыльный того же года, Залесски, основал в нескольких городах Дальнего Востока (Благовещенск, Николаевск и Владивосток) три пивоварни, в которых работали поляки, так же как и на принадлежащих ему стекольных заводах. Производством пива занималась также живущая в Томске зажиточная семья Зеленевских.

Неплохо шли дела также у Яна Комаровского, владельца угольных шахт в Черемховском бассейне в Восточной Сибири. На некоторых из них работали исключительно одни поляки - эмигранты и ссыльные, некоторые районы в окрестностях Иркутска, где находились эти шахты, называли «новой Польшей». Я. Комаровски жертвовал также немалые суммы денег на гуманитарную деятельность и в течение многих лет был председателем благотворительного общества в Иркутске.

Начало строительства транссибирской железной дороги (1891) дало шанс большому числу поляков, инженеров и рабочих, обрести доходную работу. Это внесло значительное оживление польских колоний в сибирских городах и много соотечественников работало не только в строительстве, реализуя это гигантское предприятие, а также в качестве служащих и вспомогательной службы.

В области средств транспорта и связи работало на территории России много поляков. Смело можно утверждать, что там, где в Российской Империи проходили инвестиционные работы в области железных дорог, на всех участках организации и технического надзора работали поляки.

Участник Январского восстания Альбин Якуб Кох, автор многих статей о Сибири и монографии «Сибирь и Амур», опубликованной в Лейпциге (1887)

писал о том, что поляки имели большое влияние на развитие ремёсел в Сибири и были повсюду ценимы как изготовители повозок, ветчины, изделий из сахара, мебели, пива.

Когда в 1883 году манифест царя Александра III давал право всем польским ссыльным покинуть Сибирь, в 31 номере газеты «Сибирь» (1883) была опубликована статья под названием «Поляки в Сибири». Авторы статьи сердечно с ними прощались и подчеркивали, что дали поляки сибирской земле много хорошего во многих областях общественной, образовательной и хозяйственной жизни. Было написано также о вкладе поляков в изучение Сибири, отмечалось полная отдача своей работе наших врачей, которые зачастую платили жизнью... «Имена Ёзефа Лаговского, Зиминского, Чечковского, Яроцкого и многих других долго еще будут в памяти жителей Сибири...», - отмечалось в этой статье.

* В сборнике приводится сокращенный вариант работы

1. A. Kuczyński, *Syberia. Czterysta lat polskiej diaspory. Antologia historyczno-kulturowa*, Wrocław 1995 (wydanie drugie).

2. A. Kuczyński, *Sybieryjskie szlaki*, Wrocław 1972, s. 214-225.

3. G. Brzęk, Benedykt Dybowski. *Życie i dzieło*, Wrocław 1994.

4. Книга была под названием *Якуты. Опыт этнографического исследования* и вышла в 1896 г. в Петербурге. Спустя время, вышли три ее польские издания: 1900, 1935, 1961.

5. Z. Wójcik, *Zesłańcze szlaki uczonych polskich w Rosji, "Niepodległość i Pamięć"* 1995: 2, s. 13.

DOBROWOLNA MIGRACJA CHŁOPÓW POLSKICH NA SYBERIĘ
ZACHODNIĄ W KOŃCU XIX I NA POCZĄTKU XX WIEKU
W. MASIARZ
Kraków (Polska)

Pod koniec XIX wieku zaczął narastać na ziemiach polskich kryzys głodu ziemi, który wpłynął na wzrost emigracji polskich chłopów do zachodniej Europy i Ameryki. Administracja carskiej Rosji dostrzegając ten ruch, dążyła do skierowania go na wschód, za Ural, gdzie kolonizacja Syberii zaczęła być jednym z głównych celów polityki caratu. Obok przymusowego, zaczęto organizować dobrowolne osadnictwo chłopskie. Ożywienie akcji przesiedleńczej nastąpiło po rozpoczęciu w 1891 r., budowy kolei transyberyjskiej. Główny potok przesiedleńczy płynął z guberni Rosji europejskiej oraz z ziem ukraińskich i białoruskich. Z guberni Królestwa Polskiego ruch ten był najmniejszy, ale w proporcji do liczby Polaków ważny. Chociaż posiadamy dokładne urzędowe dane ilościowe przesiedleńców za Ural, to jednak brak ścisłych danych o Polakach, gdyż carska statystyka nie podawała narodowości przesiedleńców, operując danymi z guberni. Na Syberii w wcześniej niż polscy chłopcy osiedlali się Polacy szukając pracy i kariery wysłużeni wojskowi, lekarze, prawnicy, urzędnicy, inżynierowie, maszyniści, technicy i robotnicy kolejowi, oraz różnego rodzaju przedsiębiorcy i rzemieślnicy jak hotelarze, fryzjerzy, masarze, aptekarze itp. Po nich ruszyli także polscy chłopcy i robotnicy.

W 1885 ruszyło 286 chłopów z powiatu Końskie z gub. Radom, wybierali się do gub. Tomskiej. Ponieważ nie posiadali wystarczającej ilości pieniędzy, władze cofnęli ich w Warszawie zezwalając na wyjazd tylko 3 rodzinom liczącym 26 osób. Ta nieudana zbiorowa wyprawa koneckich chłopów wywołała dla nich złośliwe komentarze nazywając ich „głupimi i łakomymi kmiotkami”[1]. W 1889 warszawskie pismo „Ateneum” obliczało liczbę migracji polskiej z Królestwa na 10 tys. ludzi [2]. W latach następnych jechali za ziemią i chlebem w masie chłopstwa rosyjskiego i chłopstwo polskie, głównie biedni, małorolni i bezrolni dzierżawcy ziemi folwarcznej, służby dworskiej z guberni Kaliskiej, Płockiej, Lubelskiej, Siedleckiej i Radomskiej. Według rosyjskiego spisu ludności z 1897 r., w gub. Tomskiej mieszkało 6.387 Polaków, (w tym 4.206 mężczyzn i 2.181 kobiet) tj. 0,3% ogółu ludności. Dane te potwierdza tezę, że w Syberii Zachodniej osiedlało się dwa razy więcej Polaków niż na Syberii Wschodniej (np. w Irkuckiej gub. było wówczas 3.864 Polaków). Z. Łukawski obliczał, że już wówczas połowa Polaków była pochodzenia chłopskiego. Napewno wpłynęło na to zaliczenie w stan chłopski zesłańców, którzy po odbyciu kary byli kierowani na posiedzenie [3].

Przed 1900 (wg. Chaniewicza) w gub. tomskiej powstały takie polskie wioski jak: Andrejewka i Łomowicki w gminie Siemiłuzskiej, a w gminie Mołczanowskiej - Pietropawłowka, Połozowo i Bielostok [4]. Po 1900 r., akcja przesiedleńcza trwała ale pod kontrolą komisarzy włościańskich w powiatach i urzędników gubernialnych. Odtąd

wymagano posiadania 500 rubli na rodzinę aby dostać zezwolenie na przesiedlenie się do Syberii.

Wojna Rosji z Japonią oraz wydarzenia rewolucyjne 1905-6 zahamowały, ale nie powstrzymały akcji przesiedleńczej. Wielka akcja przesiedleńcza zaczęła się dopiero w okresie rządu Piotra Stołypina 1906-1911, który sam był wielkim zwolennikiem agrarnej kolonizacji Syberii. Wzrosła propaganda za przesiedlaniem się na Syberię, którą podzielono na 13 rejonów przesiedleńczych. Ustalono ulgowe taryfy na przewozy kolejowe i ustanowiono swobodne „hodaczeztwo”. Podsumowano dotychczasowe efekty ruchu od czasu utworzenia Urzędu Przesiedleńczego w 1886 r. do 1906 r., kiedy przesiedliło się za Ural 1 mln 700 tys. W tej liczbie z guberni z etnicznych ziem polskich ruch ten wynosił 1% tj. 17 tys [5]. Oczywiście bardzo trudno a wręcz niemożliwie jest dziś ustalić faktyczną liczbę Polaków, gdyż wszystkie źródła rosyjskie celowo unikają danych według narodowości. Najczęściej podawano dane wg guberni. Dla przykładu: w 1899 r. wyjechało na Syberię z guberni Królestwa Polskiego: warszawskiej, lubielskiej, radomskiej, płockiej i siedleckiej 62 rodziny. Dla porównania, z guberni tzw. Zachodnich, gdzie także mieszkali Polacy: grodzieńskiej, wileńskiej, kowieńskiej, mogilewskiej, witebskiej i mińskiej wyjechało w tym roku 2169 rodzin [6]. Niestety brak nam danych o narodowości tych wychoźców. Możemy się tylko domyślać że byli wśród nich także Polacy. Klasycznym przykładem tego okresu migracji na Syberię jest wieś Białystok. Od 1906 r., również i władze carskie w guberniach Królestwa Polskiego prowadziły już systematyczną propagandę za przesiedlaniem się na Syberię.

Źródła potwierdzają, że od wiosny 1906 r. do 1910, jechali do guberni Tomskiej i Tobolskiej a także innych przesiedleńcy niemal ze wszystkich guberni Królestwa Polskiego i guberni zachodnich. Wracało około 10%. W 1910 r., sam premier Stołypin odbył inspekcyjną podróż po Syberii. W sprawozdaniu chwalił się, że za 300 lat władzy Rosji nad Syberią przybyło do niej ok. 4,5 mln ludności ruskiej, a za ostatnie 15 lat (1896-1910) od razu 3 mln z tego 1,5 mln czyli połowa z okresu jego rządów. W tej liczbie 3 mln - ludność z Królestwa Polskiego stanowiła 7.217 osób tj. zaledwie 0,3% [7]. Od 1909 r., ruch migracyjny zwany „syberyjską gorączką” ogarnął także Zagłębie Dąbrowskie. Nawet nieźle zarabiające górnicy i pracownicy hut i kopalń zaczęli zapisywać się na listy chętnych do wyjazdu na Syberię. Były jednak wypadki, że carska administracja odmawiała zgody na wyjazd uważając, że górnicy czy robotnicy nie będą umieli uprawiać syberyjskiej ziemi. Nie byli na tyle domyślni, że zdecydowana większość tych górników w pierwszym pokoleniu wywodziło się ze wsi, niejednokrotnie i tam mieszkając. Toteż w 1909 r., wybrano dwóch delegatów z kopalni „Jerzy” w Dąbrowy Górniczej, którzy pojechali do S. Petersburga do Głównego Urzędu Przesiedleńczego w S. Petersburgu, gdzie udało im się przekonać urzędników o tym, że polski górnik może i potrafi uprawiać syberyjską ziemię. Uzyskali oni zgodę na przesiedlenie się 240 rodzin z gminy Załuże do rejonów: Tomskiego, Marińskiego i

Jenisiejskiego [8]. Z tego okresu pozostał fantastyczny relikwiarz epoki stołypinowskiej – polska wieś WIERSZYNA, istniejąca do dziś w niezmiennym stanie w rejonie Bohanskim, 150 km na północ od Irkucka [9].

Od 1911 r., następował spadek ogólnej liczby przesiedleńców, w tym także z ziem polskich na Syberię. Sprawili to lata nieurodzajów 1910-1911, głównie w Syberii Zachodniej. Potwierdzają to następujące dane: w latach 1907-1909 średnio średnio rocznie przesiedlało się ponad pół miliona ludzi, to w latach 1910-1914 ruch ten zmalał o połowę. Zwiększył się też ruch powracających. W latach 1906-1909 średnio wracało ok.20% a w a w okresie 1910-1914 już około 40%. Wybuch I wojny światowej zahamował ruch przesiedleńczy na Syberię, chociaż z ziem Rosji europejskiej trwał on jeszcze do 1916 r. [10].

Na podstawie materiałów archiwalnych pochodzenia kościelnego udało się ustalić najważniejsze miejsca (uczastki, pasiołki, dierewnie, sioła) zasiedlane dobrowolnymi przesiedleńcami z ziem polskich w gub.tomskiej i parafii - SUCHORIECZE I KUZOWLEWOJ (Z SIEDLECKIEJ GUB.); NOWOPOKROWSKIJ (Z WOŁYŃSKIEJ); BIEŁASTOK (Z GRODNIEŃSKIEJ). W SPASSKIEJ PARAFII – KABAKLINSKOJ, KURORT, KARACZI, KRASKA, JARSKOJ, KUZNIECOWO, MALINIKOJ, MIELNIKOWO, NOWO-POCHINKOWO, POŁTAWKA, POPOWA-ZAIMKA, TOŁOWKOWO, UCZUJ. W PARAFII KAINSKIEJ - POLAKOWSKOJ, BUGRINSKOJ, ANTRATOW-BAŁAGAN (Z WOŁYŃSKIEJ I 4 RODZINY Z LUBELSKIEJ GUB.). W PARAFII BOROKOWSKOJ - WOJENKA, SPRAGOWSKIJ (Z WOŁYŃSKIEJ GUB.), POŁOZOWSKIJ, MALICZEWSKI, RYBOŁOWSKI, MICHAŁOWKA CZYLI LANCKORONA, DWUCHRECHENSKIJ, ANREJEWSKIJ, ŁOMOWICKIJ, OKOSZKINSKIJ, WIAZIEMSKIJ, ZŁOTOGORSKIJ, BAROKOWSKIJ, MARYINSKIJ. W MARIŃSKIM UJEZDIE W 1910 R., UTWORZONO 3 PASOŁKI: CZENSOCHOWSKIJ, DWINSKIJ I WARZSAWSKIJ [11].

Na zakończenie tych rozważań, nasuwają się dwie grupy wniosków. Pierwsza - tam gdzie Polacy osiedlali się w jednym miejscu w dużej grupie, jak np. w Biełostoku czy Wierszynie, dierewnie te przetrwały do dziś a Polacy zachowali język i tożsamość narodową. Tam gdzie umieszczano kilka lub kilkanaście rodzin w dierewni rosyjskiej, tam już w drugim pokoleniu Polacy ulegali asymilacji i wynarodowieniu, pozostawiając u niektórych rodzin tylko pamięć o polskim pochodzeniu.

Po drugie - godne jest podkreślenia, że polscy osadnicy na Syberii wykazywali większą wytrwałość, upór i przywiązanie do nadzielonej ziemi niż inni. Widać wyniesiony z ojczyzny „głód ziemi” silniej przywiązywał polskiego krestianina do ziemi niż pozostałych. Dlatego też Polacy stanowili mniejszy procent wracających i dlatego władze carskie będąc przekonane o wartości polskiego elementu w zagospodarowaniu ziemi syberyjskiej, do 1914 wydawały dla Polaków specjalne, dwujęzyczne broszury pt. „Przesiedlenie za Ural”, które można było otrzymać bezpłatnie we wszystkich urzędach carskiej administracji na terenie Królestwa Polskiego.

Администрация царской России направила поток польских крестьян-переселенцев в конце XIX века на восток. Сибирь стала одним из важных направлений в ее политике. Туда до крестьян уже добровольно приехали польские военные, врачи, юристы, инженеры, машинисты, техники, предприниматели и ремесленники. В 1889 г. число польских эмигрантов составляло 10 тыс. человек. В последующие годы ехали за землей и хлебом в числе русских и польские крестьяне, в основном бедные и безземельные из Калишской, Плоцкой, Любельской, Седлецкой и Радомской губерний. Согласно первой переписи населения в 1897 году в Томской губернии проживало 6387 (0,3%) поляков. Война между Японией и Россией и революционное движение 1905-06 гг. затормозили этот процесс. Активизировался он во времена правления Петра Столыпина в 1906-1911 гг. До 1906 года переселилось 17 тыс. поляков. После 1906 г. власти продолжали систематически заниматься пропагандой переселения в Сибирь. В период 1896-1910 гг. туда переехало 3 млн. человек, из них 7217 (0,3%) поляков. С 1910 г. в связи с неурожаем, а затем с началом I Мировой войны наступил значительный спад количества переселенцев за Урал. Там, где поляки переселялись большой группой в одну деревню, как напр. Вершина или Белосток, сохранились они и до сего дня. Следует отметить, что поляки – одни из немногих, кто продолжали держаться за выделенные им земли. Среди них был меньший процент возвращающихся на прежние территории.

перевод А.В. Гузевой

-
1. Wychodźstwo włościan z Królestwa Polskiego, „Przegląd Społeczny”, Lwów 1886, nr 1, s. 86-89.
 2. „Ateneum” 1889, t.IV, z.1, s. 291.
 3. Z. Łukawski, Ludność polska w Rosji 1863-1914, Wrocław- Kraków 1978, s. 73-75.
 4. Ханевич В.А. Белостокская трагедия. Из истории геноцида поляков в Сибири. Томск, 1993 г. с. 129-136; Из истории земли томской. Сибирский Белосток. Томск, 1998.
 5. «Вопросы колонизации» С.Петербург 1907, №1, с. 91, 151; 1908 № 3, s. 36.
 6. Сибирское переселение. Сборник цифровых материалов для изучения крестьянских переселений. Вып. 1 за 1899 г. Челябинск, 1902, с. 20-21
 7. . «Вопросы колонизации» С.Петербург 1908, №10, с. 1-5, 1911 №8, с.277-279, 1912, №11, с.231
 8. Amatorzy Syberii. Biuletyn Polskiego Towarzystwa Emigracyjnego, 1910 nr 4, s. 150-151.
 9. W. Masiarz, Mała Polska Ojczyzna na Syberii Wschodniej. Polska wieś Wierszyna (1910-1990), „Krakowskie Studia Małopolskie” 1998 nr 1(2), s. 39- 63. Польская деревня Вершина 1910-1937, Поляки в Сибири, науч.-инф. бюлл.Гуманит.Об.-науч. Центра, март 1995 №3, Иркутск,с. 33-37.
 10. «Вопросы колонизации» ”, 1907 № 2, с. 390-392; 1912 №11, с. 300, 356; 1913 № 13, с. 203; 1914 № 15, с. 232-233; 1917 №12, с. 46,51,54-55.

ИЗ СВИДЕТЕЛЬСТВ «СИБИРЯКОВ» НОВОСИБИРСКОГО КРАЯ
ВРЕМЕН ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ
Э. СМУЛКОВА

Перевод с польского И. Татаровой-Грышиевич
г. Варшава (Польша)

Этот дневник [1] Янина Баранов(а) (в девичестве Шофер) вела карандашом в линованной тетради со дня вывоза из Львова в 1941 г. Он был впервые опубликован в Польше в книге “Przemiany na ziemiach wschodnich dawnej Rzeczypospolitej. Lata 1772-1991”, red. K. Jasiewicz, wyd. Instytut Studiów Politycznych PAN, Warszawa, 1999.

22/V Вознесение (Господне)

Ночью постучали. Сборы. Прощание с Лолей (жила вместе с нами, сестра автора). В поезде публика наполовину польская, наполовину украинская. Устраиваемся в вагоне для скота. Проверка – и закрыли ворота. Первый завтрак в вагоне: чёрный хлеб, вода, кусок сахара. На обед – тоже самое, и на ужин, только вместо хлеба – булка. Ночь. Отчаяние, подчёркнутое темнотой, стоны людей, клоака в вагоне – мало места. Соседка потеряла сознание, врач.

2 день. Та же еда. Одна женщина раздаёт детям по кусочку телятины. Удалось раздобыть стакан молока. Последний, прощальный взгляд на Львов. Чудесная весна. Сильное впечатление – первый солнечный день после долгой непогоды. Отчаяние при мысли, что вижу это чудо последний раз в жизни. Вишнёвые деревья, словно гирлянды кружев. Чудесная зелень берёз на фоне сосен.

Уже несколько раз я была готова к вывозу, но на этот раз действительно взяли меня с Эльжуней и Марысей, когда я совсем ничего не предчувствовала, больную психически после смерти Ванды [2], бесчувственный клубок нервов. Оставила самые необходимые вещи. Мы абсолютно ничем не обеспечены. Только мысль о том, что не изменила польскому происхождению детей, Казя [3], спасает меня от потери разума и укоров совести – ведь я еду на восток вместо того, чтобы ехать в другом направлении [4].

Воскресенье 25/ V

Наиболее крупные местности, которые проезжаем: Здолбунов, Рокитно, Мозырь, Гомель, Брянск. Недалеко от Мозыря чудеснейший вид Припяти, залитой южным солнцем, позволил на какое-то время совершенно забыть причину и цель нашего путешествия. Дети тоже под впечатлением чудесной природы.

Сегодня, в воскресенье, с волнением возвращаемся мысленно во Львов, где Эльжуню ожидала голубая пелеринка, только что сшитая [5]. Вспоминают ли

нас там? Думаю, что вспоминают [6]. Теперь мы здесь, в Брянске, ожидаем обеда, за которым пошла делегация от нашего вагона – под конвоем.

Вторник 27/ V

Понедельник минул без движения, еды и каких бы ни было впечатлений в Орле. Во вторник утром мы оказались в Туле, родных сторонах Толстого. Купила детям мороженое (отвратительное), они, однако, съели с большим аппетитом. В восемь часов утра нам дали обед: хорошие щи и макароны с мясом, горячую воду. Наевшись, мы почувствовали себя лучше. Мучительно только это простаивание на запасных путях. Наши конвоиры хранят загадочное молчание о предназначенной для нас местности. Сначала это было даже стимулом немного отвлекавших нас догадок – куда всё-таки мы едем? Но сейчас, после почти недельной дороги, эта неуверенность становится необыкновенно мучительна. А может, мы будем недалеко от могилы Ванды? Что станет с её вещами, которые Бася [7] выслала из Львова? И что там с Лёлей? Что с Крысей (самая младшая сестра автора), а Мама как перенесла ещё и этот удар? Что у нас дома? Что говорят обо мне? Как объясняют наш вывоз? С администратором дома хотела бы ещё встретиться лицом к лицу.

Понемногу приживаемся в нашем вагонном коллективе. Открываем характеры – это по большей части солидные, твёрдого духа человечки. Какая сила согнала нас сюда – спокойных, нейтральных, оседлых людей? Каким образом тут могли оказаться малыши? За что вырвали способных детей из школ? А что самое главное – какой будет эффект, какой результат этого переселения, такого трагического для нас теперь и полного угрозы? Когда же, наконец, эта Сибирь, холодная и грозная, от давней давней орошённая польским потом и слезами, станет нормальным прибежищем для паломников на земле?

28/ V. Среда

Снова мы заметно продвинулись на восток. Находимся в Тамбовской области. Неожиданностью было утром горячее молоко и два яйца, купленные у какой-то женщины. Очень хочу написать во Львов и Басе, но мне это не удаётся.

2/VI. Понедельник Пятидесятницы.

Очередные местности на пути: Пенза, Батраки, Куйбышев (Самара), Богоруслав, Уфа, Златоуст, Челябинск (уже за Уралом). «Где ты праздновала в этом году Пятидесятницу? – «На Урале»! (Да, да). Урал необыкновенным образом привлёк моё внимание. Можно отметить более высокую культуру, чем в предыдущей части России. Мы проезжали мимо какого-то санатория с красивым, ухоженным садом, парниками, оранжереями и т.д. Челябинск великолепно освещён ночью. Со станции видны ярко освещённые большие заводские здания.

А в нашем вагоне клоака всё более зловонна. Простыня, натянутая вместо ширмы, пропиталась мочой. У людей горячка, принимают ризин, плачут, потеют, отчаиваются. У одного из спутников, тихого, спокойного железнодорожного

машиниста на пенсии, уже два дня температура 40. Меняет до нитки мокрые от пота рубашки, которые потом сохнут на весь вагон. Сегодня ему немного лучше. Едет с тремя взрослыми детьми. В соседнем вагоне умерла какая-то старушка, солдаты ночью пришли за телом, и, перепутав номера вагонов, постучали к нам. Лично я тоже пережила один очень тяжёлый день совершенного бессилия. Был врач, дал ризин и большой запас валерьяновых капель. На следующий день почувствовала себя лучше. Сегодня снова болит голова, дрожь. Состояние моего здоровья будет большой помехой в тяжёлой борьбе за существование для моих бедных девочек. Всё ещё не знаем, куда нас везут. В Челябинске нам дали старательно приготовленный обед, состоявший из мясного горохового супа, пшённой каши и киселя из берёзового сока. Очень вкусно. С нами в вагоне прелестная трёхлетняя девочка со светленькими вьющимися волосами. Это радость всего вагона.

5/VI.

Мы в Новосибирске. И это всё ещё не цель нашего путешествия. А у нас уже почти нет никаких сил. Стоим между тесно составленными грузовыми вагонами. Ужасно душно. Дети разделись до маек и понапрасну умоляют дать им воды. Вскоре нам обещают воду, обед, более того, даже баню, то есть мытьё. Но когда мы этого дождёмся? Ах, как же трудна роль матери в такой ситуации! Сам Новосибирск – большой город, красиво расположенный над Обью. Большие здания, много фабричных труб на противоположной стороне реки.

Баня на самом деле была великолепно. Но в радости – всегда какая-нибудь тень. Эля, может быть, слишком долго пробыла голодная в горячей бане и, выйдя, так ослабела, что чуть не потеряла сознания. Вернувшись в вагон, (я?) успокоилась, какое-то время спустя, мы получили обед.

На следующий день: едем в Тайгу по прелестной местности. Берёза и ели, можжевельник, цветущая черёмуха и великолепные яркие цветы в густой высокой траве. В Томске этот рай кончился. Болота наполнили нас страхом. А ночью оказалось, что мы поплывём на корабле, рекой в сторону Карского моря. – Ожидаем погрузки на корабль. После почти бессонной ночи, без завтрака, без капли воды у нас не получается не нервничать. Мне и детям очень нехорошо. Идёт дождь. Не знаю, как справлюсь с переноской вещей из нашего вагона, а тем более – из багажного. Страшная боль сжимает сердце. Как мы перенесём жизнь на севере? Господи, позволь мне как можно дольше быть с детьми! Пусть не останутся сиротами на чужбине.

На корабле. Суббота 7/ VI.

Страшно измученная переноской тюков, заплатив 12 руб. моряку за корзину, машину и кровати, сижу, наконец, в очень неудобном месте на корабле. Корабль огромный, двухпалубный, но для такого количества людей, для целого транспорта ссыльных, решительно недостаточный. Вид сбившихся вместе

женщин, мужчин, детей – спящих, испуганных, вспотевших – это настоящее чистилище. Очередь перед кухней за обедом – это геенна. И поэтому после обеда (огуречного супа и каши) и мытья посуды я была уже смертельно измучена. Посидела, постояла немного с детьми на палубе, - там, несмотря на всю свою подавленность, не могла не восхищаться чудом огромной реки (Обь), освещённой заходящим солнцем, окаймлённой зелёной тайгой полной цветущей, головокружительно пахнущей черёмухи. Потом купила детям порцию компота, постелила матрас с сеном и мы сейчас же заснули.

8/ VI. Воскресенье!

Уже три дня этого трагического путешествия. Как только сибирское солнышко зашло, пришлось встать, поскольку матрас мешал переноске ящиков и почты в населённом пункте, к которому причалил корабль. Называется Колпашево. Глядя на силачей, перетаскивающих с нижней части корабля ящики, чувствую себя вдвойне бессильной и потерянной в этом краю, где могут выжить только крепкие, закалённые и привычные к голоду, морозу и постоянной борьбе за существование. Что я здесь буду делать? Долго ли выдержу? О, Иисус Евхаристический, которого я бы сегодня приняла в нормальных условиях, смилуйся над моими детьми и детьми всех этих несчастных моих спутников! Твоими Святыми Ранами заклинаю Тебя, победи Силой Твоей царство злое. Взгляни на эти хрупкие тельца спящих девочек, криво опершиеся о тюки и ниспошли им Твоё благословение! Дай мне почувствовать, что в этой нашей бездонной усталости есть какая-то Твоя божественная цель. Не позволяй, чтобы мучили сомнения. Разреши встретиться когда-нибудь с Казиком. Сегодня день его рождения. Отдаю его под Твоё покровительство.

Наш адрес: СССР

Новосибирская область
Каргасокский район
Наунакское почтовое отделение
Посёлок Усть-Сельга.[8]

Мы ведём жизнь на уровне очень примитивных селян, которые только ещё строят себе дом. Нам нельзя передвигаться по окрестности без пропуска ответственного НКВД.

22/ VI. 1941. Начало войны между СССР и Гитлером.

Я отрезана от Львова. Пусть эти простые слова будут свидетельством моего безграничного ужаса, горя. Я ведь так надеялась в этой пустыне на письма от моих близких, оставшихся во Львове.

3/VII.

Вчера была годовщина свадьбы Хелюси [9]. Два года – так немного времени, а столько пережито. Сегодня вечером прозвучали божественные слова из уст Марыси [10]: «Ну и везёт же нам в России!» – Как же не любить тебя,

маленький человечек, если в благодарность за кисель с пенками столько радости умеешь влить в моё сердце, так измученное теперь.

Рождество (Господне) 1941.

Полгода пребывания в Усть-Сельге сделало своё дело. Девочки прижились, приспособились к новым условиям и подружились со здешними детьми. От Эльжуни не отстывает ни на шаг Катя Колбина, а от Марыси Нюра Кононова.

Дровосек, солидный рабочий с «клёпки» [11] принёс деревцо из тайги, - ёлочку с чудесными длинными иголками, высокую и стройную. Мы сделали игрушки из доступных здесь материалов, и получилось вполне симпатичное деревцо. Ясли я смастерила из берёзовой коры со звездой и надписью: «*Gloria in excelsis Deo!*» («*Слава в вышних Богу!*»). В ясли поставила картинку из мшала (литургической книги) Рождества Христова. Принимая во внимание горячие слёзы, которые лились во время склеивания – можно сказать, что эти ясли были дороже всех львовских покупных. Впрочем, действительно вышли красивыми. На праздничный ужин в сочельник (вигилию) пригласила наших азиатских хозяев, у которых мы живём, потому что сама себя боялась. Не верила себе, не знала, смогу ли с собой совладать и не напугать детей плачем. Сварила картофельный суп с грибами (Эльжуня насобираала летом в тайге) и фасоль, ещё остатки львовской. Купила пол литра водки, 2 кг сыра (творога). Дед Ковалёв дал несколько солёных рыбок, а бабушка – кедровые орешки. После ужина я зажгла ёлку (было пять свечек из одной большой) и колентовала с Эльжуней. Марыся помогала, как могла и умела. Именно тогда я открыла, как велик Бог и какая это чудесная сокровищница богатства и благодати - религия. Все мои любимые близкие, хоть так далеко от вас – я была с вами в день этой годовщины рождества маленького Иисуса – Спасителя. Знаю, что вы думали тогда о нас и не теряю надежды на встречу. Тем более, что наша ситуация так изменилась. Войско польское (Польская армия) сражается вместе с армией советской – против Гитлера, а польские граждане освобождены. Приговор к 20-и летним работам в васюганских болотах не действителен. Моя переписка с Басей Ревеньской иллюстрирует теперешнюю ситуацию. Хотя можно – не двигаюсь отсюда из-за хлеба (зерна), который мне здесь полагается от колхоза, из-за 53 градусов мороза и из-за того, что боюсь попасть в места, переполненные беженцами. Здесь же, хоть тяжело, отчаянно грустно, тесно и грязно, мы никогда не бываем голодны. Хлеба, правда, слишком мало, но есть картофель и молоко, и даже телятину иногда можно купить, или щуку. Огромная помощь – и единственная – деньги Ванды, пересылаемые Басей.

12/VIII. последовало освобождение поляков. Создаётся Польская Армия и сражается вместе с Советами со своей целью – против Гитлера как общего врага. Появилось польское посольство. Нашим делегатом стал пан Малиняк в

Новосибирске. Наше поселенье выбрало меня доверенным лицом. Через мои руки будет проходить корреспонденция с посольством и возможно – помощь, о которой мы просили в совместной депеше и письме в последних днях декабря.

Сегодня Новый Год. Полтора года без Казика. Увижусь ли с ним когда-нибудь? Все запросы, направленные в НКВД, в польское посольство, в штаб Польской Армии остаются без ответа! Когда оглядываюсь на 41 год – удивляюсь, что я ещё жива и более или менее в своём уме. Кажется, 1942 не будет худшим! Если Бог и дальше будет так близок ко мне, как в 41 году, я всё одолею [12]._

1. Cf. Krzysztof Jasiewicz, *Lista strat ziemiaństwa polskiego 1939-1956*, Warszawa 1995, s. 68. Maria Schoferowa, *Grzędowie – opowieść z Zimnego Podola; Exodus – sztuka sceniczna*, Wydawnictwo Uniwersytetu Warszawskiego 1998, s.

2. Ванда Лев(е)к(ова), сестра автора, вывезенная из Луниньца(?) в Казахстан после ареста её мужа, судьи Яна Лев(е?)ка. Умерла в больнице в Петропавловске в 1941 г. Cf. K. Jasiewicz, *op. cit.* s. 578 i M. Schoferowa, *op. cit.* s. 222 i zdjęcia.

3. Муж автора, мой отец – Казимир Баран, инженер-лесовод, заместитель директора Дирекции Государственных Лесов во Львове. Арестован НКВД 23.03.1940г. и уничтожен. Cf. *Ukraiński ślad Katynia*, Warszawa 1995, s. 218.

4. Мама скорее всего имеет в виду возможность бегства из Львова в Австрию, где жила немецкая ветвь семьи зашковских Шоферов.

5. Я принадлежала к детской Евхаристической (Круциате) при костёле отцов Бернардинцев во Львове. Голубую пелеринку я должна была получить как знак принадлежности (ступень рыцаря ?) на торжестве, которое, видимо, должно было состояться в воскресенье 25 мая 1941 года.

6. Другом нашей семьи был отец Бронислав, провинциал львовских Бернардинцев, и его, скорее всего, Мама имела в виду.

7. Барбара Ревеньска, ныне Косьтюкова, приятельница Ванды Лев(е)к(овой) в ссылке. После смерти Ванды (см. с. 1) и нашего вывоза пересылала нам деньги, полученные от продажи её вещей, а также прислала посылку с ценной одеждой тёти. Этим очень помогла нам выжить.

8. Адрес написан старательно, русским алфавитом с незначительными ошибками. Видно, что это переписывание давалось Маме с трудом. Первую запись несколько раз перечеркнула. Вторая, чистовая, занимает центральное место тетрадной страницы.

9. Сестра Мамы, Хелена Шофер(ова) – Каламайска, венчалась в семейном приходе в Гологорах 2 июля 1939 года и уехала с мужем из Зашкова в Гдыню. После войны её торуньская квартира стала пристанищем для всей остальной

семьи. Cf. Maria Schoferowa, Grzędowie, opowieść z zimnego Podola, Wyd. UW 1998, s.226 i foto.

10. Вторая дочь автора, Мария Баран(увна), ныне Тарасюк(ова), кандидат химических наук.

11. изготовление клёпок

12. На этом заканчивается дневник мамы в верхней части последней страницы тетради. Внизу приписка моим детским почерком: *Томск 26/IV1944г. вторник*

Мы живём в очень плохих условиях. Около нас находится «общежитие». Ужасно плохо воспитанные девочки. Не дают шагу ступить спокойно. Мамочка страшно много работает. Я ей не помогаю, потому что очень плохо себя чувствую.

Я заболела в Томске острым ревматизмом и эритемой. Лечилась в больнице. Благодаря стараниям учительницы (беженки из Ленинграда), после выписки из больницы меня поместили в детский (превенториум?), из которого я убежала, боясь, чтобы пребывание там не стало причиной разлуки с мамой и сестрой. Предпочитала, несмотря на сильное ослабление, холод и голод с ними, чем хорошие условия в дали от них. Повторилось то, что было в Усть-Сельге, когда тоска по маме не позволила мне быть няней младенца местной фельдшерицы и жить в тёплой комнате при больнице, из окон которой был виден противоположный конец деревни, где мы жили в маленькой боковушке у Ковалёвых. (Деревянная хата хозяев состояла из центрального помещения с большой хлебной печью и маленькой боковушки (...?))

ZNACZENIE MUZEUM "POLACY W KRAJU TIUMEŃSKIM" W ODRODZENIU ŚWIADOMOŚCI NARODOWEJ

Sergiusz Fiel
m. Tiumeń

Powstanie Muzeum "Polacy w Kraju Tiumeńskim" było ideą nie tylko uzasadnioną i potrzebną lecz także w pełni dojrzałą do urzeczywistnienia. Bowiem jeszcze w kwietniu 1993 r., powołane niedługo przedtem Tiumeńskie Obwodowe Polskie Stowarzyszenie Kulturalno-Oświatowe "Latarnik", którego członkami są przede wszystkim potomkowie rozstrzelanych i rozproszonych w 1937 r. polskich katolików z kolonii w Tiumeniu, Tobolsku i Iszymie, za swoje główne posłannictwo uznało odrodzenie polskiej świadomości narodowej wśród mieszkańców obwodu tiumeńskiego polskiego pochodzenia. Za jedno z ważniejszych zadań swojej działalności uznał "Latarnik" prace historyczno-archiwalne. Dziś, po sześciu latach istnienia, zgromadzono 4 tysiące eksponatów, w większości oryginalnych, w których jest cała historia obecności Polaków na terenie obecnie istniejącego obwodu tiumeńskiego od ponad trzech wieków.

Gromadzenie i opracowanie zbiorów oparto przede wszystkim o zasoby takich instytucji jak: Archiwum Państwowe Obwodu Tiumeńskiego, Rosyjskie Państwowe Archiwum Historyczne w Sankt-Petersburgu, Narodowe Archiwum Historyczne Białorusi, Centralne Państwowe Archiwum Historyczne Republiki Baszkortostan, Państwowe Archiwum Historyczne Litwy, państwowe archiwa historyczne Polski oraz obwodowe archiwa państwowe w Omsku, Tomsku, Jekatierinburgu, Permi, Orenburgu, a także Tiumeńskie Regionalne Muzeum Obwodowe oraz placówki muzealne wymienionych powyżej regionów. Opracowano także bibliografię, obejmującą prace przede wszystkim polskich i rosyjskich historyków, zgromadzono zbiory biblioteczne tych źródeł od r. 1730 do dzieł najnowszych.

Dzięki współpracy z archiwami powiększa się zasób dokumentalny, który tworzą kserokopie dokumentów archiwalnych (a także dokumenty oryginalne), w tym zarówno akt dawnych jak i dokumentacji najnowszej, świadczących o istotnym wkładzie Polaków w 400-letnią historię Ziemi Tiumeńskiej, jej gospodarkę, kulturę i naukę, poczyna jąć od Kozaków "rejestr litewskiego", a kończąc na polskich wspólnotach katolickich naszego stulecia.

Z drugiej strony, nawet pobieżny przegląd muzeów obecnie działających na Uralu i w Syberii pozwala stwierdzić, iż zbiory ich w niewielkim tylko stopniu odzwierciedlają specyfikę narodową i rzeczywistą rolę Polaków w dziejach Syberii. Niemniej, istotne znaczenie kontaktów z wyspecjalizowanymi placówkami polegało na

zapewnieniu profesjonalnego opracowania eksponatów, sporządzenia katalogów i innych pomocy dla zbiorów muzealnych i archiwalnych.

Jednym z osiągnięć współpracy muzeum z archiwami i muzeami obwodu tiumeriskiego i całego regionu syberyjsko-uralskiego jest nakreślenie zakresu tematycznego i wyznaczenie granic chronologicznych obecnych i przyszłych badań.

Pozostając nadal na etapie gromadzenia swoich kolekcji, muzeum stało się jednocześnie ośrodkiem, prekursorskich badań nad wspólną, polsko-syberyjską historią Kraju Tiumeńskiego, współdziałając przy tym ściśle ze wszystkimi osobami, a także instytucjami zajmującymi się podobnymi badaniami. Prowadzi także muzeum oprócz naukowej szeroką działalność popularyzatorską i informacyjną, uczestnicząc w regionalnych i międzynarodowych konferencjach, publikując w prasie polskiej i rosyjskiej, sporządzając własną dokumentację fotograficzną i wideograficzną, a także poprzez wymianę zabytków rękopiśmiennych i fotografii z muzeami historycznymi w Rosji.

Wszystkie te inicjatywy służyć mają zadaniu naczelnemu: ujawnieniu i usystematyzowaniu zachowanych źródeł dokumentalnych, dających świadectwo historii i losów diaspory polskiej, poczynając od XVI-wiecznych tobolskich i tiumeńskich "dzieci bojarskich", wojewodów, ludzi służebnych, poprzez staroobrzędowców, konfederatów barskich, powstańców, deportowanych, uchodźców, jeńców wojennych, a kończąc na trzech i pół tysiącu obecnie żyjących na ziemi tiumeńskiej Polaków i dziesiątkach tysięcy tych, którzy pamiętają o swoich polskich korzeniach. Celem przyświecającym jest nie tylko wzbogacenie kart historii Syberii, lecz także wspomnienie odradzania się polskiego poczucia narodowego. Większość Polaków obwodu tiumeńskiego w wyniku asymilacji straciła tradycje i język ojczysty. Toteż jednym z głównych celów muzeum jest umożliwienie poznania tradycji i kultury Polaków na Syberii poprzez oryginalne przedmioty.

Zgromadzone dotychczas zabytki kultury materialnej i duchowej pochodzą z obwodu tiumeńskiego i graniczących z nim regionów, tworzących niegdyś gubernię tobolską. Sklasyfikować je można następująco:

-zabytki kultury materialnej (druga poł. XIX w.-XX w.): meble, w tym datowane, pochodzące z Polski i przywiezione przez zesłańców i osadników do Iszumu, Tobolska i Tiumenia (stół, łóżko (SA "M.Wieszycki w Warszawie")), krzesła bukowe z Wojciechowa, kufer), zegary ściennie różnych rodzajów; sztuczce, w tym platerowane firm polskich: Frague, Norblina, Br. Henneberg, Piewkiewiczza, Fabryki Wolskiej; przedmioty osobistego użytku: popielnice, metalowe skarbonki, brzytwy, srebrny i złoty zegarki kieszonkowe, albumy dla fotografii w oprawie skórzanej i teczki skórzane wyrobu Królestwa Polskiego lub należące do rodzin polskich;

- wzory haftu i szydełkowania (koniec XIX w.-XX w.) z Iszumu i Tobolska;

- przedmioty sakralne (druga poł.XIX w.- lata 30-te XX w.): krzyże kapłańskie i krzyżyki na łańcuszkach, srebrne ryngrafy, różańce, plakietki, podrózne obrazki święte, przedmioty z masy perłowej, przedstawiające sceny z życia świętych, świeczniki z

kolorowego szkła i figurki Najświętszej Marii Panny z drewna sandałowego, srebrne medale "Na pamiątkę chrztu", niewielkie aplikowane domowe ołtarze i obrazy święte, należące do polskich przesiedleńców z początków XX w. Niemal wszystkie przedmioty posiadają napisy w języku polskim i po łacinie;

- źródła pisane (I poł. XVIII w. - I poł. XX w.) w języku polskim, rosyjskim, francuskim, łacińskim: listy, życiorysy, dokumenty osobiste, wypisy z ksiąg metrykalnych parafii rzymskokatolickich, bilety skarbowe (bony), dokumenty prywatne dotyczące pochodzenia, wykształcenia, akty kupna, prośby, ankiety personalne, "książki obrachunkowe", kolejowe listy przewozowe, wizytówki, naklejki, nowenny itp.; druki: modlitewniki, mszały itp., literatura piękna (w tej liczbie książka z biblioteki Towarzystwa Przyjaciół Nauk w Warszawie), gazety i czasopisma; karty pocztowe, buklety reklamowe;

- numizmaty (początek XVII-XX w.): monety oraz medale pamiątkowe;
- nagrody wojskowe (XX w.): order, medale, odznaki;
- fotografie z drugiej poł. XIX w.-XX w. (kilkaset sztuk oryginałów);
- fonogramy i wideogramy współcześnie sporządzone;

- jako oddzielną grupę wydzielono przedmioty stanowiące spuściznę Alfonsa Poklewskiego-Koziół i jego rodziny: kolumnienka rzeźbiona z pałacu w Talicy, ponad 200 fotografii, wzorce naczyń pomiarowych zakładów gorzelnicznych; pieczęć szynku A. Poklewskiego-Koziół Nr 40 w powiecie kamyszlowskim, medal pamiątkowy Wystawy Naukowo-Przemysłowej w Moskwie z 1882 r., medal pamiątkowy Syberyjsko-Uralskiej Wystawy Naukowo-Przemysłowej z 1887 r., prochownica rodzinna, odlew żeliwny Chłubińskich Zakładów Panów Poklewskich-Koziół, osiem sztuk butelek z kolorowego szkła z wybitym znakiem fabrycznym browarów Domu Handlowego "Spadkobiercy A.F. Poklewskiego-Koziół" w Talicy, fabryczne naklejki na butelki, para kielichów szklanych z monogramem "PK" i inne.

Chociaż ekspedycje poszukiwawcze i pozyskiwanie materiałów i eksponatów od osób prywatnych przyczyniają się do ciągłego powiększania kolekcji, to jednak nie jest ona dotychczas zbyt bogata. Dzieje się tak głównie z powodu braku jakiegokolwiek pomocy finansowej ze strony instytucji państwowych. Przyznanie takiej pomocy pozwoliłoby nie tylko na zwiększenie liczby ekspedycji do miejsc, w których mieszkają Polacy, lecz także na zakup rzadkich cennych przedmiotów, tym bardziej, iż pamiątek tych zachowało się już niewiele.

Liczba żyjących jeszcze mieszkańców polskich kolonii, zlikwidowanych w 1937 r., zmniejsza się z każdym dniem. Zabierają oni ze sobą także pamięć polskich tradycji. Również te nieliczne, prawdziwie polskie relikwie, które chronili i przechowali przepadają na zawsze. Z zalem należy przyznać, iż wiele spośród przedmiotów i ksiąg sakralnych, należących do Polaków katolików, zamieszkujących gubernię tobolską zostało dawno wywiezione na sprzedaż do Moskwy i Sankt-Petersburga i uznać je

można za bezpowrotnie stracone. Więc tym większa jest wartość tego co jest w muzeum.

W r.1995 w oparciu o źródła muzealne powstał film dokumentalny pt „Polacy w Kraju Tiumeńskim” mojego autorstwa, ukazujący dzieje Polaków od wyprawy atamana Jermaka na podbój Syberii aż do zniszczenia polskich kolonii i parafii katolickich w latach 30-ch XX w. W lipcu b.r. w wydawnictwie Zamku Królewskiego w Warszawie powinna ukazać się również książka, która podobnie jak film zawiera wiele informacji o losach Polaków Ziemi Tiumeńskiej. Spuścizna Polaków guberni tobolskiej, zgromadzona w kolekcjach muzeum, które nie posiada odpowiednika ani w Rosji ani w Polsce, winna stać się dziedzictwem społeczeństwa i przyczynić się do przywrócenia tych wartości, które istniały jeszcze na początku XX w. Ten proces jest bardzo skomplikowany i długo trwały. Po latach rusyfikacji większość Polaków Ziemi Tiumeńskiej słabo zna język polski, ale ma świadomość, że dzieciom i wnukom, którym dane jest żyć w innych czasach, trzeba przekazać wiedzę tradycji i kultury. Ta wiedza jest w muzeum, drzwi którego są zawsze gościnnie otwarte dla dzieci polskich. Polaków dorosłych, osób polskiego pochodzenia, uczniów, studentów, wszystkich chętnych. Bez przeszłości nie ma przyszłości. W tym celu niezbędnym jest kontynuowanie prac nad gromadzeniem zbiorów i rozwiązanie problemów, związanych z ich przechowywaniem, eksponowaniem i właściwym zabezpieczeniem.

С.ФИЛЬ РЕЗЮМЕ
ЗНАЧЕНИЕ МУЗЕЯ «ПОЛЯКИ В ТЮМЕНСКОМ КРАЕ»
ДЛЯ ВОЗРОЖДЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНОГО САМОСОЗНАНИЯ

Создание этого музея было не только необходимо, но и предопределено. В 1993 г. было создано Польское культурно-просветительское общество «Лятарник», членами которого были потомки расстрелянных и сосланных в 1937 г. польских потомков из Тюмени, Тобольска и Ишима. Одно из важнейших направлений деятельности Общества – архивно-историческая работа. Сегодня, по прошествии 6-ти лет, собрано 4 тыс. экспонатов, в большинстве своем оригинальных, в которых сосредоточена вся история существования поляков на территории сегодняшней Тюменской области. Благодаря сотрудничеству с архивами, увеличивается число документов, как давних, так и современных, свидетельствующих о вкладе поляков в 400-летнюю историю поляков на Тюменской земле. Музей также является центром изучения польско-сибирской истории Тюменского края, сотрудничая со всеми, кто занимается подобными исследованиями. Музей помимо научной проводит популяризационную и информационную деятельность, участвуя в региональных и международных конференциях, публикациях в Польше и России, формирует собственную документацию. Целью создания музея было также помочь в возрождении польского национального чувства. Большинство поляков Тюменской области по причине ассимиляции утратили свои традиции и родной язык. Поэтому музей дает возможность узнать культуру и традиции польского народа посредством оригинальных экспонатов.

перевод А.В.Гузевой

ПРОБЛЕМЫ КООРДИНАЦИИ НАУЧНО-ИНФОРМАЦИОННОЙ И ПРОСВЕТИТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПОЛОНИЙНЫХ ЦЕНТРОВ СИБИРИ

Б.С. ШОСТАКОВИЧ
г. Иркутск

Полонийное движение в Сибири, оформившееся в начале 1990-х гг. с образования считанных организаций, объединивших поляков и лиц польского происхождения в деле возрождения польских духовных и исторических традиций, проведения многосторонней культурно-просветительской деятельности, поддержания регулярных контактов со своей исторической родиной - Польшей и между иными аналогичными центрами - как внутри страны, так и за ее пределами в единичных городах Сибири, - за неполное десятилетие проделало огромный путь развития, пополнилось многими новыми центрами, продолжает набирать темпы и обогащаться новым опытом работы. Свидетельством качественно нового этапа в развитии полонийных обществ Сибири становится реализация давнего замысла их активистов о проведении общесибирской встречи, участниками которой нам доводится быть на гостеприимной томской земле.

Думается, назрела необходимость серьезно обсудить и оценить результаты, с которыми мы пришли на эту встречу-конференцию, наметив наиболее актуальные и действенные проекты дальнейшей нашей деятельности в сибирском регионе на ближайшую перспективу.

Представляется, что в первую очередь нынешняя наша встреча должна быть определена как первая, которой будет положено начало новой традиции наших взаимосвязей в масштабе Сибири. С периодичностью в один-два года такие встречи могли бы проводиться в разных регионах нашего обширного и многоликого края. От имени делегации иркутской Полонии мне представляется честь пригласить всех собравшихся - гостей из Польши, наших коллег из сибирских и российских полонийных центров следующую такую встречу провести на иркутской земле! Мы будем рады этому, как всегда рады гостям, тем более связанными нашими общими целями и задачами, и как представители центра, который с самого начала был одним из инициаторов установления тесных общесибирских контактов в русле полонийной деятельности.

Переходя к более конкретной стороне поставленной темы, хотел бы отметить, что в многогранной и все более расширяющейся работе

полонийных центров, на мой взгляд, необходимо выделить как бы две основные стороны. Одна из них общепризнанна и неотъемлема от полонийной деятельности. Она уже, в сущности, стала традиционной. Я имею в виду изучение польского языка (в особенности) нашими детьми (несколько более проблематичным с формальной точки зрения остается изучение языка своих предков взрослыми польскими сибиряками), а также деятельность художественных коллективов, ежегодные выезды в Польшу детских групп на летний отдых и на обучение студенческой молодежи. Едва ли нужно говорить, насколько все эти формы деятельности важны и необходимы для общего развития возрождающейся полонийной среды.

Мне хотелось остановить внимание собравшихся на другой стороне полонийной работы, о которой, как мне представляется, не столь широко известно, но которая заслуживает не меньшего внимания и существенной поддержки и принципиальных усилий. Речь идет о научно-информационной просветительной деятельности наших обществ, которой в меру возможности, вероятно, уделяет внимание каждый полонийный коллектив региона. В свою очередь, эта работа, по своему характеру подразделяется на несколько крупных направлений. В их числе: 1) проведение регулярного лектория, посвященного историческим, культурным, научным политическим событиям, касающимся как Польши, так и сибирского региона в контексте сибирско-польских взаимосвязей в прошлом и настоящем; 2) организация различных фестивалей, встреч, Дней польской культуры, инициаторами которых когда-то стали иркутяне; 3) документально-научные разыскания в архивах и библиотеках по сибирско-польской тематике в разнообразных конкретных сюжетных и хронологических проявлениях, 4) общественно-научная и издательская работа по переводу и введению в отечественный, сибирский (русскоязычный) обиход и, возможно, в соответствующий польский, ценных материалов из обширного и богатейшего сибирско-польского наследия, которое складывалось на протяжении нескольких столетий и продолжает накапливаться и в наши дни. Последний раздел работы особенно важен для сибирской реальности, где польская среда в широком смысле слова особенно интегрирована в российскую культуру, а местному обществу было бы весьма полезно и интересно и важно во многих отношениях пополнить и углубить свои знания о польском влиянии на сибирский регион и исторических польских связях. Данный перечень далеко не исчерпывает даже самых главных направлений подобной деятельности. Но он может позволить сориентироваться хотя бы вкратце в их масштабности и значимости.

На взгляд докладчика, эта многообразная деятельность ныне осуществляется в значительной мере разобщенно, спорадически и, к сожалению, до сих пор в ее реализации отсутствует какая-либо скоординированность,

даже в масштабах Сибири. Как думается, назрела, совершенно непреложная необходимость наметить пути, формы и способы их осуществления. Позволю себе предложить создать организационную структуру в указанной сфере деятельности сибирских полонийных обществ, в котором роль главных координационных центров могла быть отведена Томску - в Западной Сибири, а Иркутску - в Восточной.

Думается, что следует подумать о способах реализации регулярных оперативных связей по электронной почте через систему Internet (на первых порах хотя бы между Томском и Иркутском). Необходимо разработать планы совместных работ по изучению и введению в оборот наиболее ценных источников по истории наших регионов. В Иркутске фактически действует группа активистов ПКПО «Огниво», способная вести систематизированную информационно-исследовательскую работу в местном архиве и работать над печатными материалами. Вполне возможна была бы реализация выпусков информационных бюллетеней хотя бы с периодичностью в полугодие (а позднее и ежеквартально). Конечно, на все предлагаемые программы окажутся необходимыми средства, которых катастрофически не хватает в трудный кризисный период, переживаемый Россией и Сибирью, как составной частью последней. Докладчику представляется, что в этом отношении мы могли бы обратиться за принципиальной поддержкой к Польше. Речь при этом идет о достаточно скромных суммах, но выделяемых по возможности не разовым образом, а периодически и под целевые назначения, которые могли бы предварительно специально утверждаться на конкретные периоды. Безусловно, сибирские полонийные структуры могли бы осуществлять обмен соответствующей информацией с заинтересованными партнерами из Польши. Наконец, возможно было бы подготовить несколько проектов и представить их на какой-либо из вариантов грантов, существующих в Польше. В любом случае, накопленный и существующий в данной время потенциал наших сибирских полонийных обществ заслуживает внимания и помощи. Было бы непростительной ошибкой оставить его невостребованным.

400-ЛЕТНЯЯ ИСТОРИЯ ПОЛЬСКОЙ ДИАСПОРЫ В СИБИРИ. ТРАДИЦИИ И КУЛЬТУРА ПОЛЬШИ В ЖИЗНИ ПОЛЯКОВ СИБИРИ

ФАМИЛИИ ПОЛЬСКО-ЛИТОВСКОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ В ИСТОРИИ ТОМСКА

В.Г. ВОЛКОВ
г. Томск

Одной из самых сложных проблем изучения истории поляков в Сибири в XVII в. является определение этнической принадлежности выходцев из Речи Посполитой. Именная книга томских служилых 1680 г. показывает, что большинство уроженцев этих земель определяют происхождение свое или своих предков следующим образом, "родом из Польши", родом польской земли, родом поляк или польской породы, имея в виду прежде всего происхождение с территории единого польско-литовского государства. Лишь немногие сообщают, что их предки из Литвы.

Словом «Литва» или «литвины» прежде всего, обозначалась категория служилого населения, лишь опосредствованно связанная с этнической принадлежностью. «Литвой» иногда именовали и всех выходцев из Западной и Центральной Европы [1].

Первая значительная группа литвинов появляется в Томске до 1626 г. В 1626 г. в особом списке "Литвы" значатся 20 человек, кроме того, в томском гарнизоне среди пеших казаков значится еще не менее 5 человек, чье польско-литовское происхождение не вызывает сомнений [2].

При общей численности томского гарнизона 485 человек, литвины составляли 5,3 %.

В 1630 году в Томск прибыла группа поляков из 6 человек. Они были направлены из Тобольска в Томск как квалифицированные военные. Вместе с ними число литвинов в Томске в 1630 г. составило 21 человек, причем 16 из них были упомянуты в 1626 г.[3].

Согласно данным Н.Н. Оглоблина, в 1637 г. были присланы 150 человек [4]. Но в 1643 г. мы встречаем в списках лишь 16 литвинов [5], так как многие из них в результате заключения Поляновского мира 1634 г. вернулись на родину.

В 1647 г. число литвинов составило 19 человек, из них 6 принадлежало ко 2 поколению [6], а в 1670 г. их число увеличилось до 110 чел. [7]. Следует учесть,

что большинство пребывавших в Томске в 1660-67 гг. военнопленных вернулись после заключения Андрусовского мира на родину.

По данным именной книги томских служилых людей в Томске было 111 человек польско-литовского происхождения, что составляет около 12 % от общего числа служащих всего томского гарнизона [8]. Разными были причины их появления на окраине Московского государства. Одни добровольно перешли на службу Москве, из них большинство происходило из родовитой шляхты. Как правило, они занимали самые высокие военные должности вплоть до воевод. Например, Юрий Тупальский, до прибытия в Томск был воеводой в Галиче. Другая группа состояла из военнопленных, сосланных в Томск и служивших обычно в чине «детей боярских», но с меньшим окладом, по сравнению с первой группой. Часть второй группы, особенно т.н. "челядники", верстались в конные и пешие казаки. Большинство из военнопленных после заключения Поляновского (1634) и Андрусовского (1667) перемирий возвратилось на родину.

К их числу относятся Томашевы, Филоновы, Березовские, Сваровские, Бжицкие, Старловские, Стрелковские и Ношкины. Основатели этих родов: Томоско (вер.Томаш) Залуцкий, Филонко Матвеев, Илейка Иванов Литвин, Остафий Бартош Сваровский, Лавринко Бжицкий, Петрушка Старловский, Васька Стрелковский и Юшко Ножка появились в Томске до 1626 г. Не исключено, что большинство из них ставили томскую крепость в 1604 г. Они и их потомки, не смогли войти в томскую элиту, а служили в конных и пеших казацких отрядах, и их судьба тесно связана с остальным русским служилым населением. Получив земли в разных частях Томского уезда, эти семьи быстро растворились среди русскоязычного населения, и стали составным элементом формирования «старожилов».

Гораздо значительнее была роль тех фамилий, которые вошли в состав служилой аристократии Томска. Если в 1680 г. литвинов в целом в томском гарнизоне было всего 12%, то среди «детей боярских», высшей категории служилых людей, они составляли 80%. В 1703 г. они составили 51% [9]. Уменьшение их численности среди служилой аристократии связано с выделением особой категории в томском гарнизоне: конных казаков иноземного списка. Эта категория по своему положению была более привилегированной по сравнению с обычными конными казаками, но не относилась к высшему сословию. Впоследствии эта категория вновь слилась с «детьми боярскими». В 1742 г. среди дворян и детей боярских представители польско-литовских фамилий составляли 40% [10]. Большинство из них проживало в приходе Благовещенской церкви, что позволяет говорить о сохранении этнической обособленности этой группы населения на протяжении долгого времени.

На примере судьбы отдельных семей хорошо видно, какую роль играли представители польско-литовских фамилий в истории Томска.

Родоначальник рода Ржицких Ян (Иван) Ржицкий "выехал на государево имя" из Литвы к Москве, затем был направлен в Тобольск. В 1630 г. он вместе с известными "поляками" Самсоном Новацким, Павлом Рыхлевским, Остафием Михалевским, Петром Сабанским и Матьяшем Хозинским Трубачем был призван на службу в Томск. Здесь он, как и в Тобольске, служил в «детях боярских». Его сын Матвей Иванов, сын Ржицкой, был верстан в отцово место ок. 1652 г. В 1669 г. он был послом у черных калмыков в Сенге и Кутухте, а в 1674 г. был приказчиком крестьян Спасского поля и произвел их перепись. В 1680 г. его жалованье составляло 10 рублей, пашни он не имел. Его дети Осип (р.ок.1664), Иван (р.ок.1666), Семен (р.ок.1668) и Алексей (р.ок.1677) также служили в «детях боярских». Внук Семена, Матвей Михайлович Ржицков (р.ок.1746), был записан в купцы 3-й гильдии с капиталом 550 рублей. Он имел мыловаренный завод и торговал разными товарами. В 1786 г. он объявил капитал по 3-й гильдии на 1020 рублей. В разные годы он занимал посты алдермана (1770), купеческого (1772) и мещанского (1783) старосты.

Другая ветвь рода не сумела достигнуть такого же положения, как предыдущая. Иван Матвеев сын Ржицкой получил земли в окрестностях села Никольского, но числился он лишь как казачий сын. Его сыновья Василий (р.ок.1700) и Григорий (р.ок.1716) в 1742 г. проживали там и числились в казачьих детях. Эта линия Ржицких пресеклась на сыне Григория - Алексее (р.ок.1738), не оставившего мужского потомства [11].

Подобным образом сложилась судьба рода Закревских. Взятый в плен под Севском Иван Кузмин, сын Закревский, служил в «детях боярских», во время размена отказался вернуться на родину, и его потомки долгое время входили в состав томской элиты. Его внуки Данило Степанович и Федор Ильич в 1782 г. числились среди купцов 2-й и 3-й гильдии и занимались кожевенным промыслом. Сын Данилы Лев также числился среди купцов [12]. Кроме Ржицких и Закревских, до сер. XVIII в. в томскую элиту входили также семьи Грбовских (Грибовских), Мурашкиных, Евневых, Лункеевых, Ношкеевых и Болтовских.

По иному складывалась судьба тех семей, которые, получив земли далеко от Томска, не могли долго удержаться в составе томской элиты.

Основоположником рода Ядловских (Едловские, впоследствии Игловские) является Иван Ядловский, о котором его внук, Андрей Юрьев, сын Едловский сообщает следующее: "породою он был шляхта королевская, а взят был в плен на войне, послан был к Москве, а оттуда в Тобольск, а из Тобольска был прислан в Томск". Сын Ивана, Юрий служил в чине сына боярского. Во время томского восстания 1648-49 г.г. он вместе с братом Филиппом стал одним из инициаторов отстранения воеводы Осипа Щербатого от власти, его имя постоянно встречается в документах, относящихся к восстанию. В 1657 г. он и известный атаман Дмитрий Копылов основывали Сосновский острог южнее Томска. Несмотря на

участие в восстании, ни сам Юрий, ни его потомки не пострадали, им удалось сохранить свое положение вплоть до начала XVIII в. Его сын Константин и внук Алексей служили в «детях боярских» и имели пашенные заимки в окрестностях села Иткаринское. В начале XVIII в. дети Константина, Федор, Андрей и Иван переселились в ведомство села Никольского (Кривошеинский район). Фамилия их в 1742 г. писалась как Егловсковы, а в XIX в. уже как Игловские. Остальные потомки Юрия остались на старых землях и живут там и по сей день. Они также стали называться Игловскими.

Аналогично сложилась судьба Гурских, Едловских, Абламских, Кулаковских, Морозовских Сахаревских, Мирхнисских и Ставских.

Таким образом, почти на протяжении века: с сер. XVII в. до сер. XVIII в. представители польско-литовских фамилий составляли значительную часть томской элиты и, находясь у вершин местной власти, активно влияли на политическую и культурную жизнь Томска.

1. Томск в XVII веке. Материалы для истории города. Со вступительной и заключительной статьями П.М.Головачева. - [б.м. и б.г.]- С.54-135

2. Там же, - С.31

3. ОРК НБ ТГУ, Книга денежным расходам Томского города 1630-31, лл.1-170 об.

4. Оглоблин Н.Н. Заговор Томской Литвы в 1634 г. - Киев, 1894.-С.7; РГАДА ф.214 кн.153 лл.3 об.-40 об. (ссылки на документы, хранящиеся в РГАДА, даны по копиям этих документов в ф.1862 (фонд З.Я.Бояршиновой) ГАТО и по картотеке В.В.Палагиной, хранящейся в ОРК НБ ТГУ)

5. Там же кн.204 лл.2-27

6. Там же кн.594 лл.725-771

7. Там же кн.698 лл.28-238

8. Там же кн.1371 лл.1-40 об.

9. ГАТО ф.173 оп.1 д.13 лл.1-100

10.РГАДА ф.214 кн.594 лл. 15,151 об. ст.381 л.182 стб.750 л.1 кн.698 лл.37, Исторические. Дополнения. - т.V. - N.92. - С.418; Краткая энциклопедия по истории купечества и коммерции Сибири: [в 4-х т.]. - Новосибирск,1997 - т.3. - кн.3.- С.94;

11. РГАДА ф.214 кн.594 л.729 об.; кн.698 л.33; кн.1452 л.427; ГАТО ф.173 оп.1 д.13 л.83 315 об.; ГАТО ф.173 оп.1 д.13 л.383, 383 об.:д.66 л.235 об.:д.163 л.4 об. ; Краткая энциклопедия купечества и коммерции Сибири. - т.2 кн.2 стр.38

12. РГАДА ф.214 кн.698 л.44 об.; ГАТО ф.173 оп.1 д.13 лл.389; Емельянов Н.Ф. - указ. соч. - С.9; Покровский Н.Н. Томск в 1648-49 гг.: Воеводская власть и земские миры. - Новосибирск, 1989.- 38, 61 и др.;

ПОЛЯКИ ЮГА ЕНИСЕЙСКОЙ ГУБЕРНИИ В 30-Х ГГ. XIX ВЕКА

С.В. Леончик
г. Абакан

После ноябрьского польского восстания 1831 г. его участники сослались в Сибирь. До сегодняшнего дня неизвестно - сколько человек было наказано высылкой в Сибирь, как сложились их судьбы, кому и когда удалось вернуться на родину. Более подробно о судьбе ссыльных можно узнать из документов местных сибирских архивов. В южной части Енисейской губернии ссыльные участники восстания 1831 г. положили начало политической ссылке поляков в этом регионе. Они в основном находились в Шушенской волости и г. Минусинске. Подробно о них упоминается в документах Минусинского архива за 1836 г.[1] Высланным запрещалось вести переписку, получать в долг большие денежные суммы. Нередки были и побеги о чем сообщают указы Минусинского Земского суда и документы за 1837 г.[2].

Находившиеся в ссылке поддерживали дружеские отношения с другими ссыльными и особенно с декабристами, как, например, Гипполит Корсак, лишенный дворянства и высланный в 1834 г. в Абаканскую волость, а затем в 1836 г. в с. Шушенское в возрасте 53 лет. Обвинение, по которому он был выслан в Сибирь, заключалось в том, что он переписывался тайным шифром со своим сыном Адамом, участником восстания бежавшим за границу. В Шушенском Корсак стал заниматься изучением и сбором целебных трав, составлял гербарии и посылал семена целебных трав в Минскую губернию.

В связи с тем, что сыну он писал «ботаническим шифром» (например: лилии обозначали Францию, тюльпаны - австрийское правительство), то посланный им сестре каталог ста видов растений вместе с инструкцией был признан новой попыткой налаживания контактов с участниками восстания. Было возбуждено длительное следствие, однако подозрения иркутских властей не подтвердились. Старому и больному, ему было разрешено поселиться в г. Минусинске, где он пробыл до конца ссылки 1840 г.[3]. Старожилы утверждают, что в Шушенском он оставил семью и его потомки до сих пор проживают на юге Сибири [4].

Отношения поляков с местным населением складывались непросто. В документах от 15 октября 1846г. говорится о розыске пропавшего со своей квартиры поляка. В тот же день находят мертвым политического преступника Фердинанда Хельмицкого [5]. Следующий документ от 1849 г. указывает на то, что Словесный суд объявил о продаже имущества умершего Хельмицкого, о чем

при входе в суд было прибито объявление. Но 6 ноября 1849г. оно было неизвестно кем украдено [6].

Обосновываясь на новом месте, польским ссыльным приходилось рассчитывать на собственные силы. Более удачно сложились судьбы двух польских ссыльных: Томаша Прждецкого и Юзефа Клярнера. Томаш Прждецкий был выслан, как и Корсак, за переписку с польскими эмигрантами во Франции. В 1834 г. он прибыл на место ссылки в с. Ермаковское. В 1855 г. находился в с. Каратузском с женой и семерыми детьми, где занимался сельским хозяйством. В 1857 г. получил право возвращения на родину, однако добровольно остался в Сибири [7].

Юзеф Клярнер, дворянин, был выслан в г. Минусинск вместе с Т.Хельмицким и Ф.Милевским в 1837 г., там он женился, и было у него 4 детей. В адресной книге он упоминается с припиской: "очень бедно живет". Однако из многочисленных документов начала 50-х гг. следует, что Клярнер продавал хлеб в другие города, а 28 февраля 1854 г. между ним и девятью крестьянами Тобольской губернии был заключен договор о сплаве барки с хлебом до Енисейска.

Это также подтверждает переписка Словесного суда с Окружным судом: "Прощенный политический преступник Осип Иванов Клярнер в поданном в Окружной суд 13 ноября 1857 г. прошении с предоставлением билета на землю, отведенную ему в 1842 г. под постройку дома, просил оную и на выстроенный дом, стоящий 300 руб., стоящий в г. Минусинске на Барнаульской улице, совершить на его имя крепостной акт...". Однако он не остался в Сибири и в мае 1859 г. выехал вместе с семьей из Енисейска в Плоцк, где получал длительное время материальную помощь от местных властей [8]. Юзеф Клярнер остался в памяти местных старожилов и в воспоминаниях ссыльных декабристов Беляева и Мозголевского, как предприимчивый и добропорядочный человек.

В целом, давая характеристику этому периоду польской политической ссылке на юге Енисейской губернии нужно отметить, что основная часть поляков проживала в Шушенской волости и в г. Минусинске. За всеми ссыльными велся строгий полицейский надзор. Они не имели права отлучаться с места причисления, брать в долг крупные суммы денег. Их корреспонденция проверялась.

Однако правительство предоставляло определенную помощь в виде казенных пособий и теплых одежд. Дети ссыльных в возрасте до 17 лет освобождались от податей, а также они не отбывали рекрутской повинности.

Хотя как отмечалось выше, у ссыльных поляков не складывались отношения с местным населением, часть из них не воспользовалась правом возвращения на родину и осталась на юге Енисейской губернии, что и положило основу формирования местной полонии.

1. МГГА.Ф.42.0.2.Д.3,Л.25,26,74,83.
2. Там же.
3. ГАИО.Ф.24.0.3.короб.10.Д.1,225,232,Л.25-29,1-6.
4. Шушенский Музей- Заповедник. Ф.2.0.1.Д. 1689.Л.1-1
5. Ватин-Быстрянский В. А. Политическая ссылка в Минусинске, с. 27.
6. Там же.
- 7.ГАИО.Ф.24.0.3.короб.33.Д.141,Л.37-38.
ГАРФ.Ф.109.0.1.Д.83,ч.2,Л.150-152. РГИА.Ф.1286.
0.16.Д.387, Л.250-251.
8. АСАD, KRSDiD, vo1.7514, k.454-475v, 505-506,534;
BN, rkps акс.8759, k.30. ГАИО.Ф. 24,0.3.короб. 10. Д.225, Л. 25-29

УЧАСТИЕ ПОЛЯКОВ-ТОМИЧЕЙ В ФОРМИРОВАНИИ АРХИТЕКТУРНОГО ОБРАЗА ТОМСКА В ПЕРИОД XVII – ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XX ВЕКОВ

Г.В. СКВОРЦОВ

г. Томск

Город Томск основан в 1604 году. Уже в первые десятилетия в городе поселяется значительное число выходцев из Речи Посполитой – бывших подданных польского короля Сигизмунда III, главным образом, из числа военнопленных Ливонских войн конца XVI – начала XVII столетий.

В XVII веке в Томском городе были известны дети боярские: Остафий Михалевский (Харламов), основатель Кузнецкого острога (1618); Петр Сабанский, основатель Телецкого (1633) и Сосновского (1660) острогов на Алтае и на р. Томи; Юрий Соболевский, основатель Уртамского острога на р. Оби (1684); Матиаш Ходзинский, основатель обского села Большое Трубачево (XVII в.); Юрий Ядловский, основатель села Иткаринского (XVII в.). В 1671 году томские служилые люди братья Своровские основали село Богородское на р. Оби.

Одновременно, кроме вышеназванных имен в строительстве и укреплении Томского города XVII века участвовали польские выходцы и томские поляки-“дети боярские”: пан Мартын Боржевецкий, Ян Глинский, Самсон Наватский, Стефан Островский, Юрий Раецкий, Иван Ржицкий, Юрий Ритский, Бартош Рудковский, Павел Рыхлевский, Сафрон Стасейский, Леонтий Ставский, Юрий Тупальский, Павел Хмелевский, томский служилый человек Остафий Сваровский и др.

В XVIII веке поляки-томичи участвуют в перестройке средневекового деревянного Томского города. Так, строителем новой каменной церкви Святого Духа (1787-1803) указывается горожанин Федор Закревский – потомок уроженца “польской земли” томского боярского сына Ивана Закревского (XVII в.).

В 1804 году, с открытием Томской губернии, в Томске появляется должность губернского архитектора, а позднее губернская строительная комиссия и должности городского и епархиального архитекторов. На этих должностях, в комиссиях при строительном отделении Томского технологического института Императора Николая II, а также в других частных и государственных учреждениях в XIX – первой четверти XX веков работали:

Вальницкий Алоиз Бернгардович – городской архитектор, автор разработок генеральных планов городов Томска и Нарыма (1868);

Заранек Константин Антонович – инженер-архитектор, реконструктор Томского римско-католического костела Святой Девы Марии Царицы Священного Розария Покровской (1894);

Зборолевский (Зборжевский) – городской архитектор, разработчик проекта благоустройства города (1865);

Любинский Цезарь Цезаревич – инженер-строитель, руководитель известной томской строительной фирмы “Ц.Ц.Любинский и Э.И.Векер”, соорудившей новый железобетонный Думский мост через р. Ушайку (1915-1916; проект худ.-арх. К.К. Лыгина);

Мартынович В.С. – архитектор, участник конкурса проектов строительства в г.Томске Дома науки им. П.И. Макушина (1910);

Наранович Павел Петрович – инженер-архитектор, строитель Императорского Томского университета (1881-1888; проект архитектора академика А.К. Бруни), автор проектов первого в России специального здания бесплатной библиотеки для народа (Народного дома) Томского общества попечения о начальном образовании П.И. Макушина (1887) и многих других зданий и сооружений г.Томска;

Оржешко Викентий Флорентинович – уроженец г.Томска, художник-архитектор, выпускник Императорской С.-Петербургской Академии художеств, городской и епархиальный архитектор, автор проектов часовни-памятника старца Федора Козьмича-Легендарного Императора Александра I (1904); собственного дома по Офицерской улице (ул. Белинского, 23,(1911)); Народного сада Императора Александра II (Лагерного сада, 1911) и многих других; племянник известной польской писательницы Элизы Ожешко;

Поляновский – помощник городского архитектора, участник подготовки последних восстановительных работ Томского Троицкого кафедрального собора (1883-1884);

Сабек Александр Эдуардович – инженер-архитектор, профессор, первый декан строительного отделения Томского технологического института (ТТИ), автор первого проекта университетского бактериологического института им. Ивана и Зинаиды Чуриных (1904);

Сухоровский Владимир Марцеллиевич – инженер-архитектор, и.о. томского городского архитектора, преподаватель строительного отделения ТТИ;

Татарчук Болеслав Францевич – австрийский подданный, выпускник Краковской архитектурной школы, архитектор Управления сибирских железных дорог в г. Томске, автор проекта первого в России специального здания Томского общества физического развития доктора В.С. Пирусского;

Фавицкий – помощник городского архитектора, участник работ по восстановлению Томского Троицкого кафедрального собора (1861);

Хомич Станислав Викентьевич – губернский инженер, и.о. томского губернского архитектора; автор проектов Дома Георгия Голованова по ул. Солдатской (ул. Красноармейская, 71 (1902)); собственного дома по Офицерской улице (ул. Белинского, 19) и многих других зданий и сооружений г.Томска.

Шиловский Андрей Леонидович (Леонардович) – художник-архитектор, выпускник С.-Петербургской Академии художеств, основатель Томского Общества охраны памятников старины (1920), автор проекта и организатор первой в Томске научной реставрации деревянного жилого дома XIX в. на Войлочной заимке (1920);

Ющинский А.А. – томский городской техник-строитель, автор проектов инженерного обустройства Томского Пушкинского сквера (авторы проекта ботаник П.Н. Крылов, арх. П.Ф. Федоровский (1899)); ограды Томской лютеранской кирхи Св. Девы Марии (1899) и других. С 1900 года его имя встречается среди авторов проектов по инженерному благоустройству Томска. Он занимается рассмотрением проектов строительства корпусов ТТИ (архитекторы: акад. Р.Р. Марфельд, П.Ф. Федоровский, Ф.Ф. Гут, А.Д. Крячков (1896-1907)). Также в этом принимали участие профессора и преподаватели ТТИ:

Гутовский Николай Владимирович – профессор, ректор ТТИ, устроитель инженерных лабораторий ТТИ, организатор проектных работ по строительству Кузнецкого металлургического комбината (середина-конец 1920-х годов);

Доборожинский Станислав Юлианович – горный инженер, профессор кафедры горного искусства ТТИ;

Жбиковский Станислав Антонович – инженер, строитель и первый начальник Обь-Енисейского канала, преподаватель строительного отделения ТТИ, первый председатель правления Томского римско-католического благотворительного общества (1895).

Оссендовский Антоний Фердинанд – преподаватель химии химического отделения ТТИ (1900-1902), всемирно известный писатель-ориенталист; сотрудник Томской региональной газеты “Сибирская жизнь”; советник Верховного правителя России адмирала А.В. Колчака в Омске (1918-1919) и “самодержца пустыни” барона Романа Унгерна-фон-Штернберга в Урге (Улан-Баторе, 1920);

Реутовский Вячеслав Степанович – горный инженер, преподаватель горного отделения ТТИ, автор инженерного проекта Томской золотосплавочной лаборатории (1892); руководитель Томского “Технико-промышленного бюро”; организатор и первый редактор первого в России специального журнала “Вестник золотопромышленности и горного дела вообще”, издававшегося в Томске с 1893 года и переведенного в 1904 году в С.-Петербург.

Рокачевский Захарий Алексеевич – художник-архитектор, выпускник Императорской С.-Петербургской Академии художеств, профессор строительного

отделения ТТИ, создатель и первый хранитель музея рисунка (графических искусств) ТТИ, автор живописной портретной галереи томских ученых и почетных членов ТТИ, племянник известного русского художника-академика М.О.Микешина;

Рончевский О.И. – инженер-архитектор, преподаватель черчения строительного отделения ТТИ;

Соболевский Петр Константинович – горный инженер, профессор горного отделения ТТИ, устроитель астрономической обсерватории и полевой геодезической лаборатории ТТИ; музыкант, ученик композитора А.К. Лядова; отец известной оперной певицы, ученицы К.С. Станиславского, Ольги Соболевской.

Кроме того, в Томске работали:

Вериги-Чудновская Магдалина Брониславовна – художница, поэтесса, одна из организаторов Томского краевого музея (1922); автор живописных картин (“Красный дом”) и образных литературных описаний Томска – “города, сошедшего с фресок Дионисия”, архитектуры его отдельных зданий (“Розовый дом”) и ландшафта; дочь известного русского ученого-гематолога, профессора Томского университета Б.Ф. Вериги.

Строительная фирма инженеров Годлевского, Джевецкого, Езиоранского – участница конкурса по строительству Дома Науки им. П.И. Макушина (1910);

Оссовский Г.О. – известный в Европе горный инженер, ученый-археолог, этнограф, писатель, один из проектировщиков Томского городского водопровода (кон. XIX в.), построенного московской фирмой “Братья Брамлей” в 1901-1904 г.г.

Плятер-Плохоцкий К.А. – инженер Томского округа путей сообщения, гласный Томской городской Думы, участник рассмотрения проектов застройки и благоустройства Томска начала XX в.; деятель Томского Общества любителей художеств (1909); потомок старинного латгальского рода графов Плятеров;

Шостакович Болеслав Артур – потомственный почетный гражданин, гласный Томской городской Думы, дед композитора Д.Д. Шостаковича; инициатор устройства в Томске Сибирского музея, экспонаты которого послужили основой открытого в 1882 году профессором В.М. Флоринским Археологического музея Императорского Томского университета; организатор издания “Известий Томского городского общественного управления”, разделы которого посвящались проблемам архитектуры, строительства и благоустройства города Томска.

В целом, деятельность томских поляков в XVII – первой четверти XX столетиях оставила ряд замечательных памятников инженерной мысли, искусства и архитектуры, обогатила пространственную и временную среду Томска, внесла самобытную национальную интонацию в формирование его градостроительного образа.

1. Вериги-Чудновская М.Б. Томск-Мальстрем. Воронка Мальстрема. М. "Новый мир". 1991 г. №5.
2. Залесов Валерий. Оржешко. Галерея портретов томских зодчих. ТМ-экспресс. 14 августа 1992 г.
3. Евтропов К.Н. История Свято-Троицкого кафедрального собора в городе Томске (лента к 300-летию Томска). Томск. 1904 г.
4. Лозовский И.Т. Ректор института Николай Гутовский. Народная трибуна 23 июля 1994 г.
5. Попов А.И. Томск. М. 1959 г.
6. Резун Д.Я. Родословная сибирских фамилий. Новосибирск. 1993 г.
7. Сибирская старина №12 (17) . Польской диаспоре в Сибири четыре века. Томск. 1997 г.
8. Соболевская О.С. " К.С. Станиславский работает, беседует, отдыхает". М. 1988 г. с.с.14-16.
9. Справочная книга Томского округа путей сообщения. Томск. 1908 г.
10. Томский Технологический институт за 25 лет своего существования. Юбилейный сборник 1900-1925. Томск. 1928 г.
11. Чавыкин Г.В. Весь Томск. Адресно-справочная книга. Томск. 1911 г.
12. Шиловский А.Л. Деревянная архитектура Томска. Труды Томского краевого музея. Т 1. Томск 1927 г.

РОЛЬ ПОЛЯКОВ В ХОЗЯЙСТВЕННОМ ОСВОЕНИИ СИБИРИ.

Е.В. Карих
г. Томск

История польской диаспоры в Сибири в XIX в. - это история польской ссылки, история адаптации к местным условиям жизни. Только к концу века появляются добровольные переселенцы - крестьяне, строители железной дороги и рабочие фабрик.

Первая волна 30-х гг. состояла из шляхты. Она составляла до пятой части польского этноса и являлась носителем его национального самосознания [1]. Вторая волна связана с событиями революции 1848 г., когда в Сибирь направились шляхтичи, пытавшиеся помочь собратям в Австрии. Большинство из них вернулось обратно в 1858 г.[2] Третья волна польской ссылки связана с событиями 1863 -1864 гг. в Западном крае и Царстве Польском. Только в Томскую губернию было сослано 619 дворян, студентов, чиновников, мещан и крестьян [3]. Царский указ запрещал им заниматься государственной службой, но разрешал частную службу почти по всей Западной Сибири [4]. Это заставило ссыльных заняться предпринимательством, ремеслом, земледелием. Значительная их часть также вернулась в Польшу в 1868-1870 гг.

Четвертая волна поляков в Сибири состояла большей частью из добровольных переселенцев и политических ссыльных участников рабочего и революционного движения. В основном она состояла из крестьян и мещан. По сословиям поляки Западной Сибири, судя по переписи 1897 г., состояли на 10-15% из дворян, на 20% из мещан на 65 - 70 %-из крестьян. В сельском хозяйстве были заняты 45% поляков Тобольской губернии, 41% - Томской, 35%-Енисейской губернии, и 18%- Забайкальской области. Ремеслом и промышленностью были заняты по названным территориям соответственно 16%, 19 %, 30% и 35 % поляков. Коммерцией и торговлей занимались соответственно 9 %, 7 %, 4 %, и 3 %. В транспорте и услугах: 3 %, 7 %, 6 % и 6 %. На государственной службе было занято 3—4%, в частном секторе -8-11 %. Лицами свободных профессий назвали себя от 2 до 5% поляков Сибири, а около 5 %- не указали род деятельности и жили на казенное пособие или за счет родственников. Один-два процента находились в местах наказания, а в Забайкалье - 7 %, вероятно каторжные Нерчинских рудников [5].

Особенно заметной была доля польского труда в городском ремесле: в кирпичном и печном деле, пошиве одежды, токарном, поварском искусстве.

Поляки доминировали в пищевом ремесле Сибири - в колбасном и кондитерском деле. В Томске были известны колбасные заведения Шарлотты Фильберт, Франца Богушевского, Александра Юшкевича, кондитерская Бронислава Бородзича. Всего около пятой части горожан польского происхождения были заняты ремеслами. Столько же были заняты торговлей. Особенно заметна была доля поляков в виноторговле и бакалейной торговле. Этим занимались в Сибири 27 купцов-поляков [6]. В Томске 15 поляков занимались питейной, бакалейной и пивной торговлей. Наиболее известно было пивное заведение Зеленева [7].

Русские предприниматели охотно брали в услужение грамотных польских ссыльных, которые нередко затем становились самостоятельными хозяевами. Часто польские ссыльные начинали свое дело фактически с нуля. Так состоялась карьера Шидловского, Рогановича, Лапицкого, Мыслинского, Марковича, Собошанского, Ясинского, Цявловского, Войцеховского, Скочинского и других польских предпринимателей [8]. Самый известный из сибирских предпринимателей польского происхождения - Альфонс Фомич Поклевский-Козелл создал одну из наиболее крупных торгово-промышленных фирм на востоке страны.

Заметной была доля польских рабочих и инженеров среди сибирских железнодорожников, механиков и машинистов в разных отраслях производства. Поляки также образовали в Западной Сибири ряд цветущих сельскохозяйственных поселений.

Из сказанного можно сделать вывод, что поляки, сосланные в Сибирь и приехавшие сюда добровольно принимали активное участие в хозяйственной деятельности края. Они начали в Сибири многие ремесла, особенно в пищевой промышленности, благодаря более высокой культуре производства и квалификации. Наиболее заметен вклад ссыльных 60-х гг. и добровольных переселенцев конца XIX - начала XX вв.

-
1. Каппелер А. Россия - многонациональная империя. М., 1997. С. 158
 2. ГАТО. Ф. 3. Оп.36. Д. 229. Л. 9-23, 32, 38; Д. 196. Л. 20, 31
 3. Там же. Оп. 4. Д. 315. Л. 6
 4. Там же. Д. 527
 5. Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 года. СПб., 1904. Т. 73. Енисейская губерния. С. 116-121; Т. 74. Забайкальская область. С. 118- 121; Т. 78. Тобольская губерния. С. 160- 165; Т. 79. Томская губерния. С. 152 - 209.
 6. Сибирский торгово-промышленный календарь на 1896 год. Томск, 1896. С. 497 – 560.
 7. ГАТО. Ф.196. Оп. 4. Д. 34.

8. Рабинович Г.Х. Крупная буржуазия и монополистический капитал в экономике Сибири конца XIX - начала XX вв. Томск, 1975.- С. 70.

К ВОПРОСУ О ПРЕБЫВАНИИ ПОЛЬСКИХ
ПОЛИТИЧЕСКИХ ССЫЛЬНЫХ
60-х г.г. XIX В. В ЗАПАДНОЙ СИБИРИ

И.Н. НИКУЛИНА
г. Барнаул

Сибирская политическая ссылка является достаточно многоаспектной и разносторонней проблемой, не потерявшей своей актуальности и в настоящее время в связи с постоянным расширением круга рассматриваемых вопросов, одним из которых остается пребывание польских политических ссыльных-участников восстания 1863 г. в Западной Сибири.

Несмотря на значительное количество исследований в этом направлении [1], история ссылки участников восстания 1863-1864 г.г. в Царстве Польском изучена далеко не полностью. Как известно, пребывание польских ссыльных в Сибири составляет неотъемлемую часть русско-польских отношений XIX в. В сибирской ссылке оказались представлены различные социальные слои польского общества, в том числе и представители католической церкви. На основе изучения и систематизации архивных материалов Департамента духовных дел иностранных исповеданий (ф. 821) РГИА [2] нам удалось выявить 48 представителей духовенства, высланных на жительство под надзор полиции в Западную Сибирь по делу о восстании 1863-1864 г.г. в Царстве Польском. Для 36 из них местом проживания была определена Томская губерния, для 12 - Тобольская губерния. Следует отметить, что в дальнейшем в отдельных случаях осуществлялся перевод ссыльных ксендзов из губерний Западной Сибири в Восточную Сибирь. Так высланный в 1863 г. из Царства Польского в Тобольскую губернию и помещенный на жительство в Омск, а затем в Тобольск Ретин Мелехович был переведен по распоряжению министра внутренних дел в Енисейскую губернию (г. Красноярск), т.к. в Тобольске "много католиков и где надзор за ним, по-видимому не достаточен" [3].

Степень участия в восстании ссыльных представителей духовенства различна: от «политической неблагонадежности» до «умышленного содействия в захвате пристава», «составления преступного сообщества для вооружения», «распространения в обществе мятежных замыслов», «допущения в костеле пения революционных гимнов», «сношения с мятежниками, снабжение их продовольствием, посещение их шайки», «прочтения революционного манифеста

во время богослужения, призыв прихожан к бунту» и наконец «прямого участия в мятеже» [4].

В зависимости от степени вины большинство из них лишалось духовного сана и прав состояния. Однако в 70-х гг. XIX в., в положении польских ссыльных произошли некоторые изменения. На основании Высочайшего повеления 13 мая 1871 г. политическим ссыльным возвращались прежние права, и они освобождались от надзора полиции. Кроме того «на основании Высочайшего повеления от 8 октября 1872 г.... освобожденные от надзора полиции римско-католические священники могли быть назначены викарными к приходам великорусских губерний под надзор и ответственность настоятеля, и негласное наблюдение полиции» [5].

Воспользовавшись этим, 12 польских ссыльных покинули Сибирь, 2 человека остались в Сибири по истечении срока определенного им наказания, данных о судьбе остальных польских ссыльных представителей духовенства не обнаружено. По этому поводу Б. С. Шостакович справедливо указывал, что «специального учета не велось. Число таких поляков, осевших в Сибири, было достаточно велико» [6].

В целом, история польской политической ссылки XIX в. в Сибири содержит значительное количество разнообразных проблем, разрешить которые возможно только в результате введения в научный оборот новых источников – материалов центральных и местных архивов.

1. Шостакович Б.С. История поляков в Сибири (XVII-XIX вв.) - Иркутск, 1995.- 165 с.; Он же. Узловые проблемы истории поляков в Сибири (кон. XVIII - кон. XIX в.) - Автореф. Дис.д.и.н. - М.,1997. - 52с. и др.

2. РГИА. Ф. 821. - Оп.3.- Д.191. - Л.1; Д.217.- Л.1; Д. 238. - Л. 1,4 и др.

3. Там же. Д.69.- Л.1,27,38; ТФ ГАТюМО. Ф. 152.- Оп.1. - Д. 81.- Л.1,2,18.

4. РГИА. Ф.821. - Оп.3.- Д.427.- Л.21.; Д.561.- Л.3; Д.566.-Л.1 и др.

5. Там же. Д.427. - Л.27, 28.

6. Шостакович Б.С. История поляков в Сибири... - С. 92.

КУЛЬТУРНАЯ МИССИЯ ССЫЛЬНЫХ ПОЛЯКОВ В СИБИРИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX В.

Е.А. Дегальцева
г. Новосибирск

Попавшие в Сибирь польские политические заключенные и у себя на родине составляли наиболее передовую часть общества, в Сибири же, где царила почти поголовная неграмотность, эти ее невольные обитатели становились проводниками культуры и просвещения. Повышение грамотности населения ссыльные с народническими взглядами считали одним из факторов переустройства общества.

Первыми ссыльными в Сибири явились разбитые польские повстанцы 1830 г. и участники дела 1833 г. В 1839 г. в Сибири появляются поляки по делу «товарищеской организации польского народа», участвовавшей в заговоре Конарского, и далее, на протяжении 1840-х гг. польская ссылка не прекращалась. Большинство невольников этого периода являлись дворянами и лишь небольшую часть составляли солдаты из крестьян. В 1856 г. многие из них уехали из Сибири по амнистии. С 1863 г. в Сибирь высылаются поляки участники второго восстания. Всего же прибыло в Сибирь за неполных 4 года (1863-1866 гг.) вместе с добровольно пришедшими членами семей около 19 тысяч человек. Половина из этого числа получила наказание в виде «водворения», остальные ушли на каторгу (3894), поселение (2153), на «житье» (2254). Вместе с ссыльными прибыло 1830 человек (жены и дети) [1]. Социальное положение, по сравнению с предыдущим этапом, не изменилось - большую часть повстанцев составляли дворяне.

В неволе бывшие революционеры почти полностью отошли от политической деятельности. К тому же, попав в такую глушь, как, например, Минусинск, Курган или Тару, трудно было сохранить свой революционный энтузиазм и найти сподвижников. Выйдя с каторги на поселение, поляки оказывались в самом центре экономической, общественной и культурной жизни.

В повышении культурного уровня населения существенное место занимала организация и деятельность местных музеев. Ф. Кон подчеркивал огромное значение этих учреждений, игравших помимо научной, еще и воспитательно-образовательную роль. Поляки оставили яркий след в создании и популяризации музейного дела в Сибири. На их знаниях и энтузиазме работали Минусинский (А.И. Венцковский, Ф. Кон), Иркутский (И.Д. Черский, Н.И.

Витковский), Енисейский (М.О. Маркс, Михалевич) и другие музеи. Так, в 1885 г. число посетителей Минусинского музея возросло до 8 тыс. человек, причем наибольший процент приходился на крестьян и инородцев, много было таких, кто приезжал в город специально для посещения музея [2].

Болеслав Шостакович, будучи избранным гласным томской городской думы, выдвинул предложение основать в городе Сибирский музей с тем, чтобы после открытия в городе университета, музей использовался этим учебным заведением и был также доступен для бесплатного посещения публики [3].

Значительный вклад в дело научного освоения Сибири внес Александр Чекановский. В 1867-1868 гг. Чекановский вел регулярные метеорологические наблюдения, собрал и описал 69 видов грибов, изучал геологическое строение долины р. Ангары. Участвовал и возглавлял ряд экспедиций - Култукскую, Тунгусскую, Оленевскую и др. Результаты его исследований были высоко оценены: в 1870 г. Чекановский получил малую золотую медаль Русского географического общества, а в 1875 г. - золотую медаль первого класса Международного географического конгресса в Париже за составленные в ходе экспедиций карты [4]. Огромный интерес для этнографии представляет описание Чекановским ярмарки, которая ежегодно, в течение августа, проходила устье реки Илимпеи. На нее съезжались эвенки и якуты из самых отдаленных мест Восточной Сибири. Чекановский подробно описал это редкое явление. И это единственное ее описание: ни до, ни после исследователя никому этого сделать не удалось. В результате семилетней научной деятельности А.Л. Чекановского в Сибири, натуралиста широкого профиля, были достигнуты значительные успехи в развитии геологии, географии, биологии, этнографии и лингвистики.

Вместе с Чекановским научные изыскания проводили и его ссыльные земляки - И.Д. Черский, Б.И. Дыбовский, В. Ксенжопольский, К. Нейман, Ф. Миллер, З. Венгловский. Большой вклад внесли поляки в изучение разных отраслей науки. Археологические (Н.И. Витковский), метеорологические (М.О. Маркс), зоологические (В. Годлевский, Б.И. и В.И. Дыбовский), этнографические и антропологические (Ф. Кон, Б. Шостакович), геологические и географические (А.Л. Чекановский, И.Д. Черский, А.И. Венцовский), палеонтологические (И.Д. Черский) исследования Сибири не потеряли своего значения до сих пор.

Ссыльные не имели права заниматься многими видами деятельности. Но потребность региона в интеллектуальных силах была настолько велика, а возможность политического влияния на местное население настолько маловероятна, что начальство уступало требованиям жизни. Ссыльные поляки выступали корреспондентами многих сибирских газет (В. Серошевский, Н.Л. Виташевский), занимались медицинской (Пекарский, Михалевич, А. Одаховский, Мендшейн, Елпатьевский) и педагогической (Вильконский) практикой, принимали участие в местном городском самоуправлении (Б.П. Шостакович) [5].

Полякам разрешалось везти с собой книги. Приезжая на места поселений, ссыльные сразу же устраивали библиотеки, которыми пользовалось местное население. Помимо привезенных книг, многие получали их почтой. Так в Якутск попали «Капитал» К. Маркса, произведения Г.В. Плеханова, Э. Бернштейна и др. Книги реферировались товарищами, горячо обсуждались. Пользовались широкой популярностью и вечерние лекции «политических». Ссыльный Н. Вишневецкий допускал, что полиция о них знала, «однако помалкивала» [6]. При активном содействии ссыльных в городе организуется и артистический кружок. Так, в 1901 году их любительской группой был поставлен «Ревизор».

Особо содействовали поляки оживлению музыкальной деятельности. При их участии открываются в 1874 году в Омске, а 1879 году в Томске отделения Русского Музыкального общества (Сирен, Урняж). Большое оживление в музыкальную жизнь Томска внесли Я.Ф. Залеская, окончившая Варшавскую консерваторию, С.А. Жбиковский и др. Участвовали поляки в открытии музыкально-драматического кружка и в Ново-Николаевске. В его Правлении состоял И.Я. Поплавский.

Популяризировали искусство в Сибири бывший повстанец художник В.В. Флек, его ученик Виткевич, сын ссыльного Ф.Ф. Оржешко. Они давали в Томске частные уроки рисования, закладывая основы художественного образования. Их деятельность развивала вкус и любовь к искусству среди местного населения. Основанное при участии поляков Общество любителей художеств в Томске устраивало выставки картин, этюдов, скульптур, художественных предметов прикладного искусства.

Неизвестное тогда в Сибири практическое садоводство получило широкое развитие благодаря Б. Шостаковичу. Он стал одним из пионеров разведения и распространения в районе Иркутска малины, клубники и некоторых садовых цветов. Семена доставлялись ему сыновьями, обучавшимися за границей.

Пополнявшие отряд сибирских ссыльных, поляки, с середины 1860-х годов принимали активное участие в намечавшихся сдвигах во всех областях жизни края. Эти люди не только сумели устоять духовно в условиях неволи, но и несли свет культуры и просвещения местному населению.

1. См.: ССЭ. М., 1932. Т.2. Стб.591.

2. См.: Кон. Ф. Исторический очерк Минусинского местного музея за 25 лет (1877-1902 гг.). Казань, 1902. С. 79.

3. Записка Исполнительной комиссии, назначенной томскою городскою думою для устройства в г. Томске «Сибирского музея». Томск, 1884.

4. Чекановский А.Л. Сборник неопубликованных материалов. Статьи о его научной работе. Иркутск, 1962. С. 86.

5. Московские ведомости. 1886. 25 января.

6. Вишневецкий Н.Ф. Енисейская ссылка в 1878-1893 гг. // Каторга и ссылка. 1930. № 8-9. С. 171.

ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ПОЛЬСКИХ ВРАЧЕЙ В ИРКУТСКЕ В КОНЦЕ XIX ВЕКА

А.В. Лисичникова
г. Иркутск

Врачебная деятельность поляков в Иркутске в прошлом веке практически не освещена в научной литературе, поэтому представляется необходимым выяснить, какой вклад они внесли в дело развития сферы здравоохранения города.

Иркутск в конце XIX века являлся наиболее развитым городом Восточной Сибири в социально-экономическом и культурном отношении. В городе функционировало 4 больницы, военный госпиталь, несколько амбулаторий и частных лечебниц. В 80-х гг. в Иркутске на 33800 жителей было около 30 врачей, треть из них составляли поляки, большинство которых было сослано в Сибирь на поселение, остальные приехали туда работать после окончания учебных заведений (И.П. Брониковский, Н.В. Гленбоцкий, А.В. Гаевский, Ц.М. Цехановский, А.И. Одаховский, А.Н. Ронбинский, О.С. Гржибовский и др.). Данные сведения получены из материалов Государственного архива Иркутской области (ГАИО), фонда Иркутской врачебной управы.

Так как в Иркутской губернии ощущалась острая нехватка врачей, то многим ссыльным полякам, имевшим высшее медицинское образование, возвращали права государственной службы и разрешали работать в городах и округах губернии. Большинство польских врачей Иркутска были выпускниками Киевского и Московского университетов, а также Санкт-Петербургской медико-хирургической академии. Почти все они состояли на службе в городских больницах и военном госпитале и несколько человек были членами Иркутской врачебной управы. Несмотря на имеющийся в городе штат врачей, его все же было недостаточно, чтобы оказать медицинскую помощь всем нуждающимся, поэтому врачи совмещали сразу несколько должностей.

Врач военного госпиталя Иван Ипполитович Брониковский одновременно работал в начальном городском и промышленном училищах. Он был обязан ежедневно посещать эти учебные заведения, с тем, чтобы контролировать их санитарное состояние и оказывать помощь заболевшим ученикам и учителям. В периоды эпидемий в учебных заведениях надо было проводить очень много времени, что, несомненно, шло в ущерб деятельности по основному месту работы.

Николай Викентьевич Гленбоцкий, выпускник Санкт-Петербургской медико-хирургической академии совмещал обязанности старшего врача гражданской больницы и члена городской врачебной управы. В Иркутск он был командирован из Европейской России. За добросовестную деятельность врачебная управа неоднократно награждала его денежными пособиями. Одобрительные отзывы и поощрения о своей работе получал от городского общества член врачебной управы Александр Викентьевич Гаевский, приехавший работать в Иркутск после окончания Санкт-Петербургской медико-хирургической академии. В 1886 году он в качестве помощника караванного начальника сопровождал первый караван с золотом из Иркутска в Санкт-Петербург.

Многие врачи кроме своей основной работы вели по вечерам и выходным частный прием всех желающих у себя на квартирах или в здании больниц, где работали. В привлечении пациентов главную роль играли такие качества врача как опытность, мастерство, внимательность.

В процессе профессиональной деятельности между польскими и русскими врачами наблюдалось тесное взаимодействие, которое выражалось как в совместной работе в больницах, так и в работе Общества врачей Восточной Сибири, где врачи-поляки выступали с докладами и сообщениями на различные медицинские темы. Один из интересных докладов был сделан на заседании Общества врачом Александровской тюрьмы, бывшим ссыльным Целестином Михайловичем Цехановским. Доклад был посвящен причинам эпидемии дифтерита в Иркутске и методам его лечения. Так как данное заседание было публичным, то жители города смогли получить реальные сведения о том, как вести профилактику против этой опасной болезни.

Таким образом, профессиональная деятельность польских врачей сыграла немаловажную роль в деле развития здравоохранения Иркутска. В настоящее время продолжается вовлечение в научный оборот новых данных о работе врачей польской национальности в Иркутске.

К ВОПРОСУ О ВЗАИМООТНОШЕНИЯХ
ПОЛЬСКИХ ПЕРЕСЕЛЕНЦЕВ И
СИБИРЯКОВ-СТАРОЖИЛОВ В ТОМСКОЙ ГУБЕРНИИ.
СЕРЕДИНА XIX В.

А.Ю. Майничева
г. Новосибирск

После восстания в Польше 1863 г. в Томскую губернию было водворено большое число поляков. Эти ссыльные получили официальное наименование польских переселенцев. Документы, связанные с их обустройством в Сибири, отложились в Государственном архиве Томской области в фондах 3 и 270. Преимущественно это фрагменты деловой переписки, жалобы, прошения, статистические сведения, относящиеся к 1865-1877 гг. Особый интерес представляют документы, показывающие взаимоотношения поляков и сибиряков-старожилов, поскольку в них можно обнаружить сведения об особенностях адаптации новоселов в условиях Сибири [1].

Судя по имеющимся данным, отношения старожилов и польских переселенцев нельзя охарактеризовать однозначно. В документах приводятся самые разноречивые факты. Многие старожилы встречали новоселов приветливо. Сибиряки охотно торговали с переселенцами, представляя самые выгодные условия для покупки домов, всей хозяйственной утвари. Некоторые из новоселов, основательно обосновываясь в Сибири, не только обзаводились хозяйством, но и вступали в родственные связи сибиряками. Так, в жалобе государственного крестьянина Ивана Яковлева Найданова, жившего в деревне Верхнекулибницкой Каинского округа Томской губернии, говорилось о том, что он просватал свою дочь Матрену за польского переселенца Лаврентия Михайловича Лабана.

Вместе с тем, не везде польских переселенцев принимали гостеприимно. В Усть-Тартасской волости старожилы-старообрядцы были "преисполнены предубеждения" и "гнушались" польскими переселенцами. После инспекционной поездки в феврале 1865 г. барон Фелькерзам писал председателю Четвертого участка, что польские переселенцы, водворенные в с. Верхний Майзас принесли жалобу о том, что в с. Спасском помощник волостного писаря не брал для отправки писем, написанных на польском языке, а принуждал их писать по-русски. Далее он приказывал обратить на это внимание и не позволять в волостном правлении так поступать. В другом документе от 19 февраля 1865 г.

Фелькерзам велел наказать крестьянина-старожила Ивана Лучинина "в пример прочим..., чтобы со стороны других старожилов притеснений польским переселенцам не было".

Во взаимоотношениях поляков и сибиряков нередко решающую роль играл земельный вопрос. В Томской губернии польские переселенцы приселялись к старожилам, но стремились образовать компактные поселения, что не всегда было возможно из-за нехватки земельных наделов. Так, например, томскому губернатору было подано прошение доверенного от польских переселенцев из села Старого Тартаса Усть-Тартасской волости Игнатия Новицкого, который ходатайствовал об отводе "пустопорожного места для заселения". Его доверители были причислены к с. Старый Тартас и пользовались земельными угодьями наравне со старожилами, однако выбрали место для образования отдельного поселка (починка) около озера Катенар. Но выяснилось, что выбранное место не было казенным, и там уже размещались заимки крестьян-старожилов. Жители села Старо-Тартаса не соглашались уступить этот участок, что и было причиной тому, что власти прошение поляков не удовлетворили.

Итак, в середине XIX в. многие выходцы из Польши, став невольными переселенцами в Сибирь, начали обустройство в Томской губернии. Они понимали, что им придется задержаться здесь надолго, поэтому стремились поселиться совместно с родственниками, и хотели быстрее обзавестись хорошим хозяйством. Приехав в уже населенную местность, они активно общались с сибиряками-старожилами, торговали с ними, вступали в родственные связи, а иной раз и защищали свои законные права.

¹ Работа выполнена при поддержке РГНФ, 1997-1999, 97-01-00024, «Восточные славяне Западной Сибири: создание устойчивых этноэкологических систем развития», 1999-2000, 99-01-00058, "Малочисленные этнические группы некоренных народов Сибири: проблемы развития культуры жизнеобеспечения (на примере греков, эстонцев, белорусов)".

ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВО ПОЛЯКОВ В СИБИРИ.
ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XIX - НАЧАЛО XX в.в.

В.А. Скубневский
г. Барнаул

В исследованиях последнего времени стало больше обращать внимания на роль польской диаспоры в хозяйственном освоении Сибири. Отметим труды иркутского исследователя Б.С. Шостаковича, польского - А. Кучиньского и др. Впрочем, еще дореволюционные авторы обращали внимание на позитивное воздействие польской политической ссылки на все стороны сибирской жизни, в том числе и хозяйственной. Отмечалось, что поляки способствовали возникновению и развитию в ряде мест кондитерского, колбасного, мебельного и других ремесел и производств, становились владельцами гостиниц, ресторанов и т.д. Значительно сложнее конкретизировать масштабы подобной деятельности, выявить основные ее направления, выделить ссыльных и их потомков, добровольно прибывших в Сибирь.

Внимание российской историографии последнего десятилетия к истории предпринимательства привело к изданию значительного числа энциклопедий, справочников, прочих исследований, в которых содержится информация о крупных предпринимателях региона. Разумеется, эта информация коснулась и польских предпринимателей в Сибири.

В данном докладе делается попытка выявить численность средних и крупных предпринимателей Сибири польского происхождения второй половины XIX - начала XX в., конкретизировать некоторые направления их коммерческой деятельности, в основном в промышленной сфере. Были отобраны источники и справочные издания, содержащие т.н. «карточные сведения» т.е. сведения о каждом конкретном предпринимателе или семье предпринимателей, или промышленном заведении с указанием фамилии владельца. Разумеется, в большинстве подобных источников прямых указаний на национальность нет и ее можно определить только косвенным путем - по фамилии, имени и отчеству владельца.

Нами были проанализированы 10 книг "Краткой энциклопедии по истории купечества и коммерции Сибири" (Новосибирск, 1994-1999), приложения к докторской диссертации Л.Л. Сапоговской [1], в которых показана база данных золотопромышленных компаний Сибири Урала, Материалы промышленной

переписи 1908 г.[2] и еще два статистических справочника о промышленных заведениях России накануне Первой мировой войны [3].

Всего выявлено около 60 фамилий или семейств польского происхождения, которые занимались предпринимательством в Сибири (здесь без Дальнего Востока) во второй половине XIX - начале XX в. Деятельность большей части из них приходится на конец 90-х гг. XIX в. и особенно на начало XX в., т.е. период после постройки Сибирской железной дороги. Между тем, наибольший приток польских ссыльных в Сибирь приходился на XIX в., после восстаний 1830-31 и 1863-64 гг. Можно предположить, что большая часть предпринимателей польского происхождения начала XX в. либо являлись потомками ссыльных, либо не имели вовсе отношения к ссылке, а прибыли в Сибирь по иным причинам. И все же о многих предпринимателях известно, что они являлись ссыльными или потомками ссыльных, на это есть прямые указания в источниках и литературе. В данную группу предпринимателей входили золотопромышленники Бреславский, Бржезовский, углепромышленники И. Собещанский и Н. Цявловский, предприниматели Зеленовские, Ясинский, В. Петкевич.

Поляки-предприниматели проживали преимущественно в городах, в числе которых Тюмень, Курган, Омск, Томск, Красноярск, Иркутск, Чита и др. По размаху коммерческой деятельности выделяется А. Поклевский-Козелл и его сыновья. Регион их предпринимательства охватывал Урал, Западную Сибирь, Степной край. Только на Белохомуниных железоделательных заводах Вятской губернии в 1908 г. было занято 1,5 тыс. рабочих, а их годовая производительность превысила 1 млн. руб. Кроме того, они имели сеть других горных предприятий, винокуренных, пивоваренных, стекольных и прочих заводов, золотых промыслов, огромную сеть торговых заведений. И все же этот пример не был типичным для польской диаспоры Сибири. Коммерческая деятельность Поклевских-Козелл имела общероссийскую значимость, в то время как предпринимательство других поляков в Сибири имело региональное или местное значение.

В числе крупных предпринимателей Сибири были углепромышленники И. Собещанский и Н. Цявловский. Первый из них был организатором в 1901 г. «Русско-Азиатского товарищества» с суммой производства около 400 тыс. руб. и числом занятых рабочих 250 чел., второй - компании, основанной в 1905 г. с основным капиталом в 100 тыс. руб. [4]. В 1909 г. компанию для аренды цементного завода "Камышет" с капиталом в 92 тыс. руб., создали инженеры И.И. Собещанский, М.Ю. Мыслинский и В. Томчинский.

Но более характерно вложение капиталов поляками предпринимателями в ряд групп обрабатывающей промышленности: металлообрабатывающей (завод Мокржицкого в Иркутске), химической (завод "Довборы" по производству красок, лаков и масел в Омске, товарищество создали Яздовский и Твардовский),

винокурение и пивоварение (Зеленевские и Андроновские в Томской губ., Чижевская в Иркутске и др.), кондитерское производство (Б. Бородзич в Томске, Бернацкий и Ходкевич в Иркутске и др.), мукомольное (мельницы в Енисейской губернии Адама Ржишевского, С. Мацкевича, В. Вызольмирского), колбасное (С. Соколовского в Новониколаевске) и прочие.

Масштабы некоторых из указанных заведений были значительны. Накануне Первой мировой войны обороты свыше 400 тыс. руб. имел Омский завод «Довборы», свыше 200 тыс. руб. - завод Мокржицкого в Иркутске, пивоваренный завод и сеть торговых заведений Андроновских в Барнауле, завод Чижевской в Иркутске. Немало поляков было среди владельцев заводов фруктовых вод, аптек, гостиниц, трактиров, магазинов самого разного профиля, фотоателье.

Разумеется, приведенные сведения не являются исчерпывающими, а тема нуждается в дальнейшем исследовании. В то же время необходимо отметить, что вообще значительная часть сибирских предпринимателей русских и других национальностей формировалась за счет прибывших из других регионов Европейской России, Урала, а иногда и из-за границы. Их миграция в Сибирь являлась составной частью процесса колонизации края, его хозяйственного освоения, польская диаспора принимала достойное участие в этом процессе.

1. Сапоговская Л.В. Частная золотопромышленность России на рубеже XIX-XX в.в. (Урал и Сибирь - модели развития); Дисс. на соиск. уч. ст. д-ра ист. наук. Екатеринбург, 1998. Т.2. Ч. 4.

2. Список фабрик и заводов Российской Империи. Сост. по офиц. Свед... /Под ред. В.Е. Варзара. СПб., 1912.

3. Фабрики и заводы всей России. Киев, 1913; Фабрично-заводские предприятия Российской империи, 2-е изд. Пг.: Изд. Д.П. Кандауров и сын, 1914.

4. Рабинович Г.Х. Крупная буржуазия и монополистический капитал в экономике Сибири конца XIX - начала XX вв. Томск, 1975. С. 179.

СИБИРСКИЕ ПОЛЯКИ-ПРЕДПРИНИМАТЕЛИ ДО 1917 Г.

(по материалам "Краткой энциклопедии по истории купечества и коммерции в Сибири")

М.В. Шиловский
г. Новосибирск

Сведения о деятельности предпринимателей-поляков в Сибири во второй половине XIX - начале XX вв. содержатся в работах Ю.П. Колмакова и Г.Х. Рабиновича по истории буржуазии региона [1]. Сравнительно недавно В.А. Скубневский установил общую их численность (106 чел. на 23 039 поляков Сибири) по данным переписи 1897 г. [2].

Новый импульс изучению купеческой составляющей польской диаспоры дают 4 тома (10 книг) "Краткой энциклопедии по истории купечества и коммерции в Сибири", включающей 3 626 материалов (очерков и заметок) примерно на 4 тыс. сибирских гильдейских купцов и предпринимателей XVIII - начала XX вв.[3].

Издание имеет специфику. Как первый опыт подобного проекта оно не выявило всех фигурантов. В частности, поляков в нем зафиксировано 31 чел., или треть от установленных В.А. Скубневским на конец XIX в. Не упоминаются, например, такие крупные капиталисты как А.М. Маркович, М.И. Мыслинский, И.И. Собошанский и др. В издании нет систематических сведений о национальной принадлежности предпринимателей, поэтому ее приходится устанавливать по их фамилиям, именам, отчествам, вероисповеданию, сословной принадлежности, благотворительной деятельности и т.д.

Данная методика не дает 100% гарантии полного выявления всех принадлежащих той или иной диаспоре в пределах имеющейся совокупности. Тем не менее, полученные сведения позволяют составить общее представление о польских предпринимателях, как этнической общности, дисперсно-рассеянной в иноязычной среде, по сравнению с другими диаспорами (евреи, немцы, татары и др.), а также установить характерные особенности изучаемой этносоциальной группы сибиряков.

В общей совокупности капиталистов региона, среди которых абсолютно преобладали русские, поляки уступали евреям (ок. 500 чел.), татарам (44 чел.) и вместе с немцами делили 4 -5 место (по 31 чел.), опережая из западных выходцев датчан (6 чел.), французов (3 чел) и норвежцев (2 чел.). Территориально они распределялись в 14-ти городах следующим образом: по одному в Тюмени, Кургане, Камне-на-Оби, Енисейске, Чите, Якутске, Нерчинске; по два в

Тобольске, Ишиме, Томске, Мариинске; четверо в Тюкалинске, пятеро в Омске, семеро в Иркутске. За исключением енисейской купчихи 2-й гильдии Павлы Станиславовны Сухетской, все остальные относились к сильному полу.

По времени пребывания в Сибири для подавляющего большинства предпринимательская деятельность падает на конец XIX - начало XX вв. (25 чел.), двое стали ею заниматься во второй половине XIX в., двое в самом конце XVIII в. (Нестор и Петр Бакуринские, выбывшие в 1799 г. из купцов в мещане). Фиксируется одна династия (Поклевские-Козелл), представители которой проживали в регионе с 1834 г. до начала XX в. Еще две (отцы и сыновья Блондовские в Тюкалинске) сформировались в начале этого века.

Время активного присутствия в торгово-промышленной сфере и поздние сроки создания династий свидетельствуют о специфике образования польской диаспоры в Сибири, в основном за счет ссыльных участников восстаний 1830-1831, 1863-1864 гг.[4], хотя лишь в трех случаях указывается на принадлежность респондентов к ссыльным. Но косвенно данный источник формирования подтверждается высокой долей выходцев из дворянской среды (7 чел.). «Штрафная» колонизация не способствовала оседанию поляков за Уралом. После амнистии 1856 г. многие из них вернулись на родину.

Ситуация повторилась во второй половине XIX в. Только часть ссыльных осталась в Сибири, образовав устойчивые колонии в городах. Уехали, прежде всего, состоятельные люди и дворяне. Вторая волна польской колонизации совпадает со столыпинским переселением. Например, на январь 1911 г. в Томскую губ. было водворено 4 618 поляков [5]. Но в этом случае основной контингент приехавших составили крестьяне, занявшиеся сельским хозяйством и не имевшие средств для торгово-предпринимательской деятельности.

Из 21 респондента, на которых имеются сведения, 18 являлись купцами 2-й гильдии, двое - 3-й, один (А.Ф. Поклевский-Козелл) записался в 1-ю. Среди сибирских поляков рассматриваемой социальной группы основную часть составляли предприниматели среднего достатка, хотя и в их среде имелись состоятельные люди. Например, А.Ф. Верхратский на собственных предприятиях производил ежегодно до 3 тыс. пудов свечей и столько же мыла, являясь одновременно одним из крупнейших земельных собственников в Томске; Б.С. Ходкевич владел кондитерской фабрикой в Иркутске и двумя аналогичными заведениями в Томске; иркутский купец Л.А. Ясинский был совладельцем крупного речного пароходства.

В "клуб" сибирских миллионеров начала XX в., численность которого определяется в 60-70 чел. [6], входили поляки А.Ф. Поклевский-Козелл и Н.А. Цявловский, создавший в 1913 г. один из самых крупных угольных синдикатов в России "Акционерное общество черемховских копей Н.А. Цявловского" с основным капиталом 2,5 млн. руб. В "Энциклопедии..." не указаны источники

первоначального накопления, но в двух случаях (В.С. Петкевич и Н.А. Цявловский) ими стали удачные женитьбы на дочерях местных купцов.

Представляет интерес сфера предпринимательской деятельности поляков. Пятеро из них занимались виноторговлей, трое владели аптеками, двое торговали бакалеей, двое были пароходовладельцами, по одному увлекались золотодобычей, лесоторговлей, скупкой сливочного масла, торговлей мануфактурой или имели предприятия (колбасная мастерская, кондитерские, гостиница, фотоателье, свечное и мыловаренное производство, слесарно-механическая мастерская, мельница). Обращает внимание высокая доля занятых в новых для Сибири начала XX в. отраслях (продажа лекарств, производство колбасы, кондитерских изделий, фотодело, гостиничный бизнес, слесарно-механическое производство и др.).

1. Колмаков Ю.П. К проблеме формирования торгово-промышленной буржуазии Восточной Сибири в период империализма // Очерки истории Сибири. Вып. 2. Иркутск, 1971, с.63;

Рабинович Г.Х. Крупная буржуазия и монополистический капитал в экономике Сибири конца XIX - начала XX вв.. Томск, 1975, с.70.

2. Скубневский В.А. Купечество Сибири по материалам переписи 1897 г.// Предприниматели и предпринимательство в Сибири. Вып.2. Барнаул, 1997, с.51, 53.

3. Краткая энциклопедия по истории купечества и коммерции в Сибири. Т.1 (кн. 1-2), Т.2 (кн. 1-2), Т.3 (кн. 1-3), Т.4 (кн. 1-3). Новосибирск, 1994-1999.

4. По данным Тобольского приказа о ссыльных сюда с начала 1832 по май 1834 г. было прислано 158 видных повстанцев. Кроме того, к июню 1833 г. в части Отдельного Сибирского корпуса прибыло 2125 военнослужащих расформированной польской армии (Литовского корпуса). См.: Нагаев А.С. Омское дело 1832-1833 г. Красноярск, 1991, с. 14-15. Из числа репрессированных участников восстания 1863-1864 гг. в Сибирь было сослано 18 606 чел. См.: Митина Н.П. Во глубине сибирских руд. М.,1966, с.11.

5. Подсчитано по: ГАТО, Ф.239, Оп.8. Д.89. ЛЛ.30-31.

Рабинович Г.Х. Указ. соч., с.30

ПОЛЬСКИЙ ЛЕГИОН В ОМСКЕ В 1917-НАЧАЛЕ 1918 гг.

И.В. Нам
г. Томск

После Февральской революции, возродившей надежды поляков на восстановление независимой и объединенной Польши, в планах создания особых польских воинских формирований появились новые возможности. Создание армии поддерживалось такими высшими военачальниками, как М.В. Алексеев, А.И. Деникин и др., пользовалось популярностью в действующей армии и в тыловых частях, находило поддержку у западных союзников. Важная роль в формировании частей отводилась союзам поляков-военнослужащих, начало было положено созданием в середине марта союза военных поляков в Петрограде. Союзы военных поляков в сибирских гарнизонах возникли в апреле-мае 1917 г.: 8 апреля в Омске, 17 апреля в Иркутске, не позднее 23 апреля в Новониколаевске и не позднее 27 мая в Томске [1]. Несколько позже был создан Союз военных поляков в Енисейской губернии [2]. 10 сентября организовался Союз военнослужащих поляков Никольск-Уссурийского гарнизона [3].

Особо активную деятельность развернул Омский союз военных поляков, установивший тесную связь с Главным польским военным комитетом - Начполем. Руководители омского союза были назначены представителями Начполя при Омском военном округе. Союз организовал из поляков-военнослужащих отряд польских стрелков, командиром которого был избран подпоручик Лютык, выполнявший одновременно функции комиссара Начполя при штабе округа. Как писал в своем сообщении Начполю 21 августа его заместитель хорунжий Козловский, в Омск стягивались поляки из Западной Сибири: собралось уже около 300 человек (из них около 50 офицеров), которые были подразделены на 2 роты. Часть офицеров оставалась в отряде, остальных офицеров (около 40) предполагалось направить в польские корпуса или польские запасные полки. Учитывая, что в округе насчитывалось 1500 солдат-поляков, кроме того, имелись деревни с исключительно польским населением, Козловский предлагал сформировать в Омске запасной отряд из 6 батальонов, который мог стать центральным для всей Сибири. Расчет делался также на то, чтобы распространить влияние Омска на всю Сибирь [4].

После октября 1917 года Начполь и союзы военных поляков заявили о своем нейтралитете и неучастии в происходившей в России политической борьбе. Так и Омский союз военных поляков и офицеры польского отряда приняли 10 декабря на общем собрании военных поляков резолюцию, в которой потребовали от

гарнизона комитета признания их свободными гражданами и воинами независимой Польши, невмешательства в их внутреннюю жизнь и оставления у них оружия. В резолюции подчеркивалось, что военные поляки гарнизона подчиняются только Начполю, и в ультимативной форме было заявлено, что в случае неудовлетворения выдвинутых ими требований они «выступят всеми имеющимися у них средствами» [5].

Омский военно-окружной комитет и секции СДКПиЛ в борьбе с польским отрядом прибегли к помощи поляков-военнопленных. 26 декабря было организовано собрание военнопленных поляков, которое заявило протест против организации польской буржуазией в Омске войск, подчеркнув, что поляки-военнопленные не будут орудием в ее руках, а пойдут рука об руку с русским революционным пролетариатом. На следующий день офицеры польского легиона созвали собрание поляков-военнослужащих. Присутствовавшие на собрании представители местной группы СДКПиЛ и член Вокома призывали польских солдат не поддерживать позицию нейтралитета и объединиться с русским пролетариатом в борьбе с буржуазией. Выступавшие со стороны легионеров, напротив, говорили о необходимости оставаться «нейтральными» в отношении к русским событиям. Большинством в 50 голосов при 40 против и 7 воздержавшихся была принята предложенная СДКПиЛ резолюция [6].

В январе 1918 года под тем предлогом, что офицеры польского отряда, который в это время насчитывал около 140 солдат и 60 офицеров, саботировали распоряжение Вокома и гаркома, военный отдел Омского совета постановил прикомандировать отряд в качестве отдельной национальной роты к 37 полку. По требованию Вокома, в марте отряд дал подписку в том, что он, оставаясь нейтральным, обязуется не выступать против Советской власти и беспрекословно выполнять все приказы Вокома и гаркома [7]. В апреле Комиссариат по польским делам постановил расформировать польские отряды, солдатам, стоящим на платформе Советской власти и желающим записаться в красную армию, было предложено вступить в ее ряды при наличии рекомендаций от левых партий [8]. Принимая это во внимание, исполкома Омского совдепа постановил польский легион распустить; гарком, в свою очередь, потребовал немедленно сдать все имеющиеся в расположении отряда винтовки и патроны [9].

После чехословацкого мятежа польский легион в Омске сумел в короткий срок восстановить свой состав. Уже 28 июля 1918 года военный министр Временного сибирского правительства Гришин-Алмазов принял смотр I польского степного легиона в составе одного взвода из офицеров, двух рот пехоты, пулеметной команды и кавалерийского эскадрона и высказал полное удовлетворение его боевым видом [10].

1. Омский вестник. 1917. 8 апр. (приложение к номеру); Иркутская жизнь. 1917. 18 апр., Сибирь. 1917. 28 апр.; Голос Сибири. 1917. 23 апр.; Сибирская жизнь. 1917. 27 мая; Новая жизнь. 1917. 27 мая.
2. ГАРФ. Ф. 5111. Оп. 1. Д. 21. Л. 49.
3. Известия Советов рабочих и солдатских депутатов г. Никольск-Уссурийска. 1917. 27 сент.
4. ГАРФ. Ф. 5111. Оп.1. Д.20. Л. 199-200.
5. Омский вестник. 1917. 13 (26) дек.
6. Революционная мысль. 1918. 3, 5 янв.
7. ГАОО. Ф.Р. - 1502. Оп. 1. Д.3. Л.9; Ф.Р. -1502. Оп. 1. Д. 2. Л.491
8. ГАРФ. Ф.1318. Оп. 1. Д.1037. Л.50.
9. ГАОО. Ф.Р.-284. Оп.1. Д.126. Л.67; Ф.Р.-1502. Оп.1. Д.2. Л.687.; Известия Западно-Сибирского и Омского исполкома Советов кр., раб. И солд. Деп. 1918. 30 апр.
10. Омский вестник. 1918. 30 июля.

ОРГАНИЗАЦИИ ПОЛЬСКИХ ЖЕНЩИН В 1918-1919 ГГ. В СИБИРИ.

Н.И. Наумова
г. Томск

Период после февраля 1917 года в России и ее регионах знаменовался возрастанием роли личного начала в общественной жизни, усилением значения инициативы. Характерным становится стремление к консолидации на различной основе для объединения усилий в решении проблем социальных и этнических групп. Духовная атмосфера, созданная революцией, идеи демократии и равенства захватывают разные слои населения, в том числе и представителей национальных меньшинств.

Активными участниками этих процессов становятся женщины, особенно заметно это проявилось в деятельности польских женщин. Одной из заметных фигур становится В.Б. Календо, которая была секретарем Новониколаевского комитета партии социалистов-революционеров в 1918-1919 гг.[1] Е.Н. Старевская возглавляла польский президиум при приюте в Новониколаевске [2]. В то время создаются и организации польских женщин, которые поддерживали защиту специфических интересов поляков под влиянием идей борьбы за независимость Польши. Так, в польской колонии Томска Векер и Прошковская стали организаторами Общества помощи польской армии [3]. Кружок польских женщин, действовавший в Харбине, тоже стал заботиться о нуждах солдат-поляков [4]. В Благовещенске была образована Лига польских женщин [5].

Создаваемые организации зачастую имели свой устав, где четко обозначались цели и структура. Например, в Иркутске 16 июля 1919 года была подана заявка в Окружной суд на регистрацию устава «Лиги полек». В уставе обосновывалась причина ее образования - патриотическая необходимость «хорошо организованного труда для родины» в культурно-общественном направлении, в котором «женщины-польки должны принимать деятельное участие». Круг своей работы определили следующим образом: открытие школ, приютов, швейных мастерских и других общественно-культурных учреждений. Особое внимание должно было уделяться благотворительным целям с привлечением этого «возможно большего количества полек для несения материальной и нравственной помощи всем нуждающимся соотечественницам и соотечественникам на родине и на чужбине», оказание помощи бедному местному польскому населению, в том числе и медицинской, попечение о приютах. Специальной заботой становилась помощь «польскому воину», как

материальная, так и культурно-нравственная. Средства для этого предполагалось собирать, устраивая концерты и развлечения.

Кроме этих целей, направленных на материальную поддержку, «Лига полек» ставила перед собой и политически задачи – «возбуждение национального самосознания среди местного польского населения» посредством лекций и бесед.

Устав определял структуру общества, членом которого могла стать «каждая полька по достижении 18 лет без различия вероисповедания». Во главе «Лиги полек» находилось правление из 5 человек (председатель, его заместитель, 3 члена), избираемое на общем собрании. Ревизионная комиссия формировалась из трех человек. Общее собрание намечалось проводить два раза в год. Члены «Лиги полек» обязаны были платить взносы, а также вносить особую плату при вступлении в члены общества. Доходы могли пополняться добровольными пожертвованиями и сборами от вечеров.

Общество представляло собой юридическое лицо, которое имело право приобретать и отчуждать имущество, недвижимость, имело свою печать. Устав «Лиги полек» не был зарегистрирован окружным судом по формальным основаниям - не был указан «наименьший возраст для лиц», могущих входить в правление, и его местонахождение [6].

-
1. ГАТО. Ф. 1362. Оп.1. Д. 139. Л.25.
 2. Там же.
 3. Голос народа. 1918. 20 сентября.
 4. Вестник Маньчжурии. 1918. 21 февраля.
 5. Амурское эхо. Прибавление к № 1015. 1919. 20 апреля (3 мая)
 6. ГАИО. Ф. 243 Оп. 6. Д. 2667. Л. 2-3.

ПОЛЯКИ В ИСТОРИИ МУЗЫКАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ ТОМСКА КОНЦА XIX - НАЧАЛА XX ВЕКОВ

С.П. Вавилов, В.А. Ханевич
г. Томск

Одним из существенных вкладов польской диаспоры в развитие науки, культуры, образования Сибири стало участие поляков и в развитии музыкальной культуры сибирских городов.

Поляки исторически стали, пожалуй, первыми в Томске носителями западной культуры, в том числе и музыкальной.

Первыми польскими поселенцами в Сибири стали пленные, взятые в плен в ходе частых в XVII веке войн между Россией и Речью Посполитой. Историки культуры Сибири отмечали, что сибиряки «многим обязаны» полякам, устраивавшим концерты в сибирских городах. Поляки обучали танцам, устраивали музыкальные салонные вечера в особняках местных вельмож и купцов.

После войны 1812 года в Сибирь были отправлены очередные партии пленных. В Томске появились первые образцы европейских музыкальных инструментов - скрипки, гитары, флейты.

Позднее среди сосланных участников польских восстаний 1830-х и 1860-х годов в Томск прибыло также немало прекрасных музыкантов.

Польский костел, построенный в прошлом веке в Томске, стал центром деятельности культурных и просветительских обществ для лиц римско-католического вероисповедания.

В 1862 году в костеле был установлен небольшой домашний орган, который находился в костеле 40 лет. Уже в начале 20 века в Томск был привезен уже более совершенный орган с настоящими «трубами». Примечательно, что для того, чтобы перевезти его по железной дороге от Варшавы до Томска, губернатор Томска добился разрешения на льготную оплату перевозки органа.

Польская оперная классика была частой гостьей в томских театрах. В 1890 году в Томске певцы труппы Алексея Кравченко впервые исполняли сцены из оперы Монюшко «Галыса». Дирижером был житель Томска Андрей Ауэрбах. Позднее опера часто исполнялась различными оперными труппами, в том числе под руководством известных дирижеров А. Эйхенвальда и И. Палиева.

В начале века Томск часто посещала знаменитая в то время опереточная певица Зброжек-Пашковская, обладавшая прекрасным оперным лирическим сопрано.

Практически всегда в концертных программах Томского отделения Русского музыкального общества включались произведения польских композиторов. Чаще всего, конечно, это были пьесы Венявского, Шопена, арии из опер Монюшко.

В одном из концертов 1889 года, например, Ядвига Залеская не только исполнила балладу Шопена, но и прочла былину А. Толстого «Алеша Попович».

В Томске гастролировали знаменитые польские музыканты - братья: Апполинарий Контский - скрипач, Антоний Контский - пианист.

Особенно запомнилось томичам выступление пианиста-виртуоза Антона Контского, возвращавшегося в 1898 году 80-летним старцем из больших гастролей по Китаю, Японии, Индии. В Томске Контский дал 4 концерта, исполнив сочинения Брамса, Бетховена, и, конечно, Шопена. На «бис» Контский всегда исполнял свою пьесу «Пробуждение льва».

В 1901 году в Томск прибыли с одной из гастролирующих оперно-опереточных трупп и задержались в Томске на несколько лет супруги Люзинские. Они были в свое время артистами Варшавских музыкальных театров. В Томске они давали уроки бальных танцев, а С.В. Люзинская некоторое время преподавала в женских училищах. В.А. Люзинский в 1901 году работал балетмейстером в театре, который содержал известный томский купец Е. Королев.

В начале XX века в Томске работала М. Андриеевская, окончившая в 1908 году Московскую консерваторию с большой серебряной медалью по классу проф. А. Зилоти и приглашенная в Томск в качестве педагога-пианиста Томских музыкальных классов.

После учреждения в Томске в 1893 году Римско-католического благотворительного общества, включившего в себя цвет польской интеллигенции Томской губернии, стали регулярно проводиться в городе силами членов этого общества музыкальные, литературно-музыкальные и танцевальные вечера, спектакли на польском языке, весь сбор от которых шел на содержание приютов для старцев и детей при костеле.

Среди активных организаторов подобных вечеров и пропагандистов музыкальной культуры в Томске тех лет были: Люция Оржешко -жена популярного в Томске врача Ф.Ф. Оржешко и мать известного томского архитектора В. Ф. Оржешко, преподаватель Томского технологического института инженер Станислав Жбиковский - прекрасный пианист, певица А. Загорская, Ядвига Залеская, прекрасная пианистка, имевшая не только сибирскую, но и европейскую известность.

В Томск Залеская Ядвига Феликсовна (урожденная Ивановская) (1869 - после 1901) - пианистка, музыкально-общественная деятельница приехала в 1888 году в Томск со своим мужем профессором С. Залесским, который был в числе первых восьми профессоров, приглашенных в только что открытый Томский

университет. Родилась она в имении своих родителей близ городка Умани на Украине. Музыкальное воспитание получила в семье, происходившей из мелких польских дворян. Дарование Залеской проявилось очень рано и уже в 12 лет Ядвига выступает на эстраде местечка Калишы, где оканчивает женскую гимназию.

После окончания гимназии Залеская поступает в Варшавскую консерваторию в старшие классы, которую закончила в 1888 году с отличием. Сразу же после окончания консерватории Ядвига выходит замуж за молодого профессора химии Станислава Иосафатовича Залеского, которому предлагают кафедру в далеком неведомом Томске. В этом же году супруги приезжают в Томск, где проводят 6 лет.

Ядвига Феликсовна была художественно одаренной натурой. Прекрасно владея фортепиано, она понимала и драматическое искусство. Еще учась в консерватории, Залеская посещала частные драматические курсы.

Приехав из Дерпта (Тарту) в Томск Залеские содействовали оживлению музыкальной жизни города. Одной из первых в Томске Залеская стала аккомпанировать приезжим гастролерам. Так в январе 1891 года Залеская исполняет со скрипачем-гастролером М.Т. Васильевым «Крейцерову сонату» Бетховена.

Занимается Залеская и преподаванием игры на фортепиано. У нее стали заниматься М.П. Богомолова, которая позднее в 1894 году поступает в Московскую консерваторию, Е.А. Бирон, К.Ф. Родзевич, А.И. Фуксман.

Серьезное, целенаправленное отношение к преподаванию в отличие от большинства «салонных» учителей музыки, позволило Залеской исполнять с учениками в переложениях для 2-х фортепиано такие сложные произведения как 1-ый концерт для фортепиано с оркестром П.И. Чайковского, 3-й концерт Бетховена.

В 1889 году музыкальный рецензент газеты «Сибирская жизнь» пишет о том, что техника игры Залеской, ее туше превосходят игру известной пианистки Даньшиной, ученицы А. Рубинштейна, гастролировавшей в Томске незадолго до приезда Залеской.

Летом 1892 года, едва только установилось паровое сообщение между Томском и Тюменью, Залеская на первом пароходе уехала в Тюмень, а оттуда через Москву в Вену. В Вене состоялась первая Международная музыкальная выставка. В 1892 и 1894 годах, находясь за границей, Залеская берет несколько уроков у Т. Лешетицкого и Антона Рубинштейна.

В 1894 году Залеские переезжают в Петербург, и Ядвига Феликсовна посвящает себя всецело концертной деятельности. Часто выступает в России и за рубежом.

ИСТОРИЯ ОДНОГО АЛЬБОМА

И.Э. Новоселова
г. Иркутск

В Иркутске проживает много поляков и особенно людей, имеющих польские корни. Они появились на сибирской земле в разные времена и при различных обстоятельствах. Среди них до недавнего времени жила Ядвига Станиславовна Вощерович - внучка высланного в Сибирь после восстания 1863 г. в Польше фармацевта Цезария Колусовского. Дед оставил ей в наследство уникальную вещь - альбом с фотографиями 909 повстанцев 1863 г., сосланных в Иркутскую и Енисейскую губернии, Якутскую область.

Альбом создавался в конце прошлого века или в самом начале нынешнего. Его листы представляют общие фотографии групп фотокарточек, расположенных в четырех рядах по девять штук в каждом ряду. Размеры фотографий, по-видимому, были различными: от визиток - до открыток. Есть очень маленькие овалы, где лица плохо различимы, есть фотографии повстанцев с женами! Подписывались фотографии на польском языке скорописью простыми чернилами. Некоторые надписи были изначально настолько слабы, что в настоящее время их трудно, а порой невозможно прочесть.

В альбоме находятся фотографии известных России и Польше людей: Б. Дыбовского, А. Чекановского, Я. Черского, Н. Витковского, И. Огрызко, Н. Чернышевского, Ш. Токажевского, М. Янковского и др. Только у некоторых изображений отмечен род занятий их владельцев - кс. (ксендз): Арцимович, Кавицкий, Кагаржинский, Ключевский, Лештишиневский, Мальпиус, Нагородский, Окулич, Пиотровский, Розга и др. Старожилам Иркутска знакомы имена Вериго, Деко, Пауллера, Станишевского, Хлопицкого, Шостаковича.

В альбоме также много фотографий поляков, которые были связаны с Цезарием Колусовским дружбой и совместной работой: Войцех Коперский, Юзеф Кейсевич, Роберт Селхвинский, Матеуш Боченас и др.

Цель архивистов общества «Огниво» - восстановить биографии лиц, помещенных в альбоме. Многое удалось сделать.

Например, о Войцехе Коперском известно из материалов архива, что он был отправлен в ссылку в Нерчинские рудники 10 октября 1864 года, а пришел в Иркутск 19 сентября 1865 года. Он был сослан за принадлежность к организации жандармов-вешателей, по конфирмации наместника Царства Польского лишен всех прав состояния и сослан на каторжные работы на 15 лет. Приписан был к Бадайской волости Иркутской губернии. Однако, будучи мастером резьбы по

дереву высокой квалификации, он с 1870 г. с разрешения начальника губернии проживал в Иркутске по билету окружного исправника. В 1875 г. появился приказ генерал-губернатора (от 10 апреля № 456) о том, что принадлежавшие к организации жандармов-вешателей 20 человек, среди которых был назван и Коперский, подлежали высылке в места причисления с учреждением за ними строгого надзора и воспрещения отлучек в Иркутск. Полиции было предложено «нынче же выслать их из Иркутска». Тем не менее, Коперский был оставлен в Иркутске, так как по его рисункам и под его наблюдением велось оформление внутренней части костела (алтарь, кафедра и пр.). По архивным материалам и местным публикациям восстановлена и личная жизнь Коперского.

Такие же документы имеются и о других политических ссыльных 1863 г., чьи фотографии включены в альбом, и задача историко-архивной группы общества «Огниво» - восстановить биографии этих людей, чтобы они не пропали в неизвестности. В этом заинтересованы и сибирские поляки, и их историческая родина.

КАТОЛИЧЕСКАЯ ЦЕРКОВЬ В СИБИРИ И МИРОВОЗЗРЕНИЕ ПОЛЯКОВ

М. МАЧУГА

г. Томск

История

Среди народов, ссылаемых в Сибирь, уже сотни лет немалую часть составляли поляки. Практически все они были католиками. Церковь была для них пристанью, которая давала не только духовную поддержку, но и объединяла их как поляков. Церковь была для них главным связывающим фактором. Она помогала сохранять язык и народные традиции.

В начале века в Сибирь прибывает большое количество добровольных переселенцев, что значительно увеличивает число польских католиков. В это время большинство католиков составляли поляки. Католическая Церковь в Сибири взяла свое начало от поляков. В Сибири работали в основном польские священники. Поляк и католик считались одним и тем же, а католическая Церковь – «польским костелом».

В коммунистическое время поляки, как и все остальные народы Советского Союза, подвергаются насильственному насаждению атеизма, а католическая Церковь жестоким преследованиям. Это не прошло без следа. Большинство поляков отходит от веры и Церкви, хотя и считают себя католиками (как противопоставление православию и русским), но это не имеет почти никаких практических последствий.

После Второй мировой войны в Сибири принудительно поселяются большое количество немцев, большая часть которых – это католики. С тех пор поляки и немцы являются двумя главными католическими нациями в Сибири.

Большие изменения

В начале девяностых годов Церковь получила свободу. Вместе с тем не произошло ожидаемого многими массового обращения людей к вере и к Церкви (конечно, не только к католической, но и православной). В Церковь пришли только единицы.

Также и поляки вернулись в католическую Церковь в незначительной степени. Многие из них приняли православие. Большинство немцев уехало в Германию. Их место заняли люди, для которых основным языком является русский, и которые представляют почти все национальности живущие в Сибири. В течение трех – четырех лет Церковь потеряла свой национальный характер.

В данный момент в Церкви в Сибири, кроме национальностей традиционно католических, т. е. поляков, украинцев, белорусов, немцев, литовцев, латышей, латгальцев, армян, ассирийцев, можно встретить русских,

евреев, якутов, бурят, эвенков, узбеков, казахов и других. Церковь естественным образом отражает ситуацию в обществе. Национальный характер католической Церкви не оправдался и не имеет в России будущего.

Поляки и католическая Церковь в Сибири

Однако поляки занимают особое место в Церкви в Сибири. Католические структуры в России были восстановлены, прежде всего, с целью духовного попечения о традиционных католиках, среди которых первое место занимали поляки и немцы. Было вложено огромное количество материальных средств, времени, усилий для возвращения поляков в Церковь. Они, нередко с большим трудом, разыскивались по городам и деревням. Священники проехали тысячи километров, посетили сотни мест в поисках поляков. Всегда, когда только люди проявляют какое-нибудь желание, устанавливается регулярный контакт и предлагается постоянная духовная помощь.

В местах, где католиков достаточно много, восстанавливаются храмы. Однако человек рождается поляком независимо от своего желания и выбора. Христианином никто не может стать просто по культурному или национальному наследию. Это всегда свободный и сознательный выбор личности. Никто не предопределен стать католиком.

Поляк и католик сильно связаны друг с другом исторически, но по своей сути – это две совершенно разные вещи. Сегодня абсолютное большинство поляков в России не выбирает веры во Христа и Евангелие и поэтому они не католики. Поляк в России перестал быть католиком, а католическая Церковь перестала быть польской. Церковь уже не может объединять поляков в Сибири просто потому, что их почти нет в Церкви. Кажется, что этот процесс неотвратимый.

В Сибири служит 70 католических священников, среди них 30 поляков. Они приехали в Сибирь, как католические священники, т. е. для служения людям независимо происхождения и национальности. Литургия во всех приходах, не говоря о катехизации, совершается по-русски, т. е. на языке, который понимают все. Месса на польском языке регулярно совершается только в Новосибирске, Иркутске и Красноярске. Библия и проповедь на этих мессах читается по-русски, даже если мессу служит польский священник плохо владеющий русским языком. Польские термины, используемые в Церкви, заменяются русскими. Например, официально нельзя говорить «ксендз» – только «священник» или «отец», нельзя говорить «костел» - только «церковь» или «храм».

В заключении можно сказать, что произошло два параллельных процесса. С одной стороны поляки, как и все общество, подверглись процессу секуляризации и значительно ослабили их связи с Церковью. С другой стороны Церковь приобретает российский характер, открытый для всех национальностей. И думается, что со временем этот процесс будет углубляться.

В прошлом Церковь была самой главной структурой объединяющей поляков. Вместе с развитием общества многие функции, ранее исполняемые Церковью и не связанные непосредственно с ее спасительной функцией, могут принимать и более эффективно исполнять другие структуры. Это очень большой шанс для польских национальных обществ.

АРХИТЕКТУРА РИМСКО-КАТОЛИЧЕСКИХ ЦЕРКВЕЙ В ГОРОДАХ СИБИРИ И НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ (XIX - НАЧАЛО XX ВВ.)

Л.А. ЮЩУК
г. Новосибирск

Тема архитектуры культовых зданий Римско-католической конфессии в Сибири, в целом, не рассматривалась в современных историко-архитектурных исследованиях. Причиной этому стали не только идеологические запреты, но и утрата значительного фонда архитектурного наследия церковного зодчества. Римско-католические храмы - заметная часть зодчества России, обладающая традициями западноевропейской архитектуры, особой культовой эстетикой.

По мере формирования Римско-католических общин в Сибири начинается строительство зданий церквей из деревянных конструкций, с начала XIX века - из каменных. Каменные здания Римско-католических церквей были построены в городах Сибири и Дальнего Востока - в Тобольске, Омске, Тюмени, Томске, Ново-Николаевске, Каинске, Барнауле, Красноярске, Ачинске, Иркутске, Нижнеудинске, Чите, Благовещенске, Владивостоке, Никольск-Уссурийском и т.д. Большинство из них входило в состав ансамблей главных городских площадей и отличалось особым «готическим» стилем.

Архитектура зданий Римско-католических церквей, называемых в Сибири «польскими костелами», являлась неотъемлемой частью архитектурного облика сибирских городов. Влияние польских переселенцев и ссыльных на формирующуюся в XIX и начале XX веков городскую культуру Сибири значительно. По существу, они были горожанами в нескольких поколениях, что помогало организовывать жизнь польской диаспоры. Как правило, главным объединяющим элементом религиозной жизни католиков являлась Римско-католическая церковь. Строительство костела становилось общим делом. От прошения на разрешение постройки здания до его освящения проходил не один год. Помимо непосредственно духовного предназначения, они были призваны содействовать распространению идей просвещения, характерных для западноевропейской культуры. Это существенно влияло на формирование городского образа жизни, с его многообразием поведенческих норм и нравственными устоями. При церквях устраивались приходские школы, детские приюты, благотворительные общества. Среди сибирских поляков были люди, жертвовавшие на строительство костелов значительные денежные средства, например, фундатор А.Ф. Паклевский-Козелло, внесший деньги на строительство Екатеринбургского, Тобольского, Омского, Пермского и Томского костелов, Г.Н. Островский и М. Косовский - ставшие основателями соответственно Красноярского и Иркутского костелов. Примечателен факт лояльности местного

русского населения к католической церкви и ее приходу, оказывающего помощь в возведении церковных зданий.

Самые ранние постройки, к сожалению, не сохранившиеся, выполнялись в дереве. Строительство каменных Римско-католических церквей начинается со второй трети XIX века. Собранные незначительные средства на постройки церквей вынуждали прихожан использовать компактные простые формы с традиционным для данных храмов подходом в трактовке стилистических решений. Уже в начале XX в. ситуация коренным образом изменилась; значительный приток переселенцев-крестьян, служилых мещан и интеллигенции из западных губерний России, способствовал расширению конфессиональных приходов. В этот период начинается строительство крупных каменных церквей в г. Тобольске, Красноярске, Чите, Владивостоке, способных духовно обслужить количественно выросшие приходы.

Первоначально к проектированию привлекались квалифицированные столичные архитекторы, но с середины XIX века проекты выполняют местные губернские архитекторы и гражданские инженеры, среди которых были и поляки: И.Ф. Тамулевич, И.Ф. Носович, В.А. Соколовский, А.А. Гвоздзиовский и т.п. Посредством распространения «неоготического» стиля, столь характерного для Римско-католических церквей, происходит внедрение в устоявшиеся архитектурные городские формы элемента западного культового зодчества. На фоне преобладания в застройке православных церквей здания Римско-католических храмов выделялись своеобразием объемно-стилистического решения, имели специфический художественный образ, «западный» колорит, столь непривычный для сибирских городов.

В связи с возрождением в 1990-е годы конфессиональных общин начинается процесс восстановления и нового строительства Римско-католических церквей в городах Омске, Тобольске, Барнауле, Новосибирске, Тюмени, Иркутске, Владивостоке. Упущенный период в строительстве подобных зданий привел к разрыву преемственности и отставанию архитектурного проектирования от западноевропейского и мирового опыта строительства зданий Римско-католической конфессии. В XX веке появились новаторские решения и новые образы архитектурного облика западнохристианской церкви. Изучение исторического наследия в сочетании со знанием современного типа церковных зданий способствует восстановлению в архитектурном облике сибирских городов утраченных памятников и строительству новых культовых зданий.

КСЁНДЗ ВАЛЕРИАН ГРОМАДСКИЙ В ИСТОРИИ КАТОЛИЧЕСКОЙ ОБЩИНЫ г. ТОМСКА

В.А. Ханевич
г. Томск

Одним из самых выдающихся католических священников Римско-католической церкви второй половины XIX в Западной Сибири был о. Валериан Громадский (1835-1917).

В 1854-1859 годах он учился в Житомирской Духовной Семинарии, а в 1859 году рукоположен в священники и стал настоятелем прихода в селе Грохово Владимирского деканата Луцко-Житомирской диоцезии.

В 1861 году был выслан в Сибирь по распоряжению Киевского военного губернатора. В отношении МВД к генерал-губернатору Западной Сибири говорилось, что ксёндз Громадский отправлен в Сибирь из-за своего возросшего влияния в польских обществах и где о нём начали говорить «как о политике и проповеднике». Кроме этого его обвинили в том, что «проживая в доме одного из помещиков, он учил православных детей по католическому катехизису, не пропущенному цензурой», а также в том, что якобы свою проповедь в костёле 25 марта 1861 года закончил «воззванием взяться за оружие»[1].

В отношении генерал-губернатору Западной Сибири предписывалось ксёндза Громадского по собственному усмотрению генерал-губернатора отправить викарным ксёндзом, в какой либо костёл или каплицу во вверенном крае под надзор местного настоятеля и негласный полицейский надзор с не допущением его к произношению проповедей и воспрещением проповедовать и отлучаться от назначенного ему места пребывания, а также с категорическим запрещением заниматься обучением детей, «какого бы исповедания они не были» [2].

Находясь на жительство в г. Омске и пользуясь поддержкой генерал-губернатора Западной Сибири А.О. Дюгамеля, католика-француза по происхождению, ксёндз Громадский вопреки строгим предписаниям всё же пользовался определёнными свободами, т.к. смог построить в городе Омске с помощью местных прихожан небольшую церковь.

Очевидно, пользуясь благосклонностью местного начальства, о. Валериан мог совершать поездки и далеко от места своего постоянного проживания, в частности, в Томск. Так, в письме одного ссыльного поляка, отправленного из Томска в конце ноября 1865 года, сообщается, что в Томске «есть ксёндз Громадский, дельный молодой человек, присланный в 1861 году. Человек молод и способен...» [3].

Как свидетельствуют архивные документы, ксёндз Громадский в то время оказывал помощь ссыльным полякам не только в исполнении ими религиозных треб. Так, через него поляки, члены тайной революционной организации, поддерживали контакты с сибирскими «областниками» Г.Н. Потаниным, С.С. Шашковым, Н.М. Ядринцевым, впоследствии видными общественными деятелями Сибири. Сохранились сведения, что кс. Громадский предупреждал Ядринцева, Потанина и других членов подпольного кружка через ссыльных поляков о готовившемся их аресте в 1865 году, и те успели уничтожить компрометирующие их документы, что помогло в дальнейшем им при аресте и судебном следствии [4].

В 1869 году о. Валериан был направлен в Томск вследствие своего ходатайства на должность помощника курата Томского прихода ксендза Иустина Захаревича. Переведён в Томск он был вместо викарного ксендза Гриневского, обвинённого в высказывании во время проповедей «мыслей, несогласных с видами правительства» [5] и отправленного из Томска в Омск. Вслед за переводом ксендза Громадского в Томск томскому губернатору было отправлено предписание генерал-губернатора Западной Сибири А.П. Хрущёва об учреждении и в Томске над ксендзом Громадским негласного полицейского надзора [6].

Находясь в должности помощника настоятеля Томского прихода до 1882 года о. Валериан Громадский особенно много сил уделял душпасторской работе среди своих соотечественников, ссыльных польских повстанцев с 1863-64 гг., отправленных на жительство в самые отдаленные места обширной Томской губернии и соседние с ней территории.

В географии его поездок были Барнаул, Бийск, Семипалатинск, Верный, Алтайские горы, золотые прииски и другие отдалённые места, где находились католики. Поездки часто были сопряжены с риском для жизни из-за сурового климата и дальности расстояний, но это не останавливало его от продолжения своей миссионерской деятельности. «Благодарение Богу, - писал отец Громадский в ноябре 1871 года своей матери, - со здоровьем у меня хорошо, и я в состоянии работать в винограднике Господнем для этих бедных людей...» [7].

Так, только в 1872 году о. Валериану пришлось проехать за полгода 9 тысяч вёрст, окрестить 100 детей, зачастую уже подростков, благословить 20 браков и выслушать исповеди нескольких тысяч человек. Как указывал о. Громадский в письме своей матери, некоторые из тех, кто годами был лишён таинства покаяния, умерли вскоре после отпущения грехов, как будто только и ждали этой милости. Другие, те, кто был болен, после принятия таинств получили снова чудесным образом здоровье [8].

1883 году после перевода Иустина Захаревича на должность главы прихода Успения Пресвятой Девы Марии на Выборгской стороне в Санкт-Петербурге ксёндз Громадский был назначен епископом Гиновтом настоятелем

Томского прихода и исполнял эту должность до 1899 года, прожив в Томске 30 лет, чем немало гордился.

Как указывал в своей работе историк Александр Мачеша, ксендз Громадский, человек воспитанный и высоко культурный, сумел объединить при костёле слои польской интеллигенции и найти способ обратить внимание к проблемам томских католиков светских и религиозных властей, многих влиятельных людей в Польше. За время его нахождения в должности курата прихода томский костёл и его квартира были не только центром религиозно-национальным, но и культурно-общественным.

Став настоятелем католического прихода в Томске, он вскоре на своей квартире в доме рядом с костёлом основал польскую библиотеку, первую польскую библиотеку в Томске. По воскресениям после мессы читатели приходили в дом ксендза, чтобы сменить книжки, поведать настоятеля и поговорить с земляками. «Многие поляки, рождённые в изгнании, обязаны были этой читальне сохранением своей польскости...» [9].

В 1891 г. Громадский совершил поездку в Рим, где был принят папой Леоном XIII, которому отчитался в своей службе в Сибири и условиях, в которых находится его работа. Из Рима Громадский привёз для своих прихожан благословение папы, которое огласил торжественно после соответствующей проповеди. Путешествие по Европе, посещение многих костёлов вызвали желание у него украсить томский костёл и поднять красоту богослужений во время больших праздников.

Проведённая в 1892 году под руководством ксендза Громадского основательная реставрация костёла сделала его одним из самых красивых храмов Томска. Расположенный в прекрасном месте, возвышающийся над городом, он производит и сегодня особенное впечатление своим классическим «итальянским» стилем.

Большая заслуга о.Громадского состояла и в том, что внутренний вид храма обогатился новыми иконами - шедеврами мировых мастеров в хороших копиях польских живописцев: на большом алтаре - икона Преображения Господа, копия с Рафаэля, выполненная художником Бердоньским, на боковых алтарях - св. Ян Евангелист, копия с картины Ары Шеффера, художника Бухбиндера из Варшавы, Матери Божьей Ружанцовой, копия с Мурильо живописца Хруцкого из Петербурга; над боковыми алтарями иконы св. Анны и св. Цецилии, оригиналы Ванды Дзеньбовской из Варшавы; над входом в ризницу - большая картина «Рождества Христова», копия с Коррэгга и над хором - «Вечеря», копия с Леонардо да Винчи.

«Богослужения, проводящиеся торжественно, прекрасное окружение, прекрасная игра на органе, приятное хоральное пение, искусная музыка любителей были для верующих религиозным вдохновением, которое давало

утешение страдающим, преследуемым и угнетённым. Для равнодушных к религии, уставших от жизни пребывание в костёле давало ряд впечатлений, которые возвышали душу, позволяли на некоторое время забыть о будничном окружении» [10]. Помимо реставрации пришедшего в ветхость здания костёла, при ксендзе Громадском было приведено в порядок томское католическое кладбище, одно из самых старых в Сибири, начали осуществляться хлопоты по открытию в Томске при костёле благотворительного общества.

В 1893 году прихожане томского костёла торжественно отметили 25-летие священно служения ксендза Громадского. В его адрес пришли поздравления с разных мест Сибири и из Польши, среди которых были князь Павел Сапега, посещавший Томск и ксендза Громадского во время своего путешествия по Азии в 1889 году и оставившего о Томске следующую короткую запись в своём дневнике: «С сожалением оставляю Томск, был это светлый пункт в моём путешествии ... Там действительно встретил людей цивилизованных, простых и сердечно гостеприимных (имеется в виду кс. Громадский, семьи доктора Оржешко и профессора Залесского)».

Большим подарком для юбиляра и всех прихожан костёла было поздравление томского губернатора Г.А. Тобизена, который постарался получить в Петербурге разрешение на основание в Томске католического благотворительного общества и прислал его во время юбилейного празднования, чтобы обрадовать юбиляра. Это известие стало важным событием в жизни польской колонии и дало новый импульс её деятельности.

Как указывает доктор Александр Мачеша, очевидец празднования юбилея ксендза Громадского, трогательна была тогда речь юбиляра, который в своём выступлении перед присутствующими сказал следующее: «Я плакал с вами, когда вы плакали, утешался, когда вы радовались, болезнь вашего сердца всегда была моей болезнью. Ваше счастье было всегда моим наибольшим счастьем. Некоторые из вас выросли на моих глазах. Я уже клонюсь к старости, а вы, мои дорогие, выросли на этой дороге, ступайте и упорно по ней идите. Живите так, как будто через час умрёте, а поступайте так, как будто никогда этого света не оставите.» [11].

Получив разрешение на открытие при томском костёле благотворительного общества, у польской колонии появилась возможность значительно расширить и разнообразить сферу своей деятельности, выходящую за рамки чисто религиозной жизни, неизменно получая от настоятеля костёла о.Валериана, почётного члена совета Общества, совет и помощь.

Большую помощь вновь созданному обществу оказывали княгиня Быстрановска, княгиня Пелагея Чапская, княгини Ванда Грохольская, София Пиасковская, княгиня Александра Потоцкая и пани Зджеховская, с кем ксендз Громадский состоял в дружеской переписке и кого посещал во время своего

путешествия в Рим. Наибольшее пожертвование на дела благотворительного общества, дважды по 3 тысячи, поступило от известной своей благотворительностью Анелии Козелл-Поклевской.

В 1898 году курат римско-католического прихода в Томске ксендз Громадский, ссылаясь на старость и подорванное почти 38 летней службой в Сибири здоровье, подал в департамент Духовных дел прошение о назначении ему пожизненной пенсии в размере 600 рублей в год «с сохранением полученных им со времени поступления на службу в Сибири добавочных 150 рублей». Томский губернатор поддержал это прошение, указав, что назначение ксендзу Громадскому пенсии в количестве 750 рублей «вполне заслуживает удовлетворения ввиду его долголетней и безупречной деятельности и может рассматриваться в указанном размере как награда» [12].

10 октября 1899 года произошло трогательное прощание прихожан томского костёла с ксендзом Громадским, уезжавшим в длительный отпуск, а также с целью выхлопотать назначение в Томский приход ещё двух викариев и одного ксендза. Прихожане отдавали себе отчёт, что если эти хлопоты не увенчаются успехом, ксендз Громадский не возвратится, т.к. благодаря преклонному возрасту и истощению сил в результате многолетней работы он был уже не в состоянии работать в тех условиях, имея в помощниках только двух старых викариев в таком обширном приходе, как Томский, насчитывающим к тому времени до 18 тысяч верующих, рассеянных на территории 12 тысяч кв. миль, почти в два раза больше Польши.

Цня огромные заслуги ксендза Громадского, прощаясь с ним с большим сожалением, прихожане вручили ему альбом со своими фотографиями, а также учредили стипендию его имени при вновь созданном приюте для сирот. Просьба прихожан, направленная властям о назначении двух викариев и ксендза не дала результата.

Вначале Громадский выехал к матери в Житомир, а через несколько месяцев, когда мать умерла, обосновался при семинарии в Житомире, где в молодости учился. Там он исполнял обязанности Прокуратора Духовной Семинарии до 1912 года.

Живя вдали от Сибири, ксендз Громадский не порывал связи со своими бывшими прихожанами, ведя с ними переписку и, интересуясь жизнью прихода, которому посвятил много лет своей пасторской деятельности. Так, в 1909 году газета «Сибирская жизнь» сообщила, что в Житомир в адрес ксендза Громадского от Томского римско-католического благотворительного общества была направлена депеша-поздравление по случаю его 50-летия его духовной службы [13].

В 1912 году ксендз Громадский был приглашён епископом Сангушко в город Славуты на должность настоятеля Славутского прихода Изяславского

деканата (ныне Хмельницкая область Республики Украина), где провёл остаток жизни и умер в 1917 году.

-
1. ГАТО. Ф.3.Оп.54.Д.754.Л.4.
 2. Там же. Л.5.
 3. ГАТО.Ф.3.Оп.2.Д.1042.Л.1028.
 4. История Сибири. Т3. С.115.
 5. ГАТО. Ф.3.Оп.54.Д.754.Л.1.
 6. Там же.Л.3.об.
 7. СКГ.1998г. №12. С.32.
 8. Там же
 9. Dr. Al. Maciesza. Dzieje Kolonii Polskiej w Tomsku 1604 - 1900. Przeszłość .nr. 7. 1934 r. s. 107.
 10. Там же. s. 113.
 11. Там же s. 114
 12. ГАТО.Ф.3.Оп.12. Д.3055. Л.16,17
 - 13.«Сибирская жизнь» 24 марта. 1909 г. с.4.

TOBOLSKIE ŚWIĄTYNIE

Sergiusz Fiel
m. Tiumeń

Odtworzenie historii budowy i funkcjonowania rzymskokatolickich kościołów w Tobolsku stało się możliwe dzięki źródłoznawczej analizie wielu dokumentów okolicznościowych ksiąg oraz kalendarzy adresowych guberni tobolskiej z lat 1864-1915, sprawozdania misji oo. redemptorystów na Syberii za rok 1908 i wreszcie danych rocznika diecezji mohylewskiej z 1914 r. oraz jedyne go spisu katolików w ZSRR z 1923 r. Na uwagę zasługują też metrykalne wypisy z ksiąg narodzin rzymskokatolickich kościołów guberni tobolskiej (z archiwum autora), rękopiśmienne wspomnienia dzieci zamordowanych w roku 1937 katolików polskiego pochodzenia oraz materiały archiwalne z FSB. Otrzymane informacje pozwalają względnie całościowo wyłożyć bieg wydarzeń w następujący sposób. Po 1830 r. rząd rosyjski dla odbywania obrządków religijnych katolickich zaczął utrzymywać w Syberii czterech księży katolickich opłacanych własnym kosztem. Dwóch z nich było przeznaczonych na gubernie tobolską i tomską, a dwóch na jenijską i irkucką. Ok. 1840 r. wygnańcy polscy, mieszkające w Tobolsku, spotykali się najczęściej u Strumiły, który utrzymywał w Zawale łaźnię parowe dla leczenia chorób. Stąd też, gdy w 1839 r. przybył do miasta dla spełnienia obrządków religijnych ks. Jurgellewicz, nabożeństwa odbywały się właśnie tam.

Przyjazd ks. Jurgellewicza, a także stały wzrost liczebności polskich kolonii w Tobolsku i guberni tobolskiej spowodowały, iż zaczęto się nosić z zamiarem budowy kościoła, fundamenty pod który położono w dniu 5 czerwca 1847 r. Brali w tym udział zesłańcy po powstaniu listopadowym: M. Moraczewski, O. Pietraszkiewicz i A. Pawsza. Świątynie wybudowano p.w. Opatrzności Bożej. Znani są również fundatorzy pierwszego (drewnianego) kościoła w Tobolsku (i drugiego po tomskim kościele p.w. Matki Bożej Różańcowej w Syberii Zachodniej): Józefa z Mianowskich Łubowidzka z Nowochwastowa i już wtedy głośny właściciel parowców Alfons Poklewski-Koziół (1809-1890). W 1848 r. zakończono budowę kościoła, a w roku 1851 świątynia zostanie wpisana do tabeli miast Zachodniej Syberii, w dziale odnoszącym się do Tobolską.

Do początków XX w. był kościół tobolski jedyną w guberni świątynią katolicką. Swój kościół pozbawieni byli Polacy zamieszkujący południowe krańce guberni, którzy nadzieje wiązali z budowanym w latach 1862-1867 w Omsku kościołem p.w. Niepokalanego Poczęcia NMP (autor projektu kapitan Wierszynin, fundator radca nadworny w stanie spoczynku A. Poklewski-Koziół). Jednakże w 1868 r. Omsk przechodzi do obwodu akmolińskiego, nie wchodzącego w skład guberni tobolskiej.

Wg urzędowych danych statystycznych za 1862 r. w guberni tobolskiej zapisanych było 2516 katolików, w samym Tobolsku - 506 dusz, zaś w okręgu tobolskim - 1000. Dane z lat 1868-1869 odnotowują już 7268 katolików w guberni, co

miało związek z dużymi partiami zesłanych tam uczestników powstania styczniowego. Do końca lat 1880-tych parafia katolicka w Tobolsku prawdopodobnie nie posiadała stałego kapłana. W latach 1880-tych 5 tys. katolików guberni, z których 500 znajdowało się w Tobolsku, opiekował się kapelan Omskiego Okręgu Wojskowego Griniewski, przebywający stale w Omsku, a także syndyk kościoła tobolskiego, naczelnik III oddziału Tobolskiej Izby Skarbowej i sekretarz Tobolskiej Rady Opiekuńczej dla Biednych, asesor kolegialny Wandalin Falski. Pierwszymi, którzy podarowali swoje zbiory dla biblioteki kościoła w Tobolsku byli Piotr Moszyński i ks. Roman Sanguszko, a pierwszym księgozbiorem tego bibliotekarzem - Onufry Pietraszkiewicz.

Skromny, drewniany kościół położony niedaleko polskiego osiedla Wierszyna na początku lat 1890-tych nie wystarczał już potrzebom rozrastającej się społeczności polskiej Tobolska. Właśnie wtedy otrzymał ks. Wincenty Przesmycki jako kurat kościoła guberni tobolskiej pozwolenie od Konsystorii Mohylewskiej na zbudowanie nowego, murowanego budynku dla kościoła. Przez długi czas władze guberni starały się sprawę przeciągać. Dopiero w marcu 1897 r. gubernator wydał zgodę, a pod nową świątynię wyznaczono grunt, który należał do Pani Sieriebriennikowej, naprzeciw pensjonatu gimnazjalnego, w sąsiedztwie domu Wyszyńskiego. Parafia tobolska w tym czasie liczyła 654 dusz. Jak w innych miastach guberni w większości to byli powstańcy styczniowi i ich dzieci. Projekt kościoła zamówiono w Warszawie u architekta Konstantego Wojciechowskiego. 15 sierpnia 1900 r. odbyła się uroczystość poświęcenia kamienia węgielnego pod fundamenty nowego kościoła p.w. Św. Trójcy. W czerwcu 1907 r. ks. Przesmycki złożył do tobolskiego gubernatora prośbę o pozwolenie na postawienie żelaznego ogrodzenia i bramy wokół kościoła, załączając przy tym jego projekt, którego autorem był młodszy inżynier Tobolskiego Urzędu Gubernialnego Bolesław Szokalski. Projekt został zatwierdzony. 12 września 1907 r. w obecności inżyniera gubernialnego Stanisława Hendla, ks. Przesmyckiego i członków komitetu budowlanego spisano protokół o przyjęciu budowy, na którym to akcie gubernator pozostawił własnoręczną lakoniczną adnotację: "Czytał". Jednak poświęcono wybudowany kościół dopiero w dniu 25 sierpnia 1909 r. Wykonał to bp Jan Cieplak.

W tym okresie ks. Przesmycki jednocześnie uczył katechezy w gimnazjum gubernialnym i Maryjskiej Szkole Żeńskiej, poza tym utworzył pierwsze na Syberii Katolickie Towarzystwo Dobroczynności (1897-1917). Do 1913 r. jedynym honorowym członkiem Towarzystwa była Maria Poklewska-Kozieł (1858-1949), żona Wincentego (1853-1929), syna Alfonsa Poklewskiego. W 1913 r. drugim członkiem honorowym został ks. Przesmycki. W latach 1907-1911 istniała też przy kościele Św. Trójcy szkoła parafialna, a nauczały w niej kolejno Bronisława Zbrożek i Antonina Drozdowicz.

Poza kościołem w Tobolsku na obszarze guberni do 1906 r. powstały jeszcze kościoły w Tiumeni (p.w. Św. Józefa Oblubieńca NMP) i Kurganie (p.w. MB Nieustającej Pomocy). W Tarze i Iszymie oraz w trzech jeszcze większych osiedlach należących do parafii tobolskiej powstały kaplice, w mniejszych miejscowościach szereg

domów modlitewnych. Z początku proboszcz Tobolska, stał się ks. Przesmycki w niedługim czasie kuratem wszystkich kościołów guberni. Powstanie również godność wicekurata. W 1913 r. kuratem parafii tobolskiej został ks. Bronisław Kozakowski, do tego czasu wicekurat kościoła filialnego w Kurganie. Przedostatnim kuratem parafii obejmującej gubernię tobolską był w latach 1914-1919 ks. Jan Bułła. Ostatnim kapłanem katolików tobolskich był w od r.1924 do początków lat 1930-tych ks. Franciszek Budrys (1882-1937), rozstrzelany w Ufie jako "rezydent szpiegowskiej siatki" POW na Uralu i Syberii. Do 1919 r. parafia w Tobolsku miała dwóch syndyków z radców nadwornych i stanu oraz radnych miejskich.

Wg oo. redemptorystów, którzy zwiedzili Tobolsk latem 1908 r., parafia liczyła w tym czasie 400 dusz. Lecz w r. 1923 jest ich tylko 200. Ten widoczny spadek liczby katolików przypisać najprawdopodobniej należy następstwom rewolucji i wojny domowej. Część Polaków powróciła do ojczyzny po zawarciu Traktatu Ryskiego.

W tym też okresie mają miejsce nasilające się ataki władz na katolicyzm. W 1925 r. aresztowano w Tobolsku 15 Polaków, więzionych jako zakładnicy, w 1930 r. władze miejscowe zamknęły kościół, a w grudniu 1937 r. 22 osoby polskiego pochodzenia zostały skazane na najwyższy wymiar kary "za szpiegostwo na rzecz wywiadu francuskiego i Watykanu". Wśród rozstrzelanych byli: znany przed rewolucją właściciel przetwórnicy rybnych Włodzimierz Choros, wdowa Stanisława Wilkoszewskiego, organizatora i przywódcy Tobolskiego związku Wolności Obywatelskiej (październik 1905 - styczeń 1906) oraz istniejącego na przełomie lat 1905-1906 nielegalnego Tobolskiego Związku Robotników i Włościan, Maria, niegdyś Honorowa Patronka Andriejewskiej Szkoły Ludowej, Piotr Żurawski, przewodniczący artelu "Za lepszy byt", który razem z ojcem, powstańcem styczniowym, posadził tzw. Zagajnik Żurawskich etc. Po prawie 19 latach straceni w okresie bolszewickiego terroru katolicy zostali zrehabilitowani.

Zaś sam kościół tobolski, poczynając od stycznia 1930 r. przeznaczono "nia cele kulturalne". Jeszcze przed 1992 r. mieścił się tam magazyn wypożyczalni filmów.

Ale nadeszły lepsze czasy. Na mocy ukazu Prezydenta Federacji Rosyjskiej o zwrocie budowli sakralnych wspólnotom wiernych, zwrócono już cudem ocalałe kościoły katolickie w blisko 30 miastach Rosji, w tym w Tomsku, Permi etc. Następnym w kolejności był Tobolsk, w którym zaczęła odradzać się wspólnota katolicka.

Od 1992 r. w Tobolsku pracują i mieszkają specjaliści budowlani krakowskiego przedsiębiorstwa "Realbud", zatrudnieni przy budowie obiektów dla rafinerii. Kapelan budowy, ks. Stanisław Koller przyczynił się dobitnie swoimi staraniami u miejscowych władz do oddania tobolskim katolikom kościoła. Od tamtego czasu i trwają prace restauratorskie największej na Syberii neogotyckiej budowli sakralnej, pierwotny wygląd której zostanie w pełni odtworzony, odbudowane zostaną i wieże, z których centralna wznosiła się na wysokość 40 m.

С. ФИЛЬ
ТОБОЛЬСКИЕ СВЯТЫНИ

РЕЗЮМЕ

Воссоздание истории строительства и функционирования римско-католических костелов в Тобольске стало возможным, благодаря анализу большого количества документов. Рост численности польской колонии в Тобольске и приезд кс. Юргеллевица стали причиной того, что началось строительство костела, фундамент которого был заложен 5 апреля 1847 г., благодаря ссыльным после Ноябрьского восстания. Известны и те, кто пожертвовал деньги на строительство первого деревянного костела в Тобольске. В 1848 г. закончено его строительство. До начала XX века этот костел был единственной в губернии католической святыней. Согласно статистическим данным 1862 года, в Тобольской губернии было 2316 католиков, в самом Тобольске – 306, в Тобольском округе – 1000. Данные 1868-1869 гг. показывают, что католиков в Тобольской губернии уже 7268 человек, что связано с большими партиями ссыльных после Январского восстания. Скромный деревянный костел, расположенный недалеко от поселения Вершина, к началу 1890-тых годов уже не отвечал потребностям разрастающейся католической общины Тобольска. Тогда то и получил кс. Винцэнты Пшесмыцки как попечитель костела Тобольской губернии разрешение от Могилевской консистории на строительство нового, каменного здания костела. Проект костела был заказан в Варшаве у К. Вочеховского. 15 августа 1900 г. было торжественное заложение камня под фундамент нового костела Св. Троицы. 12 сентября 1907 г. был подписан протокол о принятии строения. Однако освящен построенный костел только 23 августа 1909 г. В 1907-1911 годах существовала при костеле парафиальная школа. Кроме этого костела на территории губернии до 1906 г. появились еще костелы в Тюмени и Кургане. В Таре и Ишиме, а также еще в трех больших поселениях Тобольской парафии появились каплицы, в более мелких населенных пунктах – ряд молельных домов. С 20-х годов нашего века имеют место усиливающиеся атаки властей на католицизм. В 1930 г. закрывается костел, а в 1937 г. 22 человека приговариваются к высшей мере «за шпионаж в пользу Франции и Ватикана». Здание костела было передано «на цели культуры». Но пришли лучшие времена. В наши дни производится реставрация костела силами специалистов-реставраторов из Кракова.

Перевод А.В. Гузеевой

ПОЛЬСКИЕ КАТОЛИЧЕСКИЕ СВЯЩЕННИКИ В СИБИРИ

В. Г. СИРОТИНИН

г. Красноярск

Захватив власть в России в 1917 году, коммунисты начали проводить политику воинствующего атеизма. Создав мощный репрессивный аппарат, они приступили к массовым репрессиям против священников. Только по официальным данным в 1923-1924 г.г. было арестовано 2469 священников, а к 1932 году их число достигло 19842 человека.

Преследованию подверглись как православные, так и католические священники. Поскольку в Сибири проживало много поляков, то Ватикан учредил свое там Представительство. Первым апостольским администратором в Сибири был Юлиан Михайлович Гронский. Родился он в 1877 году в селе Чипели Ковенской губернии. Окончил Петербургскую духовную семинарию. В 1903 году он возведен в сан римско-католического священника. Служил в костелах Сибири. С 1926 года жил в Томске по улице Бакунина, 17. Был арестован 25 апреля 1931 года по обвинению в контрреволюционной деятельности. Этапирован в Москву, где был помещен во внутреннюю тюрьму ГПУ. 7 марта 1932 года Постановлением Коллегии ОГПУ осужден на 10 лет концлагеря и отправлен в Сиблаг (г. Мариинск). В августе 1932 г. Гронский переведен на Соловки. В 1933 году вывезен в Москву, откуда по обмену выехал в Литву.

После ареста Гронского функции апостольского администратора перешли к Церпенто Иерониму Иеронимовичу. Сам Иероним Иеронимович родился в местечке Кривицы Виленской губернии. Окончил Житомирскую духовную семинарию и духовную академию. Имел и мирскую специальность - окончил курсы фармацевтов. В 1902 году он был посвящен в сан римско-католического священника. С 1919 года служил в костеле в селе Барабановка Боготольского района. Первый арест в декабре 1929 года. Коллегией ОГПУ Церпенто осужден на 6 месяцев тюрьмы. После освобождения служил в костелах Красноярска и Иркутска. 2 июня 1935 года он был арестован в Красноярске. Вместе с ним были арестованы:

- Александра Филипповна Шутце, воспитанница Церпенто, во время следствия объявила голодовку и была помещена в больницу;
- Апполиария Казимировна Лисецкая, из дворян, прихожанка и активистка красноярского костела;
- Станислава Казимировна Бесман, из дворян, прихожанка красноярского костела;
- Бронислав Валентинович Дунин-Вансович, ксендз;

- Регина Феликсовна Миклашевич, из дворян, прихожанка красноярского костела;

- Станислав Францевич Косярский, прихожанин красноярского костела.

Обвинили их в шпионаже в пользу польской разведки и в контрреволюционной деятельности. 24 июня 1936 года Военным Трибуналом Сибирского Военного округа по статье 58 УК РСФСР пунктам 3,6,10,11 Церпенто был осужден на 10 лет. Находясь в заключении, был вновь арестован. Обвинялся в том, что являлся членом Сибирского комитета “Польской организации войсковой” (ПОВ). Решением комиссии НКВД СССР и Прокурора СССР 4 января 1938 года приговорен к расстрелу. Был расстрелян 18 января 1938 года в Красноярске.

Столь же трагична была и судьба ксендза Дунин-Вансовича. На следствии в 1935-1936 г.г., а оно шло 9 месяцев, Бронислав Валентинович вину свою не признал, а следствие не смогло доказать предъявленное обвинение (в 1936 году это еще было иногда возможно). Он был освобожден из Красноярской тюрьмы, но вскоре снова арестован и осужден на 10 лет. В августе 1937 года был привлечен по новому групповому делу Сибирского центра ПОВ и расстрелян в Красноярске 18 января 1938 года.

БРОНИСЛАВ ПИЛСУДСКИ - ССЫЛЬНЫЙ И ИССЛЕДОВАТЕЛЬ КУЛЬТУРЫ
НАРОДОВ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА.
ТРАДИЦИИ ПОЛЬСКО-РУССКОГО СОТРУДНИЧЕСТВА В
ОБЛАСТИ НАУКИ.

А. КУЧИНЬСКИ
г. Вроцлав (Польша)

*Перевод с польского А.В.Гузовой **

Портрет героя этой публикации описан в трех ракурсах: жизнь, работа, наследие. Несмотря на то, что такое деление достаточно четко определено, каждый раз будут переплетаться друг с другом одни и те же мотивы. Ведь биографию человека нельзя трактовать в одной манере. Так как она состоит из многих элементов, определяющих человеческую жизнь, взлеты и падения, страдания и радости.

Все эти составляющие как нельзя лучше прослеживаются в судьбе Бронислава Пилсудского, непоколебимого оптимиста, мечтателя и беспокойного путешественника, вечного странника, исследователя культуры Дальнего Востока, общественного деятеля, который жизнь каторжника превратил в огромную ценность. Его научное наследие содержится повсюду: в современной культурной антропологии, фольклористике и языкознании или вопросах, связанных туземными народами Сахалина: нифхов и айнов, народов, живущих на границах азиатского континента, называемого Дальним Востоком или Приамурьем.

1. Жизнь

Родился Бронислав Пилсудски 21 октября 1866 года в Зулове в Литве. Отчий дом в Зулове, школьные годы, доминирующая роль матери в воспитании детей - все это известные факты биографии Б. Пилсудского. Писалось об этом много раз также в монографиях, посвященных биографии маршала Ёзефа Пилсудского (брата Бронислава - прим. перев.).

Однако стоит вспомнить, что после пожара в Зулове семья Пилсудских жила в Вильно. Там Бронислав пошел в гимназию. Там он был инициатором создания самообразовательного кружка под названием «Спуйня» (связь - прим. пер.). Охранка, обеспокоенная патриотической атмосферой собраний ученической организации, запретила ее деятельность. Бронислав был исключен из школы. В августе 1885 года он уехал в Петербург, где сдал экзамен на аттестат зрелости.

Семидесятые годы XIX столетия в царской России – это период революционного настроения, активизированного так называемым народническим движением. Готовилось очередное покушение на русского царя Александра III, запланированное на 1 марта 1887 г. Был предан гласности список заговорщиков.

В числе заговорщиков оказалось несколько поляков, которые были задействованы в изготовлении бомб (Ёзеф Лукашевич), в доставке взрывчатых веществ (Тытус Пашковски, Константы Хомалевски и Бронислав Пилсудски). Ё. Лукашевич и Б. Пилсудски вначале были приговорены к смертной казни, которая была позднее заменена для Ё. Лукашевича на пожизненное заключение в Шлиссербургской крепости, а для Б. Пилсудского на 15 лет каторги на Сахалине. Он был выслан туда уже 8 апреля 1887 г. на тюремном теплоходе "Нижний Новгород".

На Сахалине пребывал Пилсудский до 1899 года. Тогда, благодаря усилиям Общества исследований Амурского края, ему было предложена должность хранителя музея во Владивостоке. С Владивостоком он расстался в июле 1902 года, так как получил направление из научных ведомств в Петербурге, согласно которому он должен вернуться на остров и проводить развернутое исследование культуры айнов. Был он там до 1905 года. Тогда он основал семью. В результате союза с представительницей айнов, племянницей главы деревни айнов Ай (сегодня Советское), родился у него сын Сукезо, а два года спустя (1905), уже после того, как Пилсудски уехал с Сахалина, родилась дочь. Осенью 1905 года Пилсудски прибыл в деревню Ай, чтобы забрать свою семью в Японию, куда вскоре отправился один, нелегально покидая Россию. Родственники жены не дали согласия на выезд, известно, что его жена была тогда беременна, а их дочь появилась на свет в декабре 1905 года. Потомки Бронислава живут до сего дня в Японии. Судьба этой семьи хорошо известна.

Мы знаем, что Пилсудски был в Японии в течение восьми месяцев. Тогда он установил много контактов научного и политического характера. Японию он покинул 30 июля 1906 года, отправляясь их Нагасаки на пароходе «Дакота», которым через Кобу и Иокогаму прибыл в Америку. Там он пребывал в течение двух месяцев и уже осенью 1906 года прибыл в Краков, где жил под разными адресами. Много путешествовал по Европе – Франция, Англия, Чехия, Бельгия, Швейцария. В ноябре 1917 года приезжает в Париж, связывается с Народным польским комитетом, пишет много отзывов, прокламаций, статей, популяризирующих Польшу. Он чувствовал себя нервно истощенным, был болен, физически слаб. Это, вероятно, и склонило его к решению свести счеты жизнью. 17 мая 1918 года он прыгнул в реку с моста «Пон де арте» на р. Сене. Тело его похоронено на кладбище Монмаранс под Парижем.

2. Работа.

Когда Пилсудски прибыл на Сахалин, он жил в колонии для каторжников в селе Рыковское. Сначала он работал на вырубке леса, выполняя также другие работы, связанные с этим. С 1889 года он стал работать в тюремной канцелярии, даже вел уроки у детей охранников. Уже тогда он жил отдельно от каторжников и снимал квартиру у городского русского поселенца. В то время он начал по поручению местных властей проводить метеорологические наблюдения. Первые

его публикации касаются метеорологии и называются «Обзор погоды в селении Рыковское Тымовского округа». Также из сохранившихся материалов известно, что однажды ему было поручено строительство метеорологических станций на Сахалине. С чем он блестяще справился. Есть на эту тему статья проф. З. Вуйчика и В. Латышева [1]. Он также участвовал в строительстве церкви в тюремном поселении. Жительство вне колонии, корректные отношения с начальством и симпатия заключенных, а также педагогическая деятельность давали Пилсудскому относительно большую степень свободы. Район, в котором пребывал ссыльный среди туземцев, назывался Гиляками. Они также обратили на себя внимание Пилсудского с точки зрения оригинальной культуры, интересного фольклора, обычаев и традиций. И как только представлялась возможность, он отправлялся к поселениям туземцев.

В то время Пилсудски познакомился с Львом Штернбергом, который отбывал каторгу на Сахалине. Это был еврей из Житомира, деятель «Народной воли». Когда срок его каторги закончился, он поселился в Петербурге. Там он вошел в тесный контакт с работниками музея, которые были заинтересованы поступлением информации и коллекций, касающихся туземцев с острова Сахалин. Был выбран Бронислав. Вслед за рекомендательными письмами к губернатору острова шли договоры о конкретных материалах, касающихся культуры. Сбирал Б. Пилсудски этнографические коллекции, которые высылал в Петербург, и другие краеведческие записи. Первая статья Б. Пилсудского, посвященная этнографии, носила название: «Нужды и потребности сахалинских гияков». Она была опубликована в «Известиях Императорского русского географического общества. Приамурское отделение» в 1898 году.

Внимание Петербурга давало ему еще большую свободу. Он отправился в более длительные походы к стоянкам туземцев. Вспомним, что в 1894 году по разрешению военного губернатора острова отправился Пилсудски собирать этнографическую коллекцию для создающегося музея в Александровске. С этим поручением он превосходно справился, за что получил именную грамоту.

После первого знакомства с айнами Бронислава Пилсудского направили во Владивосток. Благодаря рекомендациям из Петербурга, он получил должность хранителя коллекций, находящихся в отделе Географического общества. Ранее он высылал туда этнографические экспонаты. Он пребывал во Владивостоке до 1902 года. Занимался приведением в порядок этнографических коллекций, обрабатывал местные материалы, организовал научную библиотеку, обмен научными изданиями, включая научные организации в Соединенных Штатах, занимался публицистикой на страницах Владивостокской газеты.

Живя во Владивостоке, он постоянно поддерживал контакт с уже упомянутым Львом Штернбергом, который нашел работу в Музее Императорской Академии наук в Петербурге. В то время российская наука была заинтересована в

дальнейшем изучении народов, населяющих рубежи азиатского континента. Б. Пилсудскому было предложено снова выехать на Сахалин с целью сбора этнографической коллекции, касающейся айнов и систематичных исследований их культуры. Пилсудски принял это предложение. С 1902 года он проводил исследования культуры айнов. Занимался их фольклором, семейными обрядами, верованиями, языком, собирал экспонаты материальной культуры. К этим исследованиям он был уже хорошо подготовлен. Сделанные им фотодокументы насчитывали сотни фотографий. Он записывал на восковой валик фольклор туземцев, используя специально доставленный ему фонограф марки «Эдисон» из Соединенных Штатов.

Пребывание на Сахалине продолжалось до 1905 года. Тогда он навсегда оставил этот остров и выехал в Японию, а затем через Америку и Европу прибыл в Краков. Второе пребывание на Сахалине было прервано короткой поездкой на Хоккайдо, которая состоялась с целью познать культуру населяющих его айнов.

Помимо территориальных исследований Б. Пилсудски включился также в образовательную деятельность среди айнов. Он основывал для них школы с элементарной программой обучения. Он составлял программы для этих школ, где помимо чтения и письма по-русски обучали также традиционным ремеслам, культивировались собственные традиции. Имея большую свободу передвижения по острову, Б. Пилсудски посещал лежащие в глубинах лесов стоянки туземцев. Проводил там много времени, устанавливая хорошие контакты с главами родов. Он пользовался любовью у айнов, доверявших ему много обрядовых таинств. Он участвовал в церемониях, связанных с культом медведя, шаманских обрядах, узнал практику знахарей. Затем он все это подробно описывал.

Зная эти достижения Б. Пилсудского, губернатор острова поручил ему разработать проект устава о статусе айнов. Одновременно губернатор издал соответствующие распоряжения властям, чтобы ученому оказывалась всяческая помощь, было ему позволено использовать ведомственный конный транспорт в тех местах, где существуют почтовые тракты и обеспечивалась ему полная безопасность. Задание, полученное от губернатора, Б. Пилсудски выполнил образцово, вкладывая в него все свои знания о культуре айнов, условиях их жизни и традиции. В документе были отражены вопросы местного самоуправления айнов, налогов, проблемы рыбной ловли и охоты, предложения, связанные с земельной собственностью, здравоохранением, школьным образованием, суда и права. Выполняя эту работу, он надеялся, что в какой-то степени поспособствует улучшению положения айнов. К сожалению, российско-японская война, из-за захвата Сахалина японцами сделала невозможным введение этого документа в административную практику.

Вскоре Б. Пилсудски нелегально уехал с Сахалина. Перед выездом в Японию Б. Пилсудски отправился в район нижнего Амура, где проводил

этнографические исследования среди нанайцев и ульчей. Но этих результатов опубликовать он не смог. Через некоторое время он был в Японии, а позднее через Соединенные Штаты выехал в Европу.

После прибытия в Австро-Венгрию, в конце 1906 года поселился в Кракове. Здесь он усиленно добивался того, чтобы польский читатель познакомился с результатами его работ на Сахалине. Удалось ему это только частично. В Кракове, благодаря профессору Яну Розвадовскому вышла в 1912 году его книга о фольклоре и языке айнов, финансируемая Польской Академии наук [2]. Также в этнографическом журнале «Люд», издаваемом Этнографическим обществом в Львове опубликованы его статьи о культуре медведя, шаманизме айнов и гияков, о поэзии гияков.

Предложение научной среды Кракова о том, чтобы доверить ему кафедру этнологии в Ягеллонском университете, не было принято, так как он не имел высшего образования. С 1908 года Б. Пилсудски был связан с Закопанем. Там он начал изучать гуралей Подхалья. Для Этнографического музея в Петербурге собрал коллекцию, характеризующую культуру Подхалья. Он сотрудничал со Станиславом Виткевичем над основанием нового здания музея в Татрах и этнографической экспозиции. Он написал на эту тему ценную статью о музейном деле в этнографии. Он был инициатором «Ежегодника Подхалья». К сожалению, подготовленный им первый том журнала вышел после его смерти. У него не было постоянной работы в стране. Какое-то время он был штатным секретарем Этнографической секции Антропологической комиссии Польской Академии наук.

3. Наследие

Научные труды Б. Пилсудского, связанные с народностями Дальнего Востока разнообразны. Касаются они этнологии, религии, фольклора, языка. Еще при его жизни много было опубликовано в русских, немецких, американских, французских и японских журналах. Однако большая часть осталась в рукописях, которые разбросаны по разным странам. Смело можно утверждать, что этот разброс – отпечаток бродячей жизни Б. Пилсудского.

В период между мировыми войнами попытка опубликования его трудов была предпринята К. Завистович. В 1927 году вместе с библиотекой, привезенной из Рапперсвиля, были привезены чемодан и сундук, оставленные Б. Пилсудским перед его выездом в Париж в 1917 году. Там была корреспонденция и рукописи. Все это было найдено в Восточном институте в Варшаве. К сожалению, они полностью исчезли во время последней войны.

Первую попытку написания библиографической монографии Б. Пилсудского совершил в 1928 году капитан Стефан Помараньски из Военного исторического института. К сожалению, эта работа не была завершена, а собранные тогда материалы пропали. Сейчас имеется много статей, посвященных разным аспектам исследовательской и общественной деятельности Б.

Пилсудского. Проводится работа над изданием *Собрания сочинений*, первый том которых содержит короткое описание биографии исследователя. Состоялись две международные конференции, посвященные оценке его труда – в Саппоро (1985) и в Южно-Сахалинске (1991). В Южно-Сахалинске открыт памятник, увековечивающий вклад Б. Пилсудского в исследование культуры народов Дальнего Востока. В краеведческом музее в этом городе основан Институт наследия Бронислава Пилсудского, ставящий своей целью как можно полную инвентаризацию его научных и эпистолярных трудов. Программа этого института включает также научные вопросы, которые в то время были предметом интереса нашего земляка.

Также следует вспомнить о японских связях Б. Пилсудского. Известно, что уже в начале XX века нашли они свое выражение японской прессе. Там были опубликованы в 1909 году фрагменты работ Б. Пилсудского о культуре медведя, статья о положении айнов на Сахалине. Позднее, да и в наши дни, переводов было больше. Б. Пилсудский был в близких отношениях с японским писателем Хасегавой Тансуносукой [3].

После окончания упомянутой конференции в Саппоро издан в Осаке том работ, содержащий рефераты, прочитанных на этой конференции докладов. По мотивам фольклора, фонографические записи которого проводил Б. Пилсудски, был сделан мюзикл, который представила Хосокава Мариико. Этот ансамбль гостил в Польше в начале восьмидесятых годов и выступал по телевидению.

Песня М. Хосокавы под названием *Дедушка Пилсудски* известна школьникам в Хоккайдо. Министерство образования Японии в учебнике японского языка для средних школ (II класс) в разделе «Язык и культура» поместило текст на 19-ти страницах о Пилсудском. Также в Японии демонстрируются различные телевизионные фильмы, героем которых является наш земляк. Последний из них был сделан на Сахалинской конференции в 1985 году, в которой участвовали внуки и правнуки Бронислава. Этот фильм называется «Айны – потерянная колыбельная».

Среди множества польских ссыльных, которые проводили этнографические исследования народов Сибири, Б. Пилсудски представляет наибольший интерес для этнологов. Над оценкой его трудов работают специалисты многих стран мира. Описанная им культурная действительность айнов, нивхов и ороков поражает не только антропологов культуры, но также интересуются ей фольклористы, историки, языковеды. В его трудах мы встречаемся с конфронтацией двух элементов: страсть к исследованию и этнологии. Первый стал основой изучения второго. Их мы познаем лучше только спустя годы. Следует отметить, что при известной помощи русских ученых.

* В данном сборнике представлен сокращенный вариант работы.

1. W. Łatyszew, Z. Wójcik, Przyrodnicze początki działalności naukowej Bronisława Piłsudskiego na katordze sachalińskiej, "Niepodległość i Pamięć", 1996: 6, s. 113-120.

2. [B. Piłsudski], Materials for the Study of the Ainu Language and Folklore. Collected and Prepared for Publication by Bronisław Piłsudski, Cracow 1912, s. VI-VIII.

3. A. Majewicz, Bronisław Piłsudski i Japonia, "Japonica Toruniensia", 1998: 1, s. 41-52.

АЛЕКСАНДР-БОЛЕСЛАВ МАЦЕША - ИСТОРИК ТОМСКОЙ ПОЛОНИИ

Б.С. ШОСТАКОВИЧ
г. Иркутск

К так называемым «белым пятнам», которые сохраняются и при достигнутом ныне уровне разработанности всей продолжительной и многообразной «сибирско-польской» истории, можно отнести среди прочего и круг вопросов, составляющих полонийную историю местных центров, расположенных на обширной сибирской территории. Среди последних ведущее положение принадлежало сибирским губернским столицам в двух исторически сложившихся административно-территориальных, Западной и Восточной, частях сибирского пространства. В Западной Сибири подобная функция безусловно приходилась (наряду с Омском) на Томск.

Из сказанного вполне закономерно вытекает ряд актуальных задач. В их числе двудеяная задача выявления и анализа первоисточников в указанном тематическом русле в сочетании с освоением и осмыслением на современном этапе данных научных исследований уже накопленного в предшествующие периоды источникового и историографического наследия. В данном докладе представлены общие сведения о личности самого А. Мацеша, а также предпринята попытка охарактеризовать его историко-научную и просветительную деятельность с точки зрения исследовательской разработки полонийной истории Томска.

Александр Болеслав Мацеша - уроженец Томска. Он появился на свет 4 июня 1875 г. в семье сосланного в Сибирь польского повстанца 1863 г., Стефана Мацеша. Последний занимался содержанием продовольственного магазина и бани, пользуясь в польской колонии Томска очевидным авторитетом. Александр Мацеша по окончании Томской гимназии в 1893 г. поступил на медицинский факультет местного университета и окончил его в 1908 г. Затем он до 1900 г. возглавлял больницу в поселке Смоленское Бийского уезда Томской губернии.

Отъезд молодого врача в 1900 г. в Петербург для углубления своих медицинских знаний, как оказалось, стал началом резкой перемены в его судьбе. Вскоре ему удалось получить должность тюремного и больничного врача в городе Плоцке, важном историческом центре Мазовии, который в русской части расчлененной Польши, являлся центром одноименного воеводства, а затем - губернии. Таким образом, поляк-сибиряк в 1901 г. перебрался на родину своих предков, в город, с которым стала связана вся его последующая жизнь. Свою медицинскую службу в нескольких

государственных учреждениях он сочетал с преподаванием гигиены и анатомии в плоцких учебных заведениях и с частной практикой как врач-окулист.

Здесь сразу же проявилось большое тяготение А.Мацешки к общественной деятельности. Так, в плоцкой тюрьме он не удовлетворился одними своими служебными обязанностями по оказанию медицинской помощи заключенным, но основал там польскую библиотеку и начал там же проводить беседы и читать лекции для столь нетрадиционной аудитории. Он же сделался членом и активным участником, по меньшей мере, полутора десятка научных, просветительных и благотворительных обществ Плоцкого региона. Особого упоминания заслуживает его деятельность по возобновлению работы образованного в 1820 г. Плоцкого Научного Общества, бессменным председателем которого он оставался с 1907 г. вплоть до своей кончины.

В период революции 1905-07 гг. А. Мацеша вел активную политическую деятельность в русле партии Национальных Демократов («эндеков»), добиваясь автономии для Королевства Польского. По выдвижению его кандидатуры той же партией он был даже выбран депутатом I-ой Государственной Думы. Будучи активным сторонником местного самоуправления, он в 1917 г. избирался председателем первого Плоцкого городского совета, а затем - бургомистром и президентом города Плоцка. Незаурядная жизнь этого человека завершилась в Плоцке в октябре 1945 г. Его смерть ускорили тяжелые условия периода немецкой оккупации в ходе второй мировой войны, испытанные в пожилом возрасте.

Обширные научные и общественные интересы Александра Мацешки нашли отражение в значительном его наследии, насчитывающем свыше 100 печатных работ и часть таковых же, оставшуюся в рукописях. Среди его работ медицинского, антропологического, регионоведческого, статистического и иного тематического содержания особое место занимают материалы и исследования, касающиеся истории поляков в Сибири. Эта тема вызывала большой интерес поляка-томича. Достаточно сказать, что им на основе как свидетельств, собранных у мемуаристов, так и собственных, а также иных оригинальных материалов был написан очерк на тему «История польской колонии в Томске 1604-1900». Первоначально эта работа была оглашена в виде доклада, произнесенного доктором А.Мацешей в Варшаве ровно 65 лет назад, 20-21 мая 1934 г. Вдвойне любопытно, что сделано это было перед не вполне обычным собранием. Речь идет о специально организованном в польской столице по инициативе самого А. Мацешки съезде бывших воспитанников учебных заведений Томска. Там же выступил и другой польский «томич», Виктор Маньковский, с докладом: «Поляки в Томске во время мировой войны и их возвращение на родину». Затем эти работы по истории Томска были

опубликованы в периодической печати: А. Мацеша - в журнале «Пшешлосьць», а также отдельным брошюрным оттиском, и В. Маньковского - в несколько расширенной форме в журнале «Сыбирак». Какая-либо другая информация о съезде 1934 г. томской Полонии нам пока неизвестна и заслуживает целенаправленного специального выявления.

Известно, что А.Мацеша собирал материалы как по томско-польской, так и по более широкой сибирско-польской тематике. Но далеко не все они были им обработаны и обнародованы. Им же были начаты «воспоминания из Сибири 1875-1900», которые, к сожалению, оказались прерваны на вводных разделах. Наконец, недавно нам удалось выяснить, что еще в начале 1914 г., то есть незадолго до Первой мировой войны, А. Мацеша выступил в журнале «Жемя» с обращением начать создание Сибирской библиографии, встреченным с большим энтузиазмом находившимся в ту пору в Кракове Брониславом Пилсудским, братом Юзефа, в прошлом политссыльным-каторжанином на Сахалине, ставшим крупным исследователем-этнографом.

Автору доклада представляется необходимым продолжить начатые им разыскания вокруг наследия А. Мацеша, относящегося к томской и в целом к сибирской Полонии, которые могут внести еще немало нового и интересного в эту еще недостаточно изученную тему.

КРАЕВЕДЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ Б.П. ЮХНЕВИЧА В ТОМСКЕ

А.Г. ТУЧКОВ

г. Томск

В отечественной научной литературе слабо разработаны вопросы о вкладе политссыльных в изучение быта и хозяйства коренного населения Сибири. В ряде публикаций, связанных с историей изучения того или иного сибирского народа, в некоторой степени освещаются эти вопросы. Однако они носят фрагментарный характер и не дают целостного представления. Данная проблема требует, безусловно, своего пристального внимания.

Представители революционного движения в России внесли существенный вклад в изучение этнографии сибирских народов. Большой приток политссыльных в Сибирь во второй половине XIX в., их нерастраченная энергия, образованность – дали качественный толчок для систематического изучения этнографии сибирских народов. Место ссылки – Сибирь, стала для многих революционеров, большинство из которых были народолюбцы, местом их становления как ученых-этнографов. Среди них значительное число было поляков: В.Л. Серошевский, Н.А. Виташевский, Б.И. Пилсудский и др.

Интерес политссыльных к культуре коренных народов, населяющих места ссылки революционеров, диктовался главным образом стремлением понять специфику жизни того или иного народа, его быта, хозяйства, социальных отношений. Не исключен в этом плане и сугубо практический, профессиональный интерес. Благодаря деятельности политссыльных этнографическая наука обладает рядом крупных, не потерявших своего значения и сегодня, трудов по этнографии сибирских народов. Работа Серошевского по этнографии якутов, например, до сих пор является важным источником для изучения культуры и быта этого народа.

В данной связи, не претендуя на всеохватывающее исследование, остановимся на деятельности одного из представителей революционного движения конца XIX – начала XX вв. Болислава Петровича Юхневича.

Б.П. Юхневич родился второго января 1884 г. в дер. Тайлаковой, Покровской волости, Каинского уезда, Томской губернии в семье польского повстанца Петра Станиславовича Юхневич, сосланного в Сибирь после польского восстания в 1863 г. Дед Б.П. Юхневича по материнской линии Иоахим Иустинович Щепчинский также был сослан в Сибирь в Томскую губернию после каторги по процессу «Соединенных славян» (процесс Солнцева в Харькове).

Начальное и среднее образование Б.П. Юхневич получил в Томске и Барнауле. С 1903 по 1905 гг. учительствовал. С этого же времени по 1917 г. занимался революционной деятельностью. Арестовывался и ссылался на рр. Лену, Нижнюю Тунгуску, Вилюй. После революции 1917 г. работал на различных

общественных и государственных должностях в Иркутске, Томске, под Москвой. В 1937 г. был арестован по обвинению в антисоветской деятельности, осужден на 10 лет лагерей. Умер в лагере в 1938 г. С сентября 1917 г. до 1933-х гг. Б.П. Юхневич работал в Томске.

Этнографический интерес к сибирским народам стал проявляться у Юхневича во времена его неоднократных ссылок. Как писал сам Юхневич, сибиреведением он занимался всегда. В 1912 г. он поселяется в качестве каторжанина в с. Преображенском на Нижней Тунгуске. В 1914 г. участвует в экспедиции на р. Нью по изучению хозяйства Ньюйских якутов.

В 1921 г. в Якутию организуется Северная экспедиция Наркомвнешторга и Сибревкома с целью исследования экономического и демографического состояния края. Работа этой экспедиции продолжалась 14,5 месяцев, результаты которой были сданы Сибплану и Сибстатуправлению. В этой экспедиции принимал участие Б.П. Юхневич.

Юхневича, однако, нельзя назвать этнографом в прямом смысле. Во всех экспедициях он участвовал в качестве экономиста или статиста. Вместе с тем, учитывая, что вопросы этнографического исследования в 20-х годах XX в. практически ничем не отличались от вопросов исследования экономики и ресурсов коренного населения Сибири, можно говорить о Юхневиче как об исследователе быта и хозяйства якутов.

Сложность заключается в том, что пока не обнаружены записи полевых исследований (или до нас эти записи не дошли), сделанных Юхневичем во время экспедиций. Однако то, что Юхневич считался специалистом в области хозяйственной деятельности якутов, подтверждается рядом фактов. В ноябре 1923 г. Сибпланом был поставлен вопрос о необходимости разработки материалов Якутской экспедиции 1921 г. Эти и ряд других материалов по Якутии, которые были обнаружены в Сибплане были переданы для детальной разработки Юхневичу. К сожалению, судьба этих материалов пока не ясна.

Б.П. Юхневич много времени отводил краеведческой работе в Томске. С момента организации в Томске Краевого музея (октябрь 1922 г.) Б.П. Юхневич, не будучи постоянным сотрудником музея, принимает самое активное участие в его становлении и деятельности. В декабре 1922 г. он становится членом правления секции краеведения, входит в организованный в мае 1924 г. Совет Томского краевого музея, в феврале 1925 г. в состав учрежденного Томским Краевым музеем Общества изучения Томского края.

С возобновлением деятельности в Томске Губмузея (Губернский комитет по делам музеев и охраны памятников искусства и старины) в апреле-мае 1923 г. под председательством З.С. Гайсина, Юхневич являлся секретарем этого комитета. В сохранившейся рукописи Юхневича, датированной январем 1924 г., намечены задачи «местных музеев краеведения». Основными вопросами

деятельности музея на то время, по мнению Юхневича, должны были быть изучение «производительных сил Сибири», сбор и хранение научных и художественных ценностей, вопросы культурно-просветительской деятельности. Особую актуальность приобретал вопрос о формировании этнографических коллекций, отражающих быт и культуру коренных сибирских народов, а также изучение этих народов.

Будучи секретарем Комитета Севера, с 1925 г. Юхневич часто исполнял обязанности председателя этого комитета. Ему также приходилось решать вопросы по обеспечению коренного населения оружием и боеприпасами для охоты, сбору информации, характеризующую работу сезонных заготовителей среди нацменьшинств. Юхневич являлся председателем комиссии по улучшению быта и хозяйства инородческого населения Томской губернии. Эта комиссия, созданная на базе Губисполкома, в которую входил и Губнац (Губернский комитет по делам национальностей), занималась вопросами, связанными с изучением состояния условий жизни коренного населения края, выработкой решений по оказании помощи этому населению, административными вопросами. Комиссия сотрудничала с Краевым музеем.

Музееведческая деятельность Юхневича на протяжении длительного отрезка времени была разнообразной. Он занимался созданием социально-экономического отдела музея, выступал с докладами и сообщениями о задачах музея, о взаимодействии музея с общественными и государственными организациями г. Томска; входил в комиссию по работе над вопросами издания сборника по революционному движению в Томском крае, был организатором работы кружка по изучению истории революционного движения в Томске и области, выступал с докладами о революционном движении в г. Томске, интервенции в Сибири, работал над составлением хроники событий 1905 г. в Томске. Одним из основных вопросов, стоящих в те годы перед музеем, было формирование музейных фондов.

От Б.П. Юхневича в музей в различное время поступило, судя по архивным документам, 19 предметов, из них: 4 камня «с древней монгольской надписью», две картины художника Зырянова во временное хранение, 4 якутских предмета; 15 фотографий по якутской тематике, 4 рисунка из книг и 5 открыток – видов Якутской области. В январе 1924 г. благодаря посредничеству семьи Юхневич музей покупает якутскую этнографическую коллекцию. Эта коллекция является на сегодняшний день одной из самых репрезентативных в Западносибирском регионе. В момент поступления в музей она насчитывала 139 предметов быта, хозяйства и культа якутов XIX- начала XX вв.

Краеведческая деятельность Б.П. Юхневича, его экспедиции в Якутию, оставили, безусловно, свой яркий след в истории этнографического и краеведческого дела в Томске. Этнографические материалы (фотографии,

экспонаты), подаренные им Томскому областному музею, являются ценным источником по изучению быта и хозяйства якутов. Они являются также ярким свидетельством неутомимой деятельности человека, интересы которого на протяжении длительного времени не ограничивались сугубо профессиональной политической направленностью.

КОНФЛИКТ СРЕДИ ПОЛЬСКИХ ПОДДАННЫХ В ВОСТОЧНОЙ СИБИРИ (60-е гг. XIX в.).

В.Ю. Титов
г. Иркутск

Поляки появились в Сибири в результате штрафной колонизации. Их жизнь в этом крае - это одновременно симбиоз конфликта и интеграции. Вот некоторые концептуально важные аспекты польской историографии. С 1850 г. в свет выходят воспоминания, очерки и т.д. о пребывании поляков в Сибири, преимущественно в западной ее части. Объяснить выбор именно этого региона можно мягкостью климата, что, безусловно, облегчало тяготы каторги, и более короткими сроками ссылки, определенными для западносибирского генерал-губернаторства. Век спустя, начинается первый период фундаментальных научных исследований сибирского наследия поляков, в том числе (с 1956 г.) и в Восточной Сибири.

Второй период, с 1968 г. по конец 80-х гг. XX в., охватывает жизнедеятельность поляков на всей территории Зауралья в годы первых пятилеток (с 1925 по 30-е гг. нашего столетия). С 1989 г. можно говорить о начале третьего этапа научного исследования проблемы; в это время выходит литература, главным образом посвященная проблеме депортации. Недостатком практически любого издания тех лет является автоматический перенос частных случаев на всю колонию поляков. Тексты польских мемуаров и монографий переполнены явными и скрытыми цитатами об освободительной борьбе, но в них бесполезно искать ссылки на внутреннее мироощущение человека, попавшего в непривычные для него условия, об отношении его к самому себе и к единоверцам. Значительное влияние на процесс дальнейшего осмысления этой проблемы оказали идеи, изложенные в книге «Сибирь романтиков», в которой раскрываются не только мирозерцание поляков, но и бытовые, психологические, нравственные отношения соплеменников.

Дополнить картину психологического восприятия поляками Сибири и самих себя в новом окружении помогают по-новому прочитанные архивные материалы. В Государственном архиве Иркутской области имеется переписка сибирских губернаторов и чиновников администрации с Санкт-Петербургом по поводу «жестокости обращения с ссыльными» поляками со стороны польских чиновников [1].

Так, например, 29 августа 1865 г. секретарь Канского земского суда Эдмунд Людгардович Домбровольский в присутствии дворника и десятника, также поляков по национальности, обругал и с особой жестокостью избил ссыльного поселенца из политических преступников - бывшего дворянина

Станислава Карловича Цыгановского [2]. Желая отправить письмо на родину, тот попытался предварительно освидетельствовать содержание письма. Не найдя в суде земского заседателя, Цыгановский отправился к нему на квартиру. Домбровольский встретил просителя весьма неприветливо: как, мол, он смел явиться без доклада. Он начал осыпать пришедшего нецензурной бранью. На это Цыгановский ответил: «Вы можете меня только арестовать, если я буду почему либо заслуживать этого, но ругать меня <...> вы не должны» [3].

По свидетельству очевидцев, выйдя на улицу, Домбровольский приказал своему дворнику Грыневицкому и стоящему рядом десятнику Вишниеvскому избить ссыльного поселенца. Те отказались, мотивируя это отсутствием прав на подобные действия [4]. Тогда Домбровольский на глазах шедших по улице горожан стал избивать Цыгановского [5]. В деле приводятся слова «сибирского сатрапа» в адрес «обидчика», по всей видимости, брань не была в то время чем-то особенным, т.к. в нарушение норм делопроизводства тех лет его слова не подчеркнуты красным карандашом. Это свидетельствует о том, что подобное явление было довольно распространенным среди мелких чиновников и полицейских, к которым принадлежал и Домбровольский. Косвенно это подтверждается и объяснениями самого Цыгановского. На его замечания секретарь суда ответил буквально следующее: «Для нас не существует закона, и он может шкуру снять с <...> живого» [6]. Предусматривая возможность жалобы, Домбровольский запугивает жертву и очевидцев происшествия, угрожая им поркой плетью. Вспоминая через год о происшествии, другой политический ссыльный - Грабовский, рассматривает это как естественное, обычное стечение обстоятельств.

Уже первое прочтение документа помогает понять человеческую психологию. Секретаря суда нет на рабочем месте. Факт, безусловно, отмеченный сослуживцами, которые направляют Цыгановского по месту жительства Домбровольского. Объяснения Домбровольского характеризуют его как самодура, демонстрирующего свою силу (посетитель вошел без доклада, вступил в пререкания, вел себя вольно). Случай обыкновенный, и для 60-х гг. более чем хрестоматийный. Объяснение ему нужно искать в конкретно-исторической обстановке, в традиционных, социокультурных связях, среди которых можно выделить следующие:

1. Большинство представителей полицейской, судебной власти, чиновники, рассматривали свое положение как единственную возможность обогащения и самоутверждения. Они не стеснялись демонстрировать подвластным им людям собственное своеобразие.

2. Еще К. Маркс отмечал, что название представителя этнической или религиозной общности становится синонимом к определенным словам [7]. В рассматриваемый период поляк ассоциировался с понятиями

ссылнопоселенца и вообще преступника, что означало для коренного населения недоимки по платежам и долги, за которые приходилось платить после отъезда ссылных.

3. Чины полиции и лица связанные с каторгой не могли рассчитывать на благожелательное отношение к себе со стороны общества Царства Польского. В данном случае Домбровольский видел угрозу для своего будущего пребывания на родине, что стало стимулом протеста, обиды и чувства мщения по отношению к ссылнопоселенцу.

1. ГАИО, ф. 24, оп. 3, ед. хр. 148. 54, 240,230.

2. Факт употребления отчества считается не свойственным польскому языку XIX в. явлением. Это свидетельствует, во-первых, о русификации имен ссылных поляков, что вероятнее всего происходило в промежутке между двумя восстаниями 1833 и 1863 годов. Во-вторых, делу предали громкую огласку. В связи с чем Цыгановский (заявление подписал полным именем) стремился избежать любых акцентов и придинок, указывающих на его оппозиционное настроение к правительству.

3. ГАИО, ф. 24, оп. 3, ед. хр. 148, л. 1-7.

4. * Там же.

5. Там же, л. 26.

6. ГАИО, ф. 24, оп. 3, ед. хр. 148, п. 2706.

7. Маркс К. К еврейскому вопросу // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. - 2-е изд. Т. 1. С. 382-413.

Ф.В. ТАРАНОВСКИЙ И РУССКАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ НАУКА КОНЦА XIX - НАЧАЛА XX ВЕКОВ

Л.Н. Хмылев
г. Томск

Федор Васильевич Тарановский (1875-1935), профессор Юрьевского и Варшавского университетов, академик Сербской академии наук, принадлежал к числу видных польских историков. Наше внимание он привлек тем, что в его лице можно наблюдать тесный и плодотворный союз польской и русской исторической науки.

Прежде всего, в изучении древней русской истории. Кроме этого, Ф.В. Тарановский вошел в сферу русской историографии, написав целую серию работ о таких ведущих отечественных историках конца XIX - начала XX веков, как М.М. Ковалевский, Ф.И. Леонтович, В.И. Сергеевич, М.Ф. Владимирский-Буданов, Е.И. Энгельман и др.

Ф.В. Тарановский занимался преимущественно западноевропейской средневековой историей, точнее историей права и правовой идеологии. Среди его многочисленных книг можно назвать "Энциклопедию права" (1923), "Догматику положительного государственного права во Франции при старом режиме" (1911). Последняя работа получила высокую оценку со стороны ряда выдающихся русских историков. Н.И. Кареев писал, что это "прекрасный историко-юридический трактат, важный не только для специалистов государственного права, но и для историков" [1]. В 1912 году Ф.В. Тарановскому по представлению М.М. Ковалевского за эту работу была присуждена премия Российской Академии наук им. М.Н. Ахматова.

Ф.В. Тарановский вошел в историческую науку, когда она переживала глубокий мировоззренческо-методологический кризис, сущность которого состояла в переходе от классической исторической науки к науке XX века. Это был сложный и многоплановый процесс поступательного развития, одним из проявлений которого явилась тенденция нарастания в науке материалистических элементов. Эта тенденция проявилась и в области медиевистики.

К концу XIX века в западноевропейской медиевистике лидирующее место заняла вотчинная теория феодализма. Эта же тенденция наблюдается и в русской медиевистике. П.Г. Виноградов, Д.М. Петрушевский, А.Н. Савин, Н.И. Кареев сделали существенный вклад в развитие вотчинной теории западноевропейского феодализма.

Разборка русскими историками проблем западноевропейского феодализма привела, помимо всего прочего, к структурному противоречию в отечественной исторической науке: при высоком уровне исследования феодализма в Западной

Европе о русском феодализме даже не принято было говорить. В этих условиях начинается процесс междисциплинарного обмена на основе применения сравнительно-исторического метода, а Н.П. Павлов-Сильванский предпринимает попытку создания теории русского феодализма с использованием как зарубежного, так и отечественного опыта изучения феодализма в Западной Европе. Ф.В. Тарановский, будучи специалистом по западноевропейскому феодализму и имея одновременно хорошую подготовку по русской истории, оказал серьезное плодотворное влияние на выработку теории русского феодализма Н.П. Павловым-Сильванским.

В 1901 году Н.П. Павлов-Сильванский в работе «Феодальные отношения в удельной Руси» [2] излагает первый вариант своей теории русского феодализма, в основу которой была положена мысль о договорной природе феодальных отношений. Феодализм понимался как система договорных отношений между всеми группами населения, не связанными с поземельными отношениями. В 1902 году Ф.В. Тарановский публикует работу "Феодализм в России", в которой дает оценку теории Павлова-Сильванского.

Заслугой Ф.В. Тарановского явилось то, что оценку теории русского феодализма Павлова-Сильванского он дал, во-первых, в аспекте развития западноевропейской медиевистики на протяжении всего XIX века, во-вторых, с учетом ее последних достижений. С учетом методологической ориентации медиевистики Ф.В. Тарановский выделил в ее развитии три этапа: 1) политический, 2) социально-политический и 3) социально-экономический. Последний он связывал с вотчинной теорией феодализма и называл в числе ее крупнейших представителей М.М. Ковалевского и К. Лампрехта.

Теорию Павлова-Сильванского он относил к социально-политическому направлению изучения феодализма и всем содержанием своей работы стремился показать необходимость перехода русского историка на позиции социально-экономического подхода и, соответственно, вотчинной теории. Ф.В. Тарановский отмечал, что Павлов-Сильванский «изучил юридическую сторону подлежащих исследованию отношений», дал их «скелет» и ориентировал его на «изучение экономической почвы», «вотчинного хозяйства и управления» как «того фундамента, на котором всюду созидался феодализм» [3].

Важно отметить, что творческое развитие Павлова-Сильванского пошло именно по тому пути, на который его ориентировал Ф.В. Тарановский. В дальнейшем Павлов-Сильванский пишет две книги («феодализм в древней Руси», 1907; «Феодализм в удельной Руси», 1910), в которых была разработана вотчинная теория русского феодализма. Они сохранили свое научное значение по сегодняшний день [4,5].

Научное творчество Ф.В. Тарановского является ярким примером плодотворного сотрудничества польских и русских историков в начале XX века.

1. Н.И. Кареев. Журнал мин-ва народного просв.-1911.№ 10. - С. 234.
- 2.Н.П. Павлов-Сильванский. Феодалыне отношения в удельной Руси. - Там же.- 1901.-№ 7; 1902.- № 1.
3. Ф.В. Тарановский. Феодалыне в России. Варшава, 1902.- С.30.
4. Н.П. Павлов-Сильванский. Феодалыне в древней Руси. СПб.,1907.
5. Н.П. Павлов-Сильванский. Феодалыне в удельной Руси. СПб.,1910.

СЕМЬЯ СОБОЛЕВСКИХ.

С.П. Вавилов
г. Томск

Глава семейства Соболевских был уроженцем местечка Бялый под Варшавой. Он родился в 1868 году и по католическому обряду получил длинное «составное» имя Станислав-Петр-Сигизмунд. С детских лет мечтал стать исследователем недр - горным инженером. Другой его страстью была музыка.

Соболевский поступил в Петербургский горный институт, однако, окончив два курса, принял решение уйти для того, чтобы получить более серьезную математическую подготовку. Но, начав учебу заново на механико-математическом факультете Петербургского императорского университета, не выдержал - вновь через два года возвращается в горный институт. Уже в те годы Соболевский заинтересовался созданием и применением математических расчетов в горнорудном деле. Позднее его исследования в этом направлении стали основой новой науки - геометрии недр.

Оторванный от дома, не имевший собственного угла, Соболевский вынужден был зарабатывать на жизнь музыкой. Он таперствует на балах, свадьбах..., да и на похоронах играет. Поразительно, но у него хватает еще сил, энергии и неиссякаемой любознательности. Он берет уроки композиции у выдающихся музыкантов А.К. Лядова и Н.А. Римского-Корсакова.

Горный институт был закончен Соболевским лишь в 1897 году. Получив диплом горного инженера, Соболевский уезжает в город Юзовку (Донецкий угольный бассейн) и занимает место инженера во франко-бельгийском акционерном обществе, а вскоре Соболевский стал работать в Екатеринославе. Там он впервые попробовал себя в качестве преподавателя высшего технического училища.

Открытие Томского технологического института, где одним из основных направлений подготовки были геология и горное дело, способствовало приглашению многих инженеров-практиков в Томск. Соболевский получил приглашение занять кафедру геодезии и маркшейдерского искусства. Сибирь поманила своей либеральной настроенностью, и, кроме того, поляк Соболевский знал из рассказов родственников, что поляки в Сибири жили задолго до польских восстаний. К этому времени Соболевский был женат, уже вторично на Ольге Мартыновне.

Ольга Мартыновна происходила из обедневшей немецкой семьи фон Гибшманов и родилась в городе Вильно, где у семьи было небольшое имение. Получив начальное воспитание дома, Ольга поступила в институт благородных девиц в своем городе, где ярко проявились ее вокально-музыкальные данные.

Любовь к пению была настолько велика, что однажды под предлогом отъезда в гости к соседям по имению она бежала в Петербург и самостоятельно поступила в консерваторию.

Вступительные экзамены были сданы настолько успешно, что Ольга Соболевская была зачислена в класс к одной из лучших вокальных педагогов консерватории – Н.А. Ирецкой.

Наталья Александровна Ирецкая принадлежала к славной плеяде русских вокалисток, чьими голосами и педагогическим мастерством создавалась слава русской вокальной школы не только дореволюционной, но и послеоктябрьской России. Ирецкая была выдающейся камерной исполнительницей. В числе ее друзей и знакомых были композиторы Рубинштейн, Гуно, Бизе, Делиб, Сен-Санс, писатели Флобер, Мопассан, Тургенев.

На уроках у Ирецкой Соболевская получила прекрасное образование и развила свой природный талант. Ирецкая особое внимание уделяла развитию ровности и гибкости голоса, подвижности во всех регистрах. Много сил педагога тратила на воспитание у учеников самостоятельного творческого мышления.

На одном из публичных балов Петр и Ольга познакомились и сразу понравились друг другу. Петр рассказал своей молодой подруге о семейных проблемах, считая не вправе умолчать о том, что был женат. Для Ольги же пути назад не было.

Супруги Соболевские как-то естественно влились в музыкально-общественную жизнь томского отделения Русского музыкального общества. Первые концерты принесли успех Ольге Мартыновне, завязались новые знакомства с педагогами музыкальных школ. В доме Соболевских по четвергам стали собираться музыканты и кое-кто из музицирующих профессоров университета и технологического института.

Огромный вклад в становление музыкального облика Томска начала века, сделанный Ольгой Мартыновной, трудно переоценить.

Помимо участия в концертной деятельности, организации вечеров и концертов, Соболевская была в числе томичей, чьими стараниями была открыта в Томске в 1917 году первая в Сибири Народная консерватория. Соболевская подготовила много прекрасных учеников, в том числе она отшлифовала музыкальный талант своей дочери - тоже Ольги.

Ольга Станиславовна стала солисткой музыкального театра имени Станиславского и Немировича-Данченко в Москве, прожила долгую, интересную жизнь (умерла в возрасте 94 лет) и до последних дней вспоминала Томск 10-20-х годов.

Петр Константинович готовил программы музыкальных вечеров, часто аккомпанировал певицам и инструменталистам. Умел Соболевский делить время между музыкой и научной работой. Он заказал в Германии различные оптические

и геодезические приборы, после получения установил их на пригорке вблизи главного корпуса Технологического института и организовал первую в Сибири геодезическую полевую лабораторию.

У Петра Константиновича и Ольги Мартыновны было трое детей: два сына и дочь. Жизнь каждого достойна своего рассказа. В их судьбах отразилась наша великая и трагическая эпоха. Старший сын Петр стал известным советским киноактером. Второй сын, Константин, прекрасный художник, был репрессирован в студенческие годы и погиб в лагерях.

ТОМСКИЙ ПЕРИОД ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВА К. ЗЕЛЕНЕВСКОГО.

Л.И. ОВЧИННИКОВА

г. Томск

Творчество польского художника Казимира Зеленецкого (1888-1931) на наш взгляд органично вписывается в Парижскую школу.

С художественной столицей Европы связано наиболее плодотворное последнее десятилетие его жизни. Известно, что он постоянно выставлялся в наиболее престижных выставочных объединениях Парижа - Салоне независимых и Осеннем салоне. В галерее Бернхейма-младшего, где показывали свои работы художники, склонные к новым формам самовыражения, у него прошли две выставки (в 1927 г. и 1929 г.).

Имя Казимира Зеленецкого осталось в истории искусства Европы. Оно включено в основные словари и справочники, посвященные изобразительному искусству. И хотя приводимые сведения кратки, отрывочны, в основном повторяются, они позволяют восстановить цепь жизненных событий: учеба на философском факультете университетов Женевы, Парижа, Кракова (1909-1912), в Краковской академии художеств (1912-1914) у Ю. Панкевича и В. Вейса, в Венской академии художеств (1915), затем работа в Италии (1915), Швейцарии (1916-1917), Франции (1920-1931).

Между тем художник относится к числу незаслуженно забытых. Остаются неизвестными важные вехи биографии, не выявлено огромное творческое наследие. Несмотря на тесные связи с «исторической родиной», имя Зеленецкого едва обозначено в истории польского искусства. Оно не встречается в изданиях по истории русского искусства. В Томске, городе детства и юности, в жизни которого художник принимал деятельное участие в 1917-1918 г.г., он известен узкому кругу исследователей культуры Сибири.

Цель данной публикации: на основе выявленных материалов архивов, каталогов, прессы, а также воспоминаний включить в биографию и полно осветить томский период жизни и творчества.

Будущий художник родился в Томске 18 февраля 1888 года. Его отец Казимир Яковлевич Зеленецкий был сослан в Сибирь за участие в восстании 1863-1864 гг. У Казимира было четыре старших сестры и три брата. Семья была дружной, ее отмечала атмосфера понимания и открытости. В доме Зеленецких долгие годы хранилась польская библиотека, детям стремились дать образование, в том числе музыкальное. Среда способствовала раннему развитию способностей.

В возрасте 8-9 лет Казимир был определен в Алексеевское реальное училище, одно из лучших средних учебных заведений Томска. Оно давало хорошую подготовку по естественным и физико-математическим наукам, и

одновременно закладывались крепкие основы знаний по общим дисциплинам - истории и географии. Важное место занимали уроки рисования, которые вел П.М. Кошаров, выпускник Академии художеств, впоследствии известный в Сибири пейзажист. По его инициативе действовали специальные рисовальные классы, постоянно устраивались выставки ученических работ. Во время учебы Казимира Зеленецкого постаревшего Кошарова сменил В.А. Фадеев, о котором известно мало, но традиции остались.

В Алексеевском училище Зеленецкий учился пять лет, затем два года в Ташкентском реальном училище.

Документов, связанных с периодом учебы не обнаружено.

Первый томский период завершается примерно в 1907 году. Юноша был арестован за хранение нелегальной литературы, по приговору суда один год провел в Екатеринославской тюрьме, затем был выслан на три года в Тобольскую губернию, откуда бежал за границу.

Казимир Зеленецкий приезжает на родину в июле 1917, что стало возможным после февральских событий, когда прекратилось преследование участников революционного движения.

В культурной жизни Томска 1917-1918 г.г. он становится центральной фигурой. Начало многогранной деятельности положила выставка картин, которая была открыта в доме Зеленецких по ул. Обруб, 6 с 15 сентября по 1 ноября. На ней было представлено 100 работ, большинство из которых было создано во время пребывания в Швейцарии: пейзажи, портреты, натюрморты, несколько копий с классических произведений.

На рубеже 1917-1918 гг. художник принял участие в X периодической выставке Томского общества любителей художеств, где ему принадлежало 66 из 179 произведений 19 авторов, и где он получил вторую премию.

Следующая выставка состоялась с 3 по 17 марта 1918 года. На ней экспонировалось 169 произведений Зеленецкого и 38 работ семи учеников его школы живописи и рисования.

Последняя выставка была проведена в сентябре перед его отъездом и состояла из 70 работ, преимущественно графических, созданных во время пребывания в Томске.

Столь же активной была деятельность Казимира Зеленецкого в области организации художественного образования в Томске и в Сибири. В ноябре 1917 он объявил набор в частную школу живописи и рисования, где вскоре стало заниматься несколько учащихся вечерних классов Общества любителей художеств. На основе его школы 1 мая 1918 года была открыта Сибирская народная художественная академия, что стало ярким событием в культурной жизни региона. При Академии по инициативе Зеленецкого была создана первая в истории города картинная галерея. На два отделения Академии: живописное и

скульптурное было принято 40 человек. Казимир Зеленецкий временно исполнял обязанности директора, а также руководил работой отделения живописи.

Кроме этого художник принимал живое участие в общественной жизни города и польского общества.

После переворота в мае-июне 1918 года для большинства деятелей культуры складывается крайне неблагоприятная обстановка, замирает и художественная жизнь. В Томске решением губернского комиссариата закрывается Сибирская народная художественная академия, картинная галерея.

Казимир Зеленецкий в октябре 1918 года уезжает из Томска через Японию в Европу.

Его краткое пребывание на родине совпало со сложным историческим периодом. Обладая общественным темпераментом, он оказался на гребне событий. Это аккумулировало энергию, расширило пространство поисков в процессе творческого развития. С его деятельностью связана одна из ярких страниц в художественной жизни Томска, но вскоре имена инициаторов культурных начинаний были забыты. Оставшиеся в Томске работы К. Зеленецкого оказались в музее, но хранились в фондах и были известны немногим. Только в 1980-е годы некоторые из них начали экспонироваться, затем появились публикации в прессе. В 1993 г. часть наследия была систематизирована и введена в научный оборот. В 1998 г. была организована выставка «К. Зеленецкий и его школа», на которой впервые были показаны все произведения из фондов Томского художественного музея (6 живописных и 12 графических работ).

Данная публикация - один из этапов начатой работы по изучению творческой биографии художника.

ПОЛОНИЯ г. БАРНАУЛА: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

В.М. БУБНОВИЧ

г. Барнаул

Мне особенно дорого то, что эта конференция проходит в городе Томске, где я родился, учился, работал, где похоронены мои родители. Знаменательно для меня и то, что открытие конференции совпало с днем моего рождения.

Волею судьбы, как и многие соплеменники, мои предки в самом конце прошлого века оказались на Томской земле и связали свою судьбу с Сибирью. Мы, потомки ссыльных и переселенцев, помним свои корни, стараемся сохранить польский язык и традиции. Страшный меч "большого террора" разорвал связь поколений, отбросил назад то, что было сделано нашими предками на сибирской земле. Теперь мы стараемся восстановить разрушенное, что достигается с трудом. Среди сибиряков много людей, имеющих польские корни. Очевидно, ассимиляции невозможно избежать, т.к. на рабочем месте и в быту - иная языковая среда. К тому же, мы, к сожалению, плохо знаем, или вовсе не знаем своего языка, традиций... Поэтому чрезвычайно важно, чтобы проходили у нас не только научные форумы, но и дни культуры, на которые бы приезжали к нам музыканты, артисты, писатели из Польши. Было бы неплохо, например, проводить в Польше съезды поляков, работающих в одной отрасли, а в школах и других учебных заведениях России изучался желающими польский язык. Сибирским полякам есть что сказать и показать.

У нас в Барнауле, к сожалению, нет дипломированных специалистов в области польского языка и культуры. Хотя в наших вузах и преподается факультативно польский язык, но делают это не специалисты. Ровно через неделю исполнится 5 лет со дня регистрации нашего Центра в Управлении юстиции Алтайского края. Мне, первому председателю, было очень трудно создавать практически на ровном месте общественную организацию. Результаты работы налицо. Особенно был насыщенным прошедший год, который проходил под знаком 200-летия со дня рождения великого польского поэта Адама Мицкевича. У нас прошли выставки, концерты, дни культуры, на которые приезжал 1-й секретарь Посольства в Москве пан Ежи Ольшевский, а венцом всего был приезд делегации Посольства во главе с послом паном Анджеем Залуцким.

Центр поддерживает тесные контакты с католической общиной города и выступает за скорейшее решение вопроса передачи общине бывшего католического костела. Три года назад мы выступили с заявлением, поддержав законное требование общины о передаче ей костела. Нынешний глава Администрации края отменил все ранее принятые постановления, распоряжения и перенес решение вопроса на 2000 год- т.е. на период, когда в стране будут

проходить и президентские выборы, и выборы глав администраций края и города. Поэтому руководство общины сейчас ставит вопрос конкретизировать сроки передачи здания костела. Всю историю этой «волокиты» газета «Московский комсомолец на Алтае» рассказала в статье «Долгая дорога к храму», опубликованной в прошлом году.

Мы хотели, чтобы имена тех поляков, которые внесли свой существенный вклад в развитие культуры и науки Сибири, были увековечены. В этой связи я лично четыре года назад через газету "Вечерний Барнаул" обратился с открытым письмом и предложением к общественности и руководителям о присвоении имени Антония Марцинковского одной из улиц или одного из учебных заведений города. Это был поляк, который очень много сделал для развития культуры Барнаула, но был расстрелян «как польский шпион» в 1938 году. Имя другого замечательного человека, архитектора Яна Носовича, кроме специалистов мало кто знает. Нам неизвестно, когда и где его прах был предан земле. Имелись сведения, что в 1929 году он уехал в Краков. Но в Кракове и Варшаве все мои попытки отыскать следы Носовича не увенчались успехом. После выступления на 1 Всемирном съезде полонийных организаций в 1995 году я получил письмо из Ягеллонского университета о том, что были изучены все имеющиеся в его распоряжении материалы и следов архитектора в Польше не найдено. Вполне возможно, что он ушел в мир иной на территории бывшего СССР. К сожалению, у нас нет памятника полякам, умершим в годы второй мировой войны и замученных в годы сталинских репрессий. С предложением соорудить памятник мы официально обращались в Администрацию города, но от Главархитектуры получили отказ. Поэтому в знаменательные дни некуда возложить цветы в память о тех, кто прежде, чем остаться лежать вечно на Алтайской земле, так много претерпел лишений. Ведь Алтайский край по количеству депортированных поляков на 1943 год занимал первое место в России и третье в бывшем СССР. В энциклопедии Алтайского края, эта цифра составляет 14650 человек, а согласно данным Архива Президента страны - 15 893 человека.

Как известно, в 1946 году многие из них вернулись на Родину, но по разным причинам - не все. Нам известно, что в Польше при общественной организации «Союз сибиряков» есть организация «Дети Алтая».

К сожалению, в изданной литературе очень мало или почти ничего не говорится о памятниках, связанных с польской культурой на Алтае. Так, в прошлом году работники краевого Архива, готовя выставку, волновались - хватит ли материалов? Но результаты превзошли все ожидания: материалов хватит на много выставок. Сейчас Архив готовит сборник материалов по истории поляков на Алтае. Но есть трудность: за работу кто-то должен заплатить, т.е. должен быть заказчик (спонсор). У Центра, к сожалению, денег нет.

В справочной литературе, изданной на Алтае, не сказано ни слова о Центре. Люди, желающие стать его членами, переехавшие из ближнего зарубежья, с большим трудом отыскивают нужную информацию, или им в ней отказывают. Поэтому мы с нетерпением ждем выпуска энциклопедии г. Барнаула, где будет информация о городском центре.

Мы хорошо осознаем, что той работы, которую проделываем, совершенно недостаточно для выполнения задач центра, заложенных в Уставе. Ведь наша организация - общественная. Каждый из ее членов в трудоспособном возрасте работает на каком-либо предприятии или в учреждении, и почти не остается времени на общественную деятельность. Более того, некоторые задаются вопросом: что я буду из этого иметь лично? Поэтому, как мне кажется, энтузиастов необходимо поддерживать и морально и материально. В противном случае сомнительно, чтобы общественная организация могла долго и плодотворно работать на энтузиазме.

Хотелось бы надеяться, что настоящий форум сибирских поляков станет традиционным и внесет свой вклад в консолидацию наших внутренних сил и взаимообогащение культур двух братских славянских народов: польского и русского.

"ПОЛЬСКИЙ СЛЕД" В ТОМСКОМ ПОЛИТЕХНИЧЕСКОМ УНИВЕРСИТЕТЕ

И.Т. ЛОЗОВСКИЙ, Н.Б. МОИСЕЕНКО, В.В. ОФИЦЕРОВ
г. Томск

Датой основания Томского технологического института (ТТИ) считается 11 мая 1896 года, когда было официально принято решение о его создании. Занятия в институте начались 9 октября 1900 года. Это был первый и долгое время единственный технический вуз на Востоке страны. В 1925 году он был переименован в Сибирский технологический институт (СТИ), в 1934 - в Томский индустриальный институт (ТИИ), в 1944 - в Томский политехнический институт (ТПИ), а в 1991. году - в Томский политехнический университет (ТПУ).

Среди первых профессоров и преподавателей Томского технологического института было много поляков. Одним из основателей института был Владимир Афанасьевич Обручев, правнук ректора Варшавского университета, профессора Ф. Тымовского. Исследователь Сибири, Центральной и Средней Азии, неутомимый путешественник, писатель, автор научно-фантастических романов, профессор, а впоследствии академик, он долгие годы был деканом горного отделения института, членом Совета института. Им написан ряд учебников: "Полевая геология" в двух томах, "Рудные месторождения", "Основы геологии" и др., по которым обучались многие поколения студентов. Романы В.А. Обручева "Плутония", "Земля Санникова", "Золотоискатели в пустыне", "Рудник Убогий" и другие широко известны читателям.

По рекомендации профессора Петербургского горного института Карла Ивановича Богдановича, которого всю жизнь связывала большая крепкая дружба с В.А. Обручевым, в ТТИ был принят на работу выпускник Петербургского горного института Павел Павлович Гудков - внук ссыльного поляка. Крупнейший ученый Сибири, П.П. Гудков в ТТИ прошел путь от лаборанта до профессора, заведовал кафедрой, был проректором института, директором Сибирского Геологического Комитета.

В 1920 году его пригласили читать лекции в США. Со временем он стал одним из ведущих ученых этой страны, главным консультантом нефтяных компаний США и Мексики. Кстати, К. Богданович в 1919 году вернулся на Родину, работал в Кракове, затем возглавлял геологическую службу и Академию наук Польши.

Одними из первых в ТТИ приехали также профессора М.Э. Янишевский, П.К. Соболевский, И.И. Рончевский, З.А. Рокачевский, В.Я. Мостович, крупнейший специалист в области горного дела С.Ю. Доборжинский, физик, писатель-фантаст Ф. Оссендовский. Все они стали крупными учеными, прекрасными педагогами, их имена навсегда вошли в историю Сибири и

отечественной науки. В 1903 году профессор М.Э. Янишевский представлял Россию на международном конгрессе в Вене.

Профессор Петр Константинович Соболевский, создатель учения о подземной геометрии недр, основатель специальности "Маркшейдерское дело" (томские маркшейдеры стали первыми специалистами этого профиля в России), был, кроме того, одаренным музыкантом, окончившим консерваторию. В свободное время Петр Константинович с женой Ольгой, прекрасной пианисткой, а затем и с детьми, давал томичам концерты, которые пользовались у горожан большой популярностью. Его дочь стала впоследствии знаменитой певицей, любимицей самого К.С. Станиславского, о котором она написала свои воспоминания. Сын Петр стал известным артистом кино, автором книги "Моя жизнь в кино".

В последующие годы, когда профессоров П.К. Соболевского и В.Я. Мостовича уже не было в живых, неоднократно проводились мировые конгрессы, посвященные их памяти и заслугам в науке.

С 1910 по 1923 гг. в ТТИ работал крупнейший ученый, будущий академик в области металлургии и коксохимии Николай Прокопьевич Чижевский. В Томске он занимался изучением влияния азота, углерода, марганца и кремния на механические свойства железа и стали, заложил основы металлургии азотированной стали.

Были потомки поляков и среди ректоров института, попавших по разным причинам в Сибирь. Это профессора Н.В. Гутовский, металлург, И.И. Каляцкий, энергетик, который и до настоящего времени заведует кафедрой техники высоких напряжений в ТПУ.

Николай Владимирович Гутовский в ТТИ прошел путь от лаборанта до ректора института. Его открытие в металлургии, принесшее ему мировую известность, вошло во все специальные справочники мира как «Эффект Гутовского». Он был одним из главных авторов проекта Кузнецкого металлургического комбината. При ректоре Гутовском в институте был построен первый в Сибири самолет, была выпущена группа специалистов-авиаторов, среди которых был сын Николая Владимировича - Владимир Гутовский, который стал знаменитым полярным летчиком в 1937 году высадившим на Северном Полюсе экспедицию Папанина. Впоследствии Владимир стал одним из руководителей полярной авиации.

При ректоре Гутовском в ТТИ был создан аэротехнический музей, первый и единственный, равных которому в Сибири не было. В 1912 году Н.В. Гутовский принял участие в Международном конгрессе по химии в Нью-Йорке. Николай Владимирович прекрасно играл на скрипке и был художником.

В связи с нехваткой преподавателей в ТТИ, в первые годы его деятельности на преподавательские должности приглашались сотрудники

Управления Сибирской железной дороги и Томского округа путей сообщений. Среди этих людей было много польских инженеров. Преподавание в институте они совмещали с основной работой. Это были инженеры путей сообщений Е.И. Владовский, С.Ф. Марцинкевич, М.Н. Олтаржевский, крупный специалист в области строительства шоссейных и грунтовых дорог Ф.К. Ясевич.

Следует особо отметить Станислава Антоновича Жбиковского, строителя Обь-Енисейского канала, а затем начальника Обь-Енисейского округа. Это был энциклопедически образованный человек, прекрасный музыкант-скрипач. Он много сделал для развития в Сибири экономики, науки и культуры.

Нельзя не упомянуть имени Викентия Оржешко, сына польского повстанца 1863 года, врача Флорентина Оржешко. Архитектор Викентий Оржешко, выпускник Петербургской Академии Художеств, возвратясь в Томск, совмещал практическую деятельность архитектора с преподавательской работой в ТТИ. Ряд домов в Томске построен по его проектам, ныне они являются памятниками архитектуры и украшением города. Викентий Оржешко стоял у начала школы сибирских архитекторов и инженеров-строителей.

Здесь работал крупный исследователь-механик профессор А.В. Верховский. В 1932 году под руководством доцента В.Д. Томашпольской открыто Сорское медно-молибденовое месторождение.

Более 10 лет возглавлял кафедру теоретической механики доцент С.И. Шубович. Его старшая дочь и жена преподавали на кафедре инженерной графики, а младшая дочь работает в настоящее время главным врачом Межвузовской поликлиники.

Сразу после открытия института в нем обучалось значительное число молодых поляков. В Томск их привело то обстоятельство, что здесь значительно легче было поступить в вуз, чем, например, в Варшаве или в Москве, к тому же плата за обучение здесь была в 2 раза ниже, чем в других городах России, значительно дешевле жизнь.

Так, например, в 1904 году число студентов - поляков составляло около 12% от общего числа студентов в институте. Были среди них приехавшие из польских городов Варшавы, Люблина, Лодзи, Ломжи, Петркова и др. А после оккупации Варшавы немцами в годы первой мировой войны сюда из Варшавы были переведены для окончания обучения несколько групп польских студентов.

В 1906 году в ТТИ состоялся первый выпуск специалистов. Интересен тот факт, что диплом под № 1 был вручен Владимиру Ванюкову, который остался преподавать в ТТИ, получил профессорское звание, а позднее, с 1913 года, некоторое время работал в Варшавском политехническом институте.

Студенты ТТИ - будущие профессора - А.А. Введенский, С.В. Голашевский и А.И. Валединский принимали участие в проектировании первого

сибирского самолета. А.И. Валединский впоследствии стал заместителем генерального космического конструктора.

Став инженерами, уехали в Польшу выпускники ТТИ Павел Колковский, Болеслав Островский и другие. Студент Владимир Шимановский остался в Сибири после окончания института и погиб в годы Гражданской войны. Его именем названы город и железнодорожная станция на Дальнем Востоке.

Во время Великой Отечественной войны проявили героизм и удостоены высших правительственных наград сотрудники института Н.В. Лисецкий, Д.В. Моравецкий. Погибли студенты А. Постольская, В. Климович, М. Петровский.

И сейчас в Томском политехническом университете работают поляки. Многие из них уже обрусели, но хорошо помнят свое польское происхождение. Среди них можно отметить следующих: И.И. Каляцкий, профессор, зав. кафедрой техники высоких напряжений, Б.А. Багинский, профессор, зав. кафедрой промышленной и медицинской электроники, Е.Г. Которова, профессор, зав. кафедрой лингвистики и межкультурной коммуникации (ее прапрадед Юлиан Котковский работал в Кракове, был профессором богословия Ягеллонского университета), Е.Т. Протасевич, профессор кафедры экологии и безопасности жизнедеятельности, Г.И. Шкатова и Л.И. Миненко, доценты кафедры прикладной математики, С.В. Пустынников, доцент кафедры теоретических основ электротехники, А.Н. Древаль, доцент кафедры менеджмента, Е.А. Бабина-Гедройц, доцент кафедры петрографии; преподаватели Ю.О. Серополкова, Н.Б. Моисеенко и многие другие.

Поляки много сделали для развития Сибири. Они во многом способствовали развитию культуры, экономики и просвещения. В настоящее время в рамках целевой программы развития ТПУ до 2000 года по разделу международного сотрудничества ведется работа по созданию межвузовского Российско-Польского центра. Проект открытия этого Центра активно поддерживают сотрудники университета (не только имеющие польские корни).

Очень приятно, что начала живо интересоваться своими предками молодежь - студенты. Для них впервые в ТПУ с 1998 года организованы курсы польского языка, набраны 3 группы студентов и сотрудников из разных вузов г. Томска. Работа по созданию Центра ведется в тесном сотрудничестве с общественной организацией "Центр польской культуры "Дом польский" в Томске".

Эта историческая справка составлена в основном по материалам известного историка и писателя, почетного члена правления "Дома польского", старшего научного сотрудника ТПУ Игоря Трофимовича Лозовского. И.Т. Лозовский - человек нелегкой судьбы: отец был в 1937 году арестован, перед этим умерла мать, и добрые люди посоветовали подростку Игорю срочно уехать с

насиженного места, чтобы избежать участи отца. Проехав всю Украину от границ с Польшей, и всю Россию до Дальнего Востока, он, в конце концов, обосновался в Сибири. Им написана книга о поляках, внесших большой вклад в науку и культуру Томска и Сибири. Эту книгу "Дом польский" с помощью студентов кафедры прикладной математики ТПУ планирует издать к 100-летию университета.

ПОЛЬША И ПОЛЯКИ В ВОСПРИЯТИИ СИБИРСКОГО «СЕМИДЕСЯТНИКА»

В.М. КРЮКОВ

г. Томск

Вот я думаю: а с чего, собственно, полюбил я эту страну - Польшу, никогда в ней не побывав, не слышав о ней восторженных рассказов.

Я родился в Нарымских краях в 1949-м, и все страны были так далеки, отрезанные бесконечной тайгой и болотами. Да что там дальние страны! Город Томск, самый близкий к нам, я увидел впервые на 13-м году жизни, и он поразил меня до глубины души. Впрочем, теперь, немного поглядев мир, я понимаю: Томск – далеко не последний город на земле.

Мой отец, прошедший по той земле как воин-освободитель, с большой симпатией вспоминал полек, воспроизводил несколько фраз, которым научился и среди них – «дзенькую», «пани». Я унаследовал от папаши любовь к полькам (экранным, разумеется). Первой была Люцина Винницка, затем горячившая юношескую кровь чувственная Беата Тышкевич, ну и далее – Барбара Брыльска, Пола Ракса, Кристина Миколаевска...

Кино для моего поколения вообще значило очень много, это было окно в мир, единственное оставленное нам. Конечно, хорошо отслеживалось, что мы там увидим. И все-таки наши цензоры были не всесильны – жизнь просачивалась.

Польское кино незаметно стало частью жизни. Никогда не забуду впечатления от “Пепла и алмаза”, увиденного на первом курсе университета в 1967-м - вовремя и без чьей-то наводки. Какую странную близость почувствовал я к герою Збигнева Цибульского, как щемило сердце, когда умирал он, обманутый и потерянный. Вокруг лежал и летал мусор, и при желании тут можно было увидеть символ отброшенности, ненужности этого человека новому времени. Однако жесткая дилемма “кто не с нами – тот против нас” не работала. И вопреки всякой идеологически верной ориентации просто сострадание вызывал этот Мацек.

Вроде мы жили в одном лагере и (продолжая эту образность), наши бараки стояли рядом, но как-то сохраняли соседи гордость и достоинство, не прятали их, а напротив, старались подчеркнуть. Воплощением этих качеств на экране был Даниэль Ольбрыхский. Ему хотелось подражать – быть таким же дерзким, решительным, сильным, резким.

Те, чья юность пришлась на рубеж 60-70-х, вряд ли забудут замечательные исторические ленты “Крестоносцы”, “Пан Володыевский”, “Фараон”, “Пепел”, авантюрную “Рукопись, найденную в Сарагосе”. Какой там Голливуд! Здесь не было места дурному вкусу, выжиманию слез, бутафории. Не было излишней

помпезности, свойственной нашим эпическим постановкам. И вообще все казалось роднее и ближе.

Я мало что знал о современной жизни этой страны. Не воспринимать же как последнюю правду мажорные репортажи со страниц журнала “Польша”. Знал, что климат там – не сахар, и земля не богата, а значит, требует труда. Знал, что народ живет непросто. И при том сохранять гордость, свободолюбие – это вызывало безусловное уважение.

В ту пору наши девушки мечтали получить в подарок косметику фабрики “Pollena”, какие-то кожаные безделушки, сумочки – у поляков были стиль и шарм.

Пропольские мои настроения пытались остудить доброхоты. Говорилось о польской фанаберии (давили авторитетом Достоевского), что-то приводили из личных впечатлений, про то, как неприязненно относятся они к нам, русским. Ну а почему надо было ждать другого? Разве не “ходили мы походами” по чужим полям? Правда, все не так просто и одномерно. Вспомним стихи Тютчева, сложенные после подавления польского восстания против владычества России (1831 г.):

Так мы над горестной Варшавой
Удар свершили роковой,
Да купим сей ценой кровавой
России цельность и покой.

Поэт уверял, что русских одушевляла мысль “грозой спасительной примера державы цельность соблюсти”. А что одушевляло век спустя нашу красную Конармию? Признаюсь, мне никогда не было досадно наше поражение под Варшавой в 1920-м, наоборот, я совсем непатриотично был на той стороне.

Однако, если уж на то пошло, и поляки были в Москве в 1612 году не как добрые гости. А вот – близкое, кровное, через себя. К началу 80-х стало просто невмоготу душно в отечестве нашем. Решили добиться какого-то небывалого бетонного единства, что ли. Всех “отщепенцев” повыловили, посажали, повыслали за кордон. Тут тоже не пикни. Мало того, даже чтением стали управлять: это можно, а это – нельзя, а за это даже и посадим. Паскудно, муторно.

И тут взошла звезда “Солидарности”. Это гордое звучное имя профсоюза рабочих Гданьска, возникшего без разрешения государства и ставшего реальной силой, сделалось нашим паролем. Мы с понятным волнением следили за противостоянием “Солидарности” и власти. Такого еще не было! Вдруг родилась надежда, что это – начало, что должна же когда-то развалиться бесчеловечная тоталитарная система.

Помню, зимним вечером мы – тогда изгнанные со своих рабочих мест и жившие случайными заработками – выпили за победу Валенсы: “Еще Польша не сгинела!” А дня через два в Польше было введено военное положение.

Шесть лет назад в Питере, на международной правозащитной конференции, я впервые увидел рядом живых поляков. Тогда в перерыве я подошел к пожилому человеку со значком “Солидарности” и спросил, ощущали ли они какую-то моральную поддержку отсюда, из России.

- Да что вы, - возразил он. – Мы все боялись ваших танков.

Ну и о каком же доброжелательстве мечталось нашим туристам? Или они ждали подтверждения лозунгу, заявленному на обложке рекламного проспекта “Польша – страна друзей”? Может быть, мы действительно постепенно станем друзьями. Теперь люди общаются без комсомольско-партийного присмотра. Значит, можно разглядеть просто человеческое друг в друге. А трагический опыт истории у нас общий. Вот и у Булата Окуджавы в посвящении Агнешке Осецкой:

Мы связаны, Агнешка, давно одной судьбою

В прощанье и в прощеньи: и в смехе и в слезах...

ТОМСКИЕ УЧЁНЫЕ-МЕДИКИ ПОЛЬСКОГО
ПРОИСХОЖДЕНИЯ В СФЕРЕ СОВРЕМЕННЫХ ДОСТИЖЕНИЙ
ИЗУЧЕНИЯ И ЛЕЧЕНИЯ АТЕРОСКЛЕРОЗА

Н.В. КАНСКАЯ
г. Томск

При создании медицинского факультета на базе Томского университета неоценимый вклад в медицинскую и другие науки внесли учёные-медики польского происхождения. Мы гордимся научными достижениями, сделанными в своё время такими учёными как Залесский, Данилевский, Завадовские и другие.

Под руководством и при непосредственной деятельности член-корр. РАМН, академика МАН ВШ В.В. Новицкого в СМГУ свято чтят преемственность поколений, научных школ, развивают международные контакты, как в сфере медицины, так и медицинской культуры, пропагандируемой в широких слоях населения. С пониманием относятся к этим видам деятельности СГМУ в НИИ медицинского профиля ТНЦ СО РАМН и МЗ РФ.

Так, на базе НИИ КиФ МЗ РФ, возглавляемом д.м.н., профессором, академиком РАЕН Е.Ф. Левицким совместно с д.м.н., професором кафедры биохимии СМГУ, Соросовским профессором, членом-корреспондентом МАН ВШ Н.В. Канской создана клиничко-лабораторная база для разработки способов ранней диагностики первичных и вторичных дислиппротеинемий атерогенного генеза у детей и взрослых пациентов. Впервые группой учёных разрабатывается алгоритм для фенотипирования латентных «доклинических» стадий дислиппротеинемий с целью разработки способов их своевременной коррекции, первичной и вторичной профилактики, что позволит снизить заболеваемость и смертность по причине атеросклероза, а также устранять осложнения при лечении хронической почечной и печёночной патологии. Результаты этих исследований изложены в 15 изобретениях, 252 публикациях, 2 монографиях и методических руководствах. Эти данные широко обсуждаются в отечественной и международной печати.

Учёные-медики, имеющие польские корни, активно трудятся в сфере науки в интернациональном коллективе, что позволяет им достигать высоких научных результатов и принимать активное участие в культурной и общественной работе Вуза.

АРХИВНЫЕ ДОКУМЕНТЫ О ССЫЛЬНЫХ ПОЛЯКАХ В ТОМСКОЙ ГУБЕРНИИ В ФОНДАХ ГОСУДАРСТВЕННОГО АРХИВА ТОМСКОЙ ОБЛАСТИ

В.И. Марков, В.А. Ханевич
г. Томск

В последние годы значительно возрос интерес зарубежных и отечественных исследователей к истории польской диаспоры в Сибири вообще и в Томской губернии, в частности. Исследования ведут учёные-полонисты и краеведы, студенты и журналисты, рядовые граждане польского происхождения, ищущие свои исторические корни. Интерес приводит их в Государственный архив Томской области (ГАТО) потому, что в фондах архива хранится большое количество документов, отражающих историю польского народа, связанную с Сибирью.

подавляющая часть описываемых документов, хранящихся в ГАТО, связана с историей, а точнее последствиями польского национально-освободительного и революционного движения в XIX - начале XX вв. Значительная часть документов указанного характера, отложилась в таких фондах ГАТО, как: фонде канцелярии Томского губернатора (Ф.2); фонде Томского губернского управления (Ф.3); фонде Томского городского полицейского управления (Ф.104); фонде Заведующего по водворению польских переселенцев при Министерстве внутренних дел (Ф.270); фонде Томского губернского жандармского управления (Ф.411); фонде Томского уездного исправника (Ф.419), фонде Комиссии военного суда при управлении Томского губернского воинского начальника (Ф.512).

Больше всего документов о ссыльных поляках отложилось в Тюремном отделении и экспедиции о ссыльных Томского губернского управления. В числе этих документов: правительственные распоряжения об организации ссылки; алфавитные и статейные, партионные и распределительные списки поселенцев; списки участников польских восстаний 1831-1832 гг. и 1863 г; места расселения и причисления ссыльных в различные сословия; статистические сведения о количестве ссыльных в губернии, об их быте и занятиях; прошения на выдачу денежного и кормового довольствия, о восстановлении дворянского звания, переписка о прошениях ссыльных на родину и т.п.

В этом же фонде имеются документы с прошениями групп верующих ссыльных и поселенцев католиков по вероисповеданию о разрешении строительства костёлов; проекты костёлов; переписка руководства православной епархии Томской губернии с Томским губернатором о взаимоотношениях с

католическими священниками; списки ксендзов; Устав римско-католического благотворительного общества и т.д.

В фонде Томского городского полицейского управления сохранились списки политссылных по г. Томску и губернии; алфавитные и статейные списки; списки лиц, состоящих под гласным и негласным надзором полиции; списки ссыльных, получающих денежное довольствие от казны; справки о политической благонадёжности и т.д.

В фонде Комиссии военного суда (Ф.512) хранятся дела об участниках польского восстания 1863 года, сосланных в Сибирь.

В фонде заведующего по водворению польских переселенцев содержится переписка о расселении последних на территории губернии, о выдаче денег на обзаведение хозяйством; обзор условий жизни и обустройства на новом месте переселенцев в различных волостях Каинского уезда.

Среди невольных жителей Сибири оказались и эвакуированные из прифронтовых районов в годы Первой мировой войны. Среди них были и поляки. В помощь им в 1915 году в Томске был учреждён губернский комитет по устройству беженцев (Ф.7). В этом фонде отложились журналы заседаний губернского, городских и уездных комитетов помощи беженцам; статистические сведения и ведомости о количестве беженцев в губернии, распределении их по уездам; сметы расходов на оказание им помощи и пояснительные записки к ним; данные об их размещении и снабжении; списки беженцев.

В фонде Томского уездного воинского начальника (Ф.416) есть сведения о военнопленных поляках австро-венгерского и германского подданства. В фонде Томского губернского управления по эвакуации населения (Губэвак) (Ф.Р.1077) имеются сведения о репатриации военнопленных и реэвакуации гражданского населения; документы по учёту военнопленных и регистрации граждан польской национальности. Этой же теме, оптации поляков - бывших военнопленных и беженцев Первой мировой войны, периода начала 20-х годов посвящены многие документы, хранящиеся в фонде Томского губисполкома (Ф.Р.173).

Большим вниманием исследователей польской диаспоры в Сибири пользуются метрические книги Томской римско-католической общины, находящиеся в фонде Ф.527 и характеризующие интенсивность религиозной жизни католической общины на территории Томской губернии с 1866 до 1920 года, преимущественно состоящей из поляков.

После завершения гражданской войны и польско-советского военного столкновения 1920 года на территории советской России продолжало оставаться значительное количество лиц польской национальности, а также стали появляться перебежчики из Польши, как правило, члены разделённых семей, оказавшиеся по разные стороны границы. Такие лица высылались под надзор карательных органов в центральные районы России и в Сибирь. Многие из них работали на

предприятиях г. Томска, в архивных фондах которых имеются списки польских перебежчиков, переписка о них между администрациями предприятий и органами НКВД. Подобные документы встречаются в фондах треста «Томлес» (Ф.Р.858), Томской лесоперевалочной базы треста «Томлес» (Ф.Р.1181), Томской карандашной фабрики (Ф.Р.948) и других. Во второй половине 30-х годов практически все они оказались в числе лиц, необоснованно репрессированных органами НКВД. Поэтому их архивно-следственные дела хранятся уже в фондах архива УФСБ по Томской области.

Настоящий обзор не претендует на полный и исчерпывающий анализ и перечень всех архивных документов, содержащих информацию о поляках в Томской губернии. В данной работе уделяется внимание преимущественно только документам о поляках, связавших свою жизнь с Сибирью невольно. Однако следует сказать, что в этот же период в Сибири жило немало поляков, оказавшихся в Сибири в ходе добровольной переселенческой миграции, работавших в разных сферах деятельности и также оставивших заметный след в хозяйственном и культурном освоении территории бывшей Томской губернии.

Процесс выявления документов по истории польской диаспоры в Томской губернии в ГАТО продолжается, в рамках программы сотрудничества ГАТО и ТПНЦ «Белый Орёл» осуществляется работа по составлению электронного указателя архивных документов по теме «Ссылные поляки в Томской губернии», призванного облегчить работу исследователей в поиске архивных документов по данной теме.

ДОКУМЕНТЫ ЦЕНТРА ДОКУМЕНТАЦИИ
НОВЕЙШЕЙ ИСТОРИИ
ТОМСКОЙ ОБЛАСТИ О ПОЛЯКАХ.

С.Я. БОРЩЕВА
г. Томск

История жизни поляков на территории современной Томской области в период 1920 - 1940 годов XX века в значительной степени отражается в документах Центра документации новейшей истории Томской области, в фондах: «Томский губком ВКП (б)», «Кривошеинский райком ВКП (б)» и в Коллекции документов «Борьба за установление Советской власти и социалистическое строительство».

Хочу сразу оговориться, что документы Центра документации новейшей истории Томской области, о которых пойдет речь, уже известны, и частично были использованы исследователями.

В настоящее время Центром документации проделана работа по тематическому выявлению документов по истории поляков. По результатам этой работы предполагается при наличии у Центра средств, выпустить тематический перечень документов, находящихся на хранении в Центре, который будет способствовать облегчению поисковой работы исследователей. К большому сожалению новых, сенсационных документов, касающихся данной темы обнаружить не удалось. Беглый анализ выявленных документов показывает, что общественно-политическая обстановка в обществе всецело влияла на политические настроения и взгляды представителей всех национальностей, в том числе и поляков. Этим и объясняется неоднозначное отношение поляков к проводимой в стране политике первых лет Советской власти.

В фонде «Томский губком ВКП (б)» имеется значительный пласт документов, отражающий деятельность польской секции, а затем подотдела Томского губкома РКП (б). По документам мы можем проследить ту общественную активность, которую проявляли поляки после окончания гражданской войны. Свои национально-политические и культурные потребности они старались реализовать через свои общественные организации. Был образован польский Народный, а затем Рабочий дом, где организовывались митинги, читались лекции, проводились концерты.

Если говорить конкретно, то документы фонда можно условно разбить на 3 группы:

1. Деятельность польской секции, а затем подотдела национальных меньшинств Томского губкома РКП (б) по агитации и пропаганде среди польского населения;

2. Деятельность подотдела национальных меньшинств в деле народного образования;

3. Репрессивные акции, которые проводились против представителей польской национальности.

Примером документов, относящихся к первой группе, может служить письмо инструктора польского подотдела Томскому губкому РКП (б) Казимира Буляндю, где объясняется, что в Западной Сибири в колчаковское время насчитывалось около 400 тысяч поляков. «А в настоящее время некоторые из них негативно относятся к Советской власти, хотят вернуться в Польшу, поэтому среди них нужно проводить агитационную работу [1]».

В связи с этим создается «Агитлетучка» для проведения лекций, митингов, концертов [2].

На заседании Томского губкома РКП (б) были утверждены тезисы по ведению агитации и пропаганды на тему: «Польский фронт» для привлечения добровольцев [3].

В докладе на 4 Томской губернской конференции о работе секций национальных меньшинств говорилось, что поляков на данный момент насчитывается 22 тысячи, поэтому нужно проводить среди них не только агитационно-массовую работу, но и изучать методы подхода к ним, определяя характер и бытовые особенности [4].

Далее в письме Томского губисполкома в Томский губотдел РКП (б) и подотдел национальных меньшинств говорится о необходимости командировать в Ново-Александровскую волость коммунистов, латыша и поляка для ведения агитационно-массовой работы. В документе указывается, что поляки крайне религиозны и на них большое влияние оказывают ксендзы [5].

Из документов следует, что польский подотдел уделял внимание развитию народного образования среди польского населения.

Так в обращении польской организации при Томском губкоме РКП (б) в Томский губотдел народного образования говорится об открытии школ в селе Белосток и Полозове и направлении в школы учителей поляков [6].

Даются сведения, что в Молчановской волости в селе Полозове - 502 человека поляков, а детей школьного возраста - 50, в селе Белостоке - 463 поляка, а детей - 46, в Малиновской - 175 поляков, 15 детей [7].

Далее в докладной записке инструктора подотдела национальных меньшинств Томского губкома РКП(б) в Томский губотдел народного образования говорится о необходимости изъятия комнат дома ксендза для школы. Документ гласит, что в Ново-Александровской волости Томского уезда находятся две польских школы первой ступени. Одна - в поселке Полозове: число посещающих 50 человек. Вторая - в деревне Ново-Рыбалово (Белостокский поселок). Число детей, которые должны посещать школу — 150 человек, не

считая близлежащих поселков и хуторов. В настоящее время школа помещается в избе одного крестьянина, который пожертвовал ее ради неприкосновенности дома, в которой живет католический ксендз. Необходимо изъять 2 комнаты дома ксендза под школу.

В случае бойкотирования школы прихожанами принять меры вплоть до наложения штрафа в виде отправки саботирующих школу родителей на принудительные работы [8].

О репрессиях 20-х годов против представителей польской национальности и священнослужителей, свидетельствуют материалы по обвинению Векер Эдуарда Осиповича, инженера и его жены Векер Матильды Юлиановны, которых обвинили в якобы контрреволюционной деятельности, вменяя им в вину организацию польских легионов и агитацию против Советской власти в период колчаковщины.

Польская секция национальных меньшинств при Томском губкоме РКП (б) стремилась выступить в их защиту.

В переписке с Губчека по данному вопросу представители секции дают им хорошие характеристики. Интересен тот факт, что жена Аркадия Иванова, первого комиссара милиции Томской губернии, Анна Иванова, ходатайствует об их освобождении [9].

Известно, что в период гражданской войны многие священнослужители, в том числе, и сибирские католики однозначно не поддерживали и не одобряли действия большевиков, но по-разному они относились и к власти белых генералов. Одни признали власть адмирала Колчака, другие, а это главным образом патриотически настроенные поляки, не поддержали лидеров белого движения в их стремлении выступить единым фронтом против Красной армии, потому что те давали полякам слишком туманные заверения в их национальном определении. Подобные взгляды выражали не только поляки из числа политических деятелей, но и представители духовенства. В результате они подвергались репрессиям со стороны колчаковской администрации. Примером этому служит сообщение инструктора польского подотдела национальных меньшинств Томского губкома РКП (б) Казимира Буляндю в избирком РКП (б) о взаимоотношениях комячейки и католического прихода в селе Маличевка.

В документе указывается, что ксендз Грабовский был сослан еще в 1918 году в поселок Маличевку за то, что открыто высказывался в своих проповедях, против участия польских легионов на стороне Белой армии.

Но, как следует заметить, с приходом Советской власти, положение ксендза Грабовского, как и других католических священников, еще больше усугубилось. Он стал подвергаться травле и преследованиям со стороны секретаря местной партячейки Сидора Вудцана, по доносу которого и был отправлен в губчека, но вскоре освобожден по амнистии.

Польский коммунист Буляндо докладывал, что Грабовский - типичный образец католического священника. В беседе Грабовский заявил, что не может сочувствовать коммунистам, так как те выступают против частной собственности, а для него частная собственность - это «забронированная святость».

Казимир Буляндо докладывал, что жители высказывают жалобы на то, что католический приход занят под школу, а ксендза несправедливо преследуют коммунисты [10].

В этот же период времени началась кампания по изъятию церковных ценностей под предлогом борьбы с голодом в Поволжье.

В документах Центра сохранились письма польской секции РКП (б) в губком партии с просьбой выдать им ордера на право конфискации у ксендза Попаляйтиса всех книг и документов или же у ликвидированного римско-католического благотворительного общества и изъятия из костела фисгармонии-органа, для нужд польской школы, "так как у ксендза есть две"[11].

Таким образом, поляки практически были лишены последней возможности общения на религиозной основе.

Естественно, что население к репрессиям относилось крайне негативно. Так в докладной записке секретаря польского бюро Томского губкома РКП (б) о работе в деревнях и отношении польского и литовского населения к комячейкам указывалось, что взаимоотношения крайне испорчены, т. к. население считает комячейки виновными в репрессиях и проведении продразверстки. Вследствие этого отдельные комитеты в деревне живут обособленной жизнью, в некоторых же селениях чувствуется глубокая вражда к коммунистам и коммунисты носят оружие [12].

С наступлением 1937 года началась крупномасштабная общегосударственная акция по «очистке» общества от «всякого рода антисоветских элементов», которая сопровождалась серией специальных мероприятий в отношении многих этнических групп. Но надо сказать, что репрессированным предъявлялся не сам факт принадлежности к той или иной национальности, а та общественная политическая деятельность, которая осуществлялась в рамках национального самовыражения и не была инициирована советскими партийно-государственными структурами.

Например, в документах фонда "Кривошеинский райком ВКП (б)" хранятся протоколы заседаний кривошеинского райкома партии об исключении из партии, снятие с должности за немыслимые преступления, якобы за "пособничество врагам народа". Так был исключен из партии и арестован как "враг народа" директор Белостокской школы Червонный, впоследствии он был расстрелян.

Я привела краткую аннотацию лишь отдельных документов. Есть в фондах Центра документы на польском языке, а также автобиографический материал, который ждет своего исследователя.

1. ЦДНИ ТО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1550. Л. 5-6.
2. ЦДНИ ТО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1549. Л. 20-21.
3. ЦДНИ ТО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 22. Л. 34.
4. ЦДНИ ТО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 50. Л. 126-127.
5. ЦДНИ ТО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1553. Л. 135.
6. ЦДНИ ТО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1549. Л. 179.
7. ЦДНИ ТО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1466. Л. 20-20 об.
8. ЦДНИ ТО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1553. Л. 133.
9. ЦДНИ ТО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 8. Л. 143-149.
10. ЦДНИ ТО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1550. Л. 11-15.
11. ЦДНИ ТО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1549. Л. 340, 347.
12. ЦДНИ ТО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1549. Л. 206.

ИСТОЧНИКИ ИЗУЧЕНИЯ ИСТОРИИ ПОЛЯКОВ XIX - XX В.В. В ВОСТОЧНОЙ СИБИРИ

М. Р. НОВОСЕЛОВА.

г. Иркутск

История пребывания поляков в XIX - XX в.в. в Восточной Сибири в русскоязычной литературе поэтапно освещена в многотомной "Истории Сибири", трудах Б.С. Шостаковича, В. Масяржа, С.Ф. Коваля и др. Эти издания содержат сравнительно небольшое число имён поляков а, тем более, их биографий.

Историко-архивная группа общества "Огниво" с 1995 г. начала поисковую работу с целью восполнения этого пробела. На первых порах просматривались различные публикации, касающиеся жизнедеятельности поляков на сибирской земле. Было установлено, что наибольшую информацию содержат местные издания крупных сибирских городов (Иркутск, Чита, Улан-Удэ и др.). Приводимые в них сведения относятся, главным образом, к политическим ссыльным.

Справочные издания типа "Памятных книжек", "Адрес-календарей", "Сибирских торгово-промышленных календарей", разнообразные отчеты о многолетней деятельности государственных и общественных организаций (Губернское правление, военное ведомство, железная дорога, частная торговля и предпринимательство, отделы Русского географического общества, благотворительные объединения и др.) позволяют восстанавливать фамилии поляков- ученых, чиновников разного ранга, военных, врачей, учителей.

Местные газеты дореволюционного и советского периодов содержат интересные материалы о деятельности поляков: экспедиции А.Л. Чекановского, Б.И. Дыбовского, В.Ч. Дорогостайского, юбилей А.И. Деспот-Зеновича, некрологи И.Д.Черского, Н.И. Витковского и др. В рубрике чрезвычайных происшествий сообщается об ограблениях и убийствах, в которых поляки не только жертвы, но и участники преступлений.

В изданиях обществ "Мемориал" восстанавливаются имена поляков, безвинно пострадавших от репрессий, а в многотомной "Книге Памяти" названы участники Второй мировой войны.

На все просмотренные публикации составлены библиографические карточки с обязательным внесением в них фамилий людей польской национальности.

Необъятное количество информации о поляках содержится в Государственном архиве Иркутской области (ГАИО), а также в специализированных архивах (партийном, научном, военном и др.). В ГАИО, кроме общеизвестных фондов Римско-католической церкви и Полицейского

управления, сведения о поляках обнаружены в таких фондах, как Главное управление Восточной Сибири, Казённая палата. Врачебная управа, Городская публичная библиотека, Иркутская духовная консистория и др. С помощью этих данных воссоздаются горестные судьбы ссыльных, ступени служебной карьеры чиновников, определяется реальный вклад поляков в культурную и общественную жизнь Иркутской губернии на разных этапах её развития. Следует заметить, что сведения о польских женщинах и детях сосредоточены, главным образом, в архивах. Все материалы, обнаруженные в разрозненных архивных делах, конспектируются и систематизируются во времени.

В процессе восстановления истории поляков в Сибири еще недостаточно используется такой источник информации, как живые контакты с потомками поляков, зачастую не видевших своей прародины, но хранящих в памяти рассказы родителей, бабушек и дедушек, а в домашних архивах - письма, фотографии, книги на польском языке.

Для получения сведений такого рода в обществе «Огниво» были разработаны опросные листы, заполнение которых даёт возможность восстанавливать истории польских семей на сибирской земле за многие десятилетия. К опросным листам нередко прилагаются фотографии, схемы генеалогического древа, семейные версии появления предков в Сибири. Информация передаётся, главным образом, членами «Огнива», но и некоторые иркутяне, не входящие в состав общества, изъявляют желание сохранить имена своих польских прародителей для истории.

С использованием всех вышеперечисленных источников информации о поляках в Восточной Сибири в XIX - XX в.в. удалось пунктирно восстановить истории судеб отдельных польских семей, таких как Кейсевичи, Коперские, Ляховские, Маньковские, Михновичи, Пауллеры, Сельвинские, Скочинские, Тельшевские, Хлопицкие и др. Иркутский государственный архив любезно согласился принять эти и другие материалы из жизни общества «Огниво» на постоянное хранение.

Воссоздаваемые биографии сибирских поляков и их семей несомненно нуждаются в дополнении их материалами, касающимися жизни этих людей до ссылки или переезда в Сибирь: место рождения, социальное положение, род занятий и т.п. Это станет возможным лишь при развитии активных контактов с учёными, архивистами и просто энтузиастами из Польши, Прибалтики и Западных районов России.

За истекшие четыре года историко-архивной группой «Огнива» собран большой фактический материал о пребывании поляков в Восточной Сибири. Его систематизация и практическое использование станет возможным лишь при создании компьютерного банка данных. Необходимой техникой историко-архивная группа пока не располагает.

Немаловажным условием успешной работы по восстановлению детальной истории поляков в Сибири за четыре столетия (с момента появления первых «литвинов» за Уралом) является создание органа периодической печати сибирских полонийных обществ.

КАТОЛИЧЕСКИЙ НЕКРОПОЛЬ ТОМСКА КАК БАЗА ДАННЫХ О ИСТОРИИ ТОМСКОЙ ПОЛОНИИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX-НАЧАЛЕ XX ВЕКА

В.А. ХАНЕВИЧ

г. Томск

Нами подготовлена к изданию книга «Католический некрополь Томска», посвященная истории католических кладбищ города Томска. Она содержит помимо очерка истории существовавших в городе католических кладбищ, сведения на почти 5 тысяч человек, похороненных на католическом кладбище г. Томска с 1841 по 1920 годы. Эти сведения включают в себя следующую информацию: фамилию, имя, отчество умершего; его социальное положение и место проживания (нахождения) в момент кончины; имена и социальное положение родителей умершего ребёнка; дата смерти и возраст умершего; место кончины; сведения об оставшихся живых членах семьи покойного.

При определении концепции данного некрополя был использован только один критерий: факт погребения человека на католическом кладбище в указанный период. Базой для его составления стали данные, полученные из метрических книг Томской римско-католической церкви и лишь в единичных случаях информация из газетных извещений-некрологов. Этим данная работа принципиально отличается от всех изданных работ подобного характера, имевших место в российской историографии.

Принцип составления всех изданных ранее подобных некрополей был примерно одинаков: в некрополь вносились сведения не о всех похороненных на том или ином кладбище, а только о лицах с высоким общественным положением, известных какими-то заслугами перед обществом. Сведения собирались как путём обхода кладбищ и списыванием с надгробных плит и памятников необходимой информации, так и путём фиксации опубликованных некрологов в периодической печати.

Указанные принципы подхода к составлению некрополей были в то время обусловлены и оправданы имеющимися тогда возможностями сделать детальное описание городских кладбищ. В наше время такой возможности во многих городах просто не существует, т.к. многие старинные и закрытые сравнительно недавно кладбища были полностью разрушены. Что касается газетных некрологов-извещений, то они, за редким исключением, как раньше, так и в настоящее время, отличаются скудостью информации.

Выбор критерия для составления Католического некрополя г. Томска был обусловлен следующими обстоятельствами:

- 1.Отсутствием возможности осуществить описание надгробных плит и памятников вследствие разрушения кладбища в начале 50-х годов.

2. Относительно малым удельным весом (чуть более 3%) католиков в составе населения г. Томска конца XIX - начала XX века и таким образом возможностью полной их фиксации среди умерших в г. Томске при помощи использования архивных документов.

3. Наличием в Государственном архиве Томской области метрических книг Томской римско-католической церкви, позволяющих подробно проследить интенсивность жизни католического прихода г. Томска на протяжении довольно продолжительного периода времени (с 1841 по 1920 годы). Именно этим фактором и определены хронологические рамки данного издания. Метрических книг костёла г. Томска за период с 1816 года, т.е. со времени официального учреждения в городе католической общины и приезда сюда католических священников, по 1866 годы в ГАТО не обнаружено. К сожалению в архиве отсутствуют также метрические книги томского костёла за 1848 год и за 1853-1866 гг.

В 1920 году в Томске была восстановлена Советская власть , был претворён в жизнь декрет об отделении Церкви от Государства и вследствие этого ведение метрических книг в церквях было прекращено (как официальных документов по регистрации актов рождения, бракосочетания и смерти). Эти функции были возложены на отделы ЗАГС местных органов власти, где конфессиональная принадлежность умершего уже не фиксировалась.

Следовательно, при составлении данного издания впервые был использован критерий, позволивший учесть всех без исключения похороненных на данном кладбище за более чем полувековой период. Это позволило ввести в научный оборот сведения о большом количестве лиц разного социального и имущественного положения, возраста и рода занятий, места рождения и национальности.

Как указывают записи метрических книг, на данном католическом кладбище были похоронены люди самого разного возраста: от грудных младенцев до столетних стариков; разного социального положения: от генерала до бездомного бродяги-каторжника. Пожалуй, это было самое многонациональное в городе кладбище. В перечне некрополя мы встречаем часто немецкие, австрийские, чешские, литовские, латышские, словацкие фамилии, можем увидеть русские, итальянские, французские, бельгийские фамилии, однако явно преобладают здесь польские фамилии и имена, что в своё время давало местным жителям полное право называть это кладбище польским. Материалы нашего некрополя наглядно подтверждают данные о том, что католики в Сибири в XIX-начале XX века на 85-90 % состояли из лиц польской национальности.

Документально установлено, что на католическом кладбище г. Томска были похоронены участники польского восстания 1863 года и члены их семей, политические ссыльные, (в том числе и ссыльные католические священники),

польские переселенцы времён земельной реформы П.А. Столыпина, служащие и инженеры управления Сибирской железной дороги, врачи и землемеры, преподаватели томских вузов и учителя городских гимназий, чиновники различных учреждений и ведомств, военнопленные австро-венгерской армии, среди которых было много поляков.

Таким образом, в истории католического кладбища города Томска, как в зеркале, нашла своё отражение история многочисленной польской колонии Томска второй половины XIX века и первых двух десятилетий уходящего бурного XX столетия

ОПЫТ РАБОТЫ ПО ИЗУЧЕНИЮ И ПОПУЛЯРИЗАЦИИ
ПОЛЬСКОЙ ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЫ НА
ИСТОРИЧЕСКОМ ФАКУЛЬТЕТЕ
НОВОСИБИРСКОГО ПЕДАГОГИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

Д.В. Карнаухов
г. Новосибирск

За 400 лет своего существования сибирская Полония оказала большое влияние на развитие восточных регионов России. Поляки не только принимали действенное участие в преумножении экономического потенциала Сибири, но и сыграли важную роль в создании на сибирской земле очагов культурной жизни. Но в наши дни, как это ни прискорбно, уже сами поляки и их потомки нуждаются в гуманитарной поддержке, поскольку лишь немногие из этих людей помнят о своих польских корнях, интересуются языком, культурой и прошлым народа своих предков. Таково мрачное наследие эпохи интернационализма.

Однако демократизация российского общества устранила запреты, ограничивавшие духовное развитие человека и открыла путь возрождению национального самосознания сибирских поляков. В Новосибирске культурно-просветительская ассоциация «Дом Польский» уже многие годы стремится сплотить поляков, дать им возможность приобщиться к постижению польской культуры, почувствовать себя частью польского народа.

Важным направлением такой работы является популяризация польской истории и культуры в образовательных учреждениях различного уровня: от начальной до высшей школы. В Новосибирском педагогическом университете проводится просветительская работа со студентами, а так же ведутся научные исследования ряда актуальных проблем истории и культуры Польши и польской диаспоры в России.

На кафедре Всеобщей истории для студентов исторического факультета разработан спецкурс «Картина славянского мира: от мифа к истории», в рамках которого рассматриваются мифы, легенды и научные представления о происхождении славян в целом и отдельных славянских народов, которые были отражены в польских исторических сочинениях эпохи средневековья и раннего Нового времени. Слушатели спецкурса имеют уникальную возможность ознакомиться с древней и средневековой историей Польши, Руси и других славянских стран пользуясь самыми ранними историческими хрониками,

написанными на польском языке - произведениями патриархов польскоязычной историографии Марцина Вольского и Мацея Стрыйковского, а также латиноязычными сочинениями польских историков Марцина Кромера, Станислава Оржеховского и Станислава Сарницкого. На спецкурсе осваиваются также основы польского языка, что позволяет студентам самостоятельно изучать эти произведения. В результате этой работы студенты исторического факультета защищают курсовые и дипломные работы по проблемам польской истории и культуры, самостоятельно совершенствуют знания польского языка. Важно и другое. Такая практика дает возможность подготовить педагогические кадры для работы в средних общеобразовательных учреждениях, где ощущается недостаток педагогов способных пробудить интерес к польской культуре у молодого поколения сибирских поляков.

Научная работа по изучению польской истории и культуры проводится на кафедре Отечественной истории. Здесь действует аспирантура, которая дает возможность подготовить кандидатские диссертации и заниматься целенаправленными научными исследованиями по актуальным историческим направлениям. В настоящее время готовятся две кандидатские диссертации, затрагивающие проблемы истории польского народа.

История католической церкви в Сибири в первой трети XX в. изучается в рамках диссертационного проекта Т.Г. Титовой. В данном исследовании рассматривается и проблема роли костела в культурной жизни польской диаспоры в Новосибирске и других городах Сибири.

Автором этих строк исследуются представления польских и русских историков XVI - XVII вв. о происхождении славян и разделении славянской общности на отдельные народы. Особенный интерес в рамках этой темы представляет вопрос складывания этноисторических стереотипов в отношении, как русских, так и поляков, а так же проблема формирования исторического обоснования сближения или размежевания польского и русского народов, ведения войн с Московским государством в эпоху правления последних Ягеллонов и первых десятилетий существования Речи Посполитой. Исследование проводится с использованием уникального для российской исторической науки материала - самых первых печатных польских хроник, некоторые из которых сохранились до наших дней лишь в нескольких экземплярах. В этой связи исследовательская работа была бы крайне затруднена без поддержки, которая была оказана польским фондом им. Иозефа Мянковского, с чьей помощью удалось собрать необходимый материал в польских архивах и библиотеках, а так же установить научные контакты с польскими коллегами из Института Истории Польской Академии Наук в Варшаве.

УЧАСТНИКИ СОВРЕМЕННЫХ СИБИРСКИХ
ПОЛОНИЙНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ В РАКУРСЕ
СОЦИОКУЛЬТУРНОГО ИЗУЧЕНИЯ:
ПЕРВОНАЧАЛЬНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ И ПОСЛЕДУЮЩИЕ ПЕРСПЕКТИВЫ

М.Р. НОВОСЕЛОВА, Б.С. ШОСТАКОВИЧ
г. Иркутск

Изучение указанной темы уже довольно давно начато авторами данного доклада. Их исследовательские цели и задачи исходили как бы из двух начал. Первое определялось естественной потребностью активистов иркутского полонийного движения: с одной стороны, лучше узнать самих себя и, с другой, сориентироваться в интересах и запросах друг друга относительно характера и направления деятельности в создававшемся Польском культурно-просветительном обществе (ПКПО) «Огниво». Решению обоих этих вопросов должны были в определенной мере способствовать две специально предназначенные анкеты. Изначально их составители исходили из сугубо организационно-практических, внутренних целей, а потому и не применили специально какой-либо из существующих исследовательских методов.

Уже позднее сам материал, собранный в результате анкетирования, привел авторов к осознанию того, что эмпирическим путем в них оказались собраны данные, в принципе соответствующие характеристикам диагностического опроса и заслуживающие научной обработки. Так возник исследовательский историко-социологический аспект рассматриваемой темы, в свою очередь, вводящий данный вполне конкретный материал в контекст широкой и многообразной проблематики, относящейся к процессам формирования постсоветских этничностей. Авторы настоящего доклада видят свою цель в том, чтобы познакомить с проведенным анализом состава иркутского ПКПО «Огниво» [1] как органического компонента современных сибирских городских полонийных диаспор и высказать в связи с этим ряд своих заключений и рекомендаций.

Каким же представляется состав нынешнего полонийного общества в крупном сибирском городе (областном центре) согласно проанализированным авторами данным иркутского ПКПО «Огниво»? Прежде всего, обращает на себя внимание его достаточно далекий от моноэтнической принадлежности контингент. Начиная с того, что непосредственно зафиксированная в паспорте

польская национальность значится только у 13% состава членов ПКПО (впрочем, это обстоятельство было вызвано во многом политической ситуацией сталинских времен). Поляками себя считают 24%, состава ПКПО, у которых в паспорте значится иная национальность (что, естественно, не всегда соответствует их реальной полностью польской моноэтничности).

Наконец, в составе участников ПКПО весьма велика и доля лиц других национальностей: русских - 52%, украинцев - 2%, белорусов - 1,5%, литовцев - 1%, евреев и татар - по 0,5%. К сказанному добавим, что 5,5% в составе ПКПО приходится на русских, не имеющих в своем происхождении «польских корней», но активно и заинтересованно работающих в русле программных направлений деятельности иркутского ПКПО. Столь же характерна ситуация с владением членами ПКПО польским языком. Знают его, по собственным признаниям: на хорошем уровне - лишь 11%, слабо - 22%, практически им не владеют - 67%.

Подобное положение становится вполне понятным и объяснимым, если обратиться к сведениям об истоках формирования нынешней местной среды участников полонийной деятельности. Вся обширная историческая эпоха XIX в. в составе членов «Огниво» представлена исключительно потомками польских политических ссыльных (22,5% от общего количества членов ПКПО, из которых 17% приходится на политссыльных периода 1863-1870-х гг.). Далее в обществе следуют потомки поляков, оказавшихся в Сибири в период 1900-1914 гг. (в качестве добровольных переселенцев - 7,5% и ссыльных разных категорий - 5%). 11,5% приходится на общую группу депортированных поляков и их потомков в 1926-1946 гг.

В последующий советский период преобладающим становится добровольное появление в Сибири поляков, из числа которых в составе ПКПО насчитывается 7,5%. Часть членов общества располагает также и данными о регионах, откуда были выходцами их польские предки (около 40% от всего состава ПКПО). В этой информации наибольшая доля представлена собственно польскими землями (26%) и восточными «крэсами» (то есть восточным пограничьем бывшей Речи Посполитой: Литвой, Беларусью, Украиной) (15,5%).

Вполне корреспондируют с приведенными данными и сведения из 2-ой анкеты, где (пропорционально общему числу ее заполнивших) примерно 75% назвали в качестве одной из первостепенных задач деятельности ПКПО - «изучение языка своих предков», 70% - «воссоздание исторических корней своего рода», около 90% - «возможность расширения своих знаний об истории, литературе и культуре Польши», причем около 30% указали также и на свое желание «знакомства с историей поляков в сибирском регионе».

По поводу же «необходимости воссоздания и расширения религиозной (католической) традиции в жизни иркутской Полонии» мнения заполнивших анкету разделились почти поровну: примерно 55% поддержали названный тезис, 45% выразили индифферентное к нему отношение. Почти каждый член ПКПО (около 95%) к числу важнейших относит возможность выездов в Польшу как историческую родину своих предков, включая поездки своих детей. Это может быть расценено как вполне закономерное желание в контексте результатов анкетирования, которые свидетельствуют о том, что на период 1996 г. в Польше побывало всего около 20% от всего взрослого контингента ПКПО (в это число не включены дети и учащаяся молодежь в последние годы при поддержке польской стороны в значительных количествах выезжающая на каникулы и на различные формы обучения).

Авторы доклада берут на себя смелость высказать предположение, что подобная картина в составе полонийных диаспор вообще весьма характерна для Сибири (а шире, вероятно, и для всей европейской России) и в целом заметно отличается от контингента таковых же диаспор на упомянутых уже исторических восточных «кресах» Польши, где сохраняется высокий процент компактного проживания моноэтнических польских диаспор [2].

Исходя из подобного заключения, справедливо будет говорить о полонийной сибирской среде, представленной весьма высоким процентом лиц польского происхождения, но с естественными формами смешения с иными этническими группами региона через достаточно распространенные (скажем даже, типичные) в данном регионе смешанные браки, но при этом сохраняющим в силу тех или иных причин (либо воссоздающим, «реконструирующим») свою польскую этническую идентичность.

Исходя из подобного взгляда на проблему, важно принимать во внимание некоторые конкретные особенности в практике актуальных для сибирской (вероятно, также и российской) Полонии направлений деятельности. К таковым, безусловно, относятся: 1) потребность изучения польского языка не только среди детей, но и среди взрослых; 2) актуальность изучения собственных, семейных польских родословных (нередко с элементами профессиональных генеалогических и историко-архивных разысканий); 3) чрезвычайная важность - как для собственного духовного и культурного саморазвития, так и для широкого просвещения и образования в местной сибирской (российской) общественной и культурной среде - распространения в общедоступной русскоязычной форме неизвестного там до сих пор богатейшего культурно-исторического наследия, оставленного поляками в данном регионе в различные исторические периоды.

Авторы признают ограниченность проведенной пока ими аналитической работы. Она лишь с известной долей приближения (как выборка данных) может быть экстраполирована на всю региональную Полонию.

Данное исследование нуждается в продолжении во многих аспектах. Прежде всего, было бы желательно осуществление анкетных опросов по унифицированной системе - для контингента всех сибирских полонийных организаций. С мыслью об этом авторы доклада и хотели бы с его помощью привлечь внимание сибирской полонийной конференции в Томске к затрагиваемой теме. Весьма перспективным могло бы стать и проведение в указанных полонийных средах проблемно-ориентированных и биографических интервью с последующим сопоставлением аналогичных результатов, полученных в одном из крупнейших городов России [3].

1. Первоначально результаты проведенного анализа были доложены авторами в Материалах научно-практической конференции «Восток и Россия: взгляд из Сибири» - Социокультурный облик современной сибирской Полонии. Иркутск, 1996. С. 374-378.

2. По-видимому, некоторой особой спецификой отличается Полония Казахстана. Но в данном случае специального ее анализа авторы не проводят.

3. См. недавно выпущенный научный сб.: «Конструирование этничности. Этнические общины Санкт-Петербурга». СПб., 1998. В частности, в нем опубликовано интересное социологическое эссе (Елена Чикадзе. Формирование общины российских поляков: пути конструирования этничности. С.175-226), автор которого, к сожалению, не знакома с вышеупомянутой работой авторов доклада.

РАЗВИТИЕ ПОЛЬСКОГО НАЦИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ: ПРОБЛЕМЫ И ТЕНДЕНЦИИ

ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ НАЦИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ ПОЛЬСКОЙ ДИАСПОРЫ ТОМСКОЙ ОБЛАСТИ

С.И.АНУФРИЕВ, А.В.ГУЗЕЕВА, Р.Е.МОХОВА

г. Томск

Томская область относится к числу типичных регионов Российской Федерации с преобладающим русским населением (88.2%). 11.8% населения региона составляют представители других национальностей: коренные автохтонные жители и пришлые национальные меньшинства. К первым относится коренное тюркское население (сибирские татары и чулымские тюрки) и малочисленные народы Севера (селькупы, ханты, эвенки, эвены, манси, коряки, кеты, нанайцы), проживающие на территориях своего традиционного расселения и составляющие 0.24% от всего населения области; ко вторым - этносы, имеющие свою государственность за пределами Российской Федерации (немцы, поляки, евреи, корейцы, украинцы, белорусы, молдаване, представители Прибалтики, Закавказья Казахстана, Средней Азии) и внутри РФ (татары, башкиры, чувашаи, мордва, удмурты, марийцы и др.) По переписи 1989 года на территории Томской области проживали представители 80 национальностей и 20 этнических групп численностью от 1 до 10 человек. Этническое большинство русских в регионе представлено сложным сочетанием этнотерриториальных, этноконфессиональных и этнокультурных групп (старожилы, переселенцы, казаки, старообрядцы и т.д.), каждая из которых может стать реальным субъектом национально-культурного воспроизводства.

Под национальными (этническими) меньшинствами следует понимать части этносов, проживающих вне территории своего традиционного расселения в инонациональной среде, независимо от наличия той или иной формы национальных и административно - территориальных образований как внутри Российской Федерации, так и за ее пределами. Этническое меньшинство сохраняет, как правило, национальное самосознание, язык, культуру, обычаи и традиции. При этом определяющим является фактор национального самосознания. Остальные признаки могут быть в той или иной степени утрачены.

Но на фоне национального самосознания возникает стремление сохранить или возродить язык, культуру и традиции, защитить интересы своей исторически сложившейся этнокультурной общности.

К числу таких национальных меньшинств, проживающих на Томской земле с XVII века, относятся поляки. По последней переписи 1989 г. в Томской области насчитывалось 1732 поляка (из них 942 человека проживали в г.Томске). Последние 10 лет изменили этнодемографическую ситуацию в регионе. Этническая структура населения области изменилась за счет миграционных процессов – притока беженцев и вынужденных переселенцев, внутрирегиональных миграций и заметного оттока представителей некоторых национальностей за пределы области и страны. Масштабы происшедших изменений окончательно станут ясными лишь в результате очередной переписи населения. В 1989 году поляки занимали одиннадцатое место по численности среди этносов, населяющих г. Томск и четырнадцатое место в Томской области.

	Область	Томск
Все население	1001653	501969
1. Русские	883767	446267
2. Украинцы	25799	11165
3. Татары	20812	11353
4. Немцы	15541	6883
5. Белорусы	9135	4376
6. Чуваши	7827	1823
7. Узбеки	3328	2636
8. Азербайджанцы	2752	1837
9. Мордва	2574	892
10. Башкиры	2280	954
11. Казахи	2037	1619

12. Удмурты	1944	393
13. Молдаване	1928	864
14. Поляки	1732	942
14. Евреи	1506	1433

Таким образом, по официальным статистическим данным поляки составляют 0.17% населения Томской области и 0.19% населения г. Томска. Эти достаточно скромные показатели явно не соответствуют реальному вкладу, который внесли представители польской диаспоры в развитие экономики, науки, образования, культуры г. Томска и всего Томского региона.

Как уже было отмечено, поляки проживают на Томской земле, начиная с XVII века, принимая участие в строительстве Томского острога и дальнейшем развитии города-крепости. Тысячи поляков оказались сосланными в Томск в результате подавления восстаний 1831 и 1863 г.г. В начале XX века на территории нынешней Томской области проживало около полутора десятков тысяч выходцев из Польши, в том числе порядка четырех тысяч – в самом Томске.

Помимо построенного ссыльными поляками в 1833 году костела, в Томске существовали польские библиотеки, школы, благотворительные и культурно-просветительские общества и организации, способствовавшие национально-культурному воспроизводству Томской полонии. В начале 20-х годов нынешнего века часть польской общины выехали из Томска на свою историческую родину.

В 30-е годы помимо насильственной русификации и ассимиляции на представителей польской диаспоры обрушились массовые репрессии. В скорбном списке пострадавших поляки занимают второе место после русских. В 1937 году был закрыт костел, прекратили свое существование польские школы, библиотеки, Польский народный клуб и другие организации.

Быть поляком стало весьма небезопасным. В 1939-40 г.г. с территории Западной Украины и Белоруссии в Томск, Нарым, Каргасок и другие отнюдь не курортные районы региона были депортированы порядка 15 тысяч граждан преданной и расчлененной Польши, многие из которых погибли в первые же месяцы ссылки. Те из них, кто выжил после окончания второй мировой войны, смогли вернуться на родину, а их «обрусевшие» (в кавычках и без) соплеменники предпочитали не вспоминать о своих польских корнях, связях и родственниках. Детей зачастую записывали как русских, украинцев и белорусов.

По оценкам специалистов, в настоящее время не менее 5% населения Томской области имеет польские корни. Конечно, лишь единицам удалось

сохранить знание родного языка. Согласно переписи 1989 г. из 942 поляков, проживавших в Томске, лишь 89 (9.4%) считали своим родным языком – польский, в то время как у украинцев соответствующий показатель равен 51.3%, у белорусов – 29.1%, у немцев – 28%, татар – 67%.

Распределение населения г. Томска по национальностям и родному языку по состоянию на 1989 г.

	<i>Всего</i>	В том числе с родным языком своей национальности	Процент к общей численности
Все население в том числе	501969		
1. Русские	446267	446148	99,97
2. Татары	11353	7604	67,0
3. Украинцы	11165	5723	51,3
4. Немцы	6883	1928	28,0
5. Белорусы	4376	1273	29,1
6. Узбеки	2636	2385	90,5
7. Азербайджанцы	1837	-	-
8. Чуваша	1823	681	37,4
9. Казахи	1619	-	-
10. Евреи	1433	96	6,7
11. Поляки	942	89	9,4

12. Мордва	892	317	35,5
13. Молдаване	864	389	45,0
14. Башкиры	954	287	51,8

С начала 90-х годов наблюдается активный рост национального самосознания томских поляков, возрождается интерес к собственной истории, культуре, родному языку. Предпринимаются попытки восстановить прерванные на десятилетия связи, в том числе и с исторической родиной. В 1990 году возрождается деятельность католического костела, создается центр польской культуры «Дом польский». В 1995 году зарегистрирован Томский Польский национальный центр «Белый Орел».

В 1994 году в Томском государственном педагогическом университете на кафедре славянской филологии филологического факультета открыта специализация «славянская филология» и в 1999 году состоялся первый выпуск учителей польского языка. Студенты во время обучения выезжали на языковые курсы и стажировки в Польшу (Центр польского языка и культуры при Люблинском университете). Имеется договоренность об обучении томских студентов в Ягеллонском университете в г. Кракове. В июле 1998 года на базе ТГПУ работала выездная комиссия Министерства образования Республики Польша по приему вступительных экзаменов в польские вузы.

ТГПУ выделил необходимые помещения для Учебно-методического и информационного центра польского языка и культуры, где размещены библиотека и учебные помещения. Там же проходят репетиции фольклорного ансамбля «Ловичанка» - постоянного участника фестивалей дружбы народов в г. Томске и Всемирных фестивалей польских хоров. В ближайшем будущем запланировано создание при центре постоянной музейной экспозиции, отражающей вклад поляков в развитие Томска и Томской области на протяжении почти четырех столетий - с XVII века до наших дней.

В течение последних пяти лет в Томске ежегодно проводятся Дни польской культуры – своеобразные творческие отчеты Томских культурно-просветительских центров, краеведческого клуба, коллективов художественной самодеятельности. В этих мероприятиях принимают активное участие представители разных поколений польской диаспоры – от дошкольников до пенсионеров.

По инициативе директоров ряда томских школ, гимназий и лицеев (№4, 16, 29, 41) создаются классы с изучением польского языка. Планируется приглашение учителя польского языка и культуры в с. Белосток, основанное

поляками-переселенцами в 1898 году, и другие села области с местами компактного проживания поляков.

Ежегодно 15-20 томских школьников выезжают на летний отдых и учебу в детские оздоровительные лагеря Республики Польша, где получают хорошую возможность пообщаться с польскими сверстниками, расширить свои познания в области польского языка и культуры.

Большую помощь в работе, как со школьниками, так и со студентами ТГПУ и других вузов оказывают, направляемые с 1995 года Посольством РФ в Москве, специалисты Малгожата Стемпка и Зофья Новиньска.

Таким образом, в Томске и области имеется потребность и хорошая основа для организации системы польского национального образования, которая соединит в себе семейное воспитание, школу, педуниверситет, костел, национально-культурные общества. Фундаментом этой системы является изучение польского языка, истории и культуры.

Кафедра славянской филологии ТГПУ и ТПНЦ «Белый орел» поставили перед собой задачу сформулировать комплексную программу подготовки учителей польского языка, которые впоследствии могли бы стать ведущим звеном единой цепи национально-культурного воспроизводства поляков не только в Томской области, но и во всем сибирском регионе.

ИЗ ОПЫТА РАБОТЫ ЗАОЗЕРНОГО АРХИТЕКТУРНО-
ХУДОЖЕСТВЕННОГО ЛИЦЕЯ г.ТОМСКА
В ПРЕПОДАВАНИИ ПОЛЬСКОГО ЯЗЫКА.

Н.М. АБИНОВА
г. Томск

Заозерный архитектурно-художественный лицей - самое крупное учебное заведение Томской области - 2200 детей, 86 классов-комплектов.

Наша образовательная система - это сочетание традиционной классно-урочной системы и системы личностно-ориентированного обучения (ЛОО).

ЛОО построено на принципах вариативности, интегративности и модульного обучения. С первого класса ведется дифференциация процесса обучения: формируются классы - архитектурно-художественные, пролицейские, музыкальные, хореографические, так как они все вписываются в нашу концепцию - воспитание человека культуры. С 5 класса осуществляется вторичная дифференциация с учетом способностей детей к изучению гуманитарных предметов, а также точных наук. На этом этапе создаются славянские классы с изучением польского и украинского языков. В эти классы дети зачисляются по желанию родителей с украинскими и польскими корнями.

Славянский блок лицея существует не обособленно, а вписывается в контекст концепции. В 5-6 классах изучается славяноведение как знакомство с духовными и культурными основами славянских наций. На уроках истории рассматриваются вопросы исторических корней славянских народов. В классах же украинской и польской направленности учебный план предусматривает изучение фольклора и языка именно этих народов.

На сегодняшний день самые старшие ученики этого профиля посещают 7 класс. Не за горами окончание детьми и средней школы.

Возникает вопрос, куда им пойти учиться?

Между лицеем и Украиной, а точнее Институтом Украиноведения в г.Киеве, подписан договор о сотрудничестве и возможности поступления

желающих выпускников нашего лицея по результатам собеседования на гуманитарные факультеты Киевского университета при условии знания языка. С Польской республикой такого договора нет, есть договор с «Домом польским» - местной национальной культурной организацией.

Лицей благодарен за участие посольства Польши в поддержке детей, в частности в этом учебном году были выделены средства (небольшие) для проведения рождественских праздников. Общества «Дом польский» и украинское «Джерсло» регулярно проводят праздники с нашими детьми: Рождество, Шевченковские чтения, Пасха и т.д.

Польская республика обеспечивает отдых детей и стажировку педагогов в Польше. Для развития учебного процесса мы не имеем в достаточном количестве видео- и аудиоматериалов по истории, языку и культуре Польши, печатной продукции: учебников, дополнительной литературы, фотоальбомов, т.е. того, без чего урок - не урок.

С 8 класса необходимы учебники литературы, которых пока нет. С 7 класса мы знакомим детей с творчеством польских писателей, включив в программу спецкурс по зарубежной литературе.

В 1999 году в связи с 200-летием А.С. Пушкина была поставлена литературно-художественная композиция «А.С. Пушкин и А. Мицкевич», где дети показали хорошее знание произведений польского поэта.

Благодаря усилиям педагогу Л.В. Суздальской, дети знают польские песни, загадки, поговорки. На уроках трудового обучения ученики знакомятся с орнаментами этого народа.

Лицей будет продолжать изучение славяноведения, и мы хотели бы иметь более тесные договорные связи на уровне Министерства образования Республики Польша.

В лицее мы часто принимаем гостей, в том числе и польских: у нас были пан Петр Тужаньский, пани Эльжбета Смулкова, священнослужитель местного костела.

Мы надеемся на дальнейшее сотрудничество.

ЛЕТНИЙ ОТДЫХ МОЛОДЕЖИ В ПОЛЬСКИХ КОЛОНИЯХ КАК СРЕДСТВО МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ

К.С. Ануфриев, И.В. Тупицына

В течение последних нескольких лет у школьников, изучающих польский язык и имеющих польское происхождение, появилась прекрасная возможность посещать свою «историческую родину». На сегодняшний день уже многие подростки из России смогли стать активными участниками летних сборов в детских лагерях, которые принято называть по-польски – колониями.

Идея организации такого вида отдыха возникла не случайно. Невозможно изучать язык и культуру народа и быть «оторванным» от этой среды.

Томским школьникам летом 1999 года посчастливилось попасть в летний лагерь в г. Ломжа. То, что мы, русские дети, отдыхали в одной колонии с польскими создавало своеобразную атмосферу. Для того чтобы нам быстрее освоиться и подружиться, администрация организовывала разнообразные конкурсы и соревнования. Вот названия некоторых из них, которые говорят сами за себя: «Мисс и мистер колония», «Лучшая карикатура на руководителя», «Лучший смешной костюм», «Лучшая пародия», «День спорта».

На наш взгляд замечательной идеей было празднование «Польского дня» и «Русского дня». В этот день каждый старался проявить себя самым лучшим образом: готовили на кухне традиционные национальные блюда, представляли концертную программу, составленную из песен, стихов и танцев. Например, в «Польский день» поляки учили нас танцевать полонез и петь польские народные песни и, вообще, все в этот день было «по-польски».

А в «Русский день» мы знакомили своих польских друзей с культурой своей страны, пытаясь создать своеобразный русский национальный колорит. Вот в такой ненавязчивой игровой форме дети сами осуществляли обмен традициями, устанавливали межкультурные связи.

Каждый день пребывания в лагере был ознаменован чем-нибудь интересным. Многочисленные разнообразные экскурсии приносили массу новой

информации о крае, его флоре и фауне. Например, экскурсия в Музей природы д. Дроздов, поездка на Мазуры. Кроме того, мы посетили столицу Республики Польша – Варшаву. И уже не в учебниках и энциклопедиях, а своими глазами увидели этот огромный прекрасный город: Рынок, Королевский замок и многое другое. Экскурсия в музей деревенского быта под открытым небом в г. Новогроде позволила перенестись на некоторое время назад и ощутить себя как бы ее жителями.

Трехнедельный отдых в лагере показался нам слишком коротким. Эта поездка позволила нам много узнать и многому научиться, а кроме того, посмотреть на себя «со стороны» и понять – как нас воспринимают в другой стране. На наш взгляд, такая возможность межкультурного обмена должна существовать и впредь. Ведь если уже с 10-11 лет дети учатся понимать культуру и уважать традиции другого народа, то это поможет избежать многих проблем и конфликтов в нашем современном мире. А между поляками, живущими в Польше, и польской диаспорой в России будет крепнуть связь, которая позволит Полонии ощущать себя неотъемлемой частью этого народа, обладающего такой богатой культурой.

О НЕКОТОРЫХ ПРИЕМАХ СОПОСТАВЛЕНИЯ ФИТОНИМИКИ РУССКОГО И ПОЛЬСКОГО ЯЗЫКОВ

В.Г. АРЬЯНОВА
г. Томск

Изучение разных языков предполагает как одно из условий их глубокого познания сравнение, сопоставление этих языков. Поисковая, научно-исследовательская работа обучающихся ускоряет процесс освоения языка. На уроке или на различных внеклассных занятиях в школе, а также в вузе в качестве объекта исследования может послужить фитонимика литературных языков, например, русского и польского.

Лексика данной предметной группы содержит богатый материал, позволяющий показать общие свойства, тесное взаимодействие этих двух родственных языков, пути обогащения словарного состава.

О родстве русского и польского языков учащиеся могут судить по большому количеству общих фитонимов, восходящих к общеславянскому языку: береза - brzoza, боровик - borowik, верба - wierzba, вишня - wisnia, вяз - wiaz, горох - groch и т.д.

Они составляют более одной десятой части названий растений, помещенных в русско-польском и польско-русском словарях, из которых была произведена сплошная выборка фитонимов.

О близости языков свидетельствует наличие общих принципов номинации растений:

а) место произрастания растений: земляника, водяника, боровик, подорожник в русском языке и roziomka 'земляника', bogówka 'брусника', porzeczka 'смородина' и т.д. - в польском языке;

б) цвет растения: белена, белянка (гриб), черника, горицвет в русском языке и bielun 'белена', czernica 'черника' - в польском;

в) особенности строения растения: ежевика, трилистник, тысячелистник - jeżyna, trojlistek;

г) время цветения, роста, способ распространения семян и т.д.: первоцвет, ветреница, подсолнечник, подснежник, одуванчик - *pierwiosnek, wietrznica, słonecznik, dmuchawiec*;

д) способность выделять особый сок или удерживать влагу: масленок, молочай, мокрица, росянка - *maslak, mokrzyca, rosiczka*;

е) способность растения «издавать» звуки: хлопушка, скрипушка - *skrzyp*;

ж) воздействие растений на живые существа: дурман, болиголов, курослеп - *roslina odurzajaca, kurzyslep*;

з) пригодность-непригодность к употреблению в пищу человека: волчегодник, сыроежка - *ptasie ziele, wilczomlecz, chlebowiek, serojadka*;

и) ассоциации с живыми и мифическими существами: анютины глазки, иван-чай, марьин корень, вороний глаз, иван-да-марья, пастушья сумка, чертополох - *bratki, rojownik*, ulanka**;

к) употребление в медицине: грыжник, очанка - *brodawnik, płucnica**.

Сходство языков проявляется в том, что фитонимы - названия плодоносящих растений, преимущественно культурных, имеют одинаковую семантическую структуру: растение → его плоды, например: ананас 1. тропическое растение, 2. плод этого растения; баклажан 1. южное огородное растение, 2. плоды этого растения. В польском: ananas 1. *ananas sativus tropicana roślina*, 2. *owoc tej rośliny*; bakłażan 1. *solanum melongena, roslina warzywna ...* 2. *owoc tej rośliny*.

В русском и польском языках наблюдается в отдельных случаях один и тот же способ дифференциации названий растений и названий их плодов, например: яблоня 'растение' - яблоко 'плод'; *grusza* 'дерево' - *gruszka* 'плод'; *śliwa* 'растение' - *śliwka* 'плод'.

Любопытно отметить, что в среднеобских говорах данный способ является продуктивным: боярышник 'растение' - боярка 'плоды', земляничник - земляника, брусничник - брусника и т.п.

Сходство русского и польского языков состоит также в том, что в обоих языках регулярными суффиксами в составе слов-фитонимов являются -(н)ик и -ка: ветреник, дожdevик, кувшинка, редиска - *bobrownik, wietrznik, chwoszczka, serojadka*.

В том и другом языках существуют однокоренные безаффиксные и суффиксальные производные фитонимы, не различающиеся семантически: лишай - лишайник, лопух - лопушник, редис - редиска, морковь - морковка, репей - репейник; *grab* - *grabina*, *jemiola* - *jemiolka*, *mieta* - *mietka*, *rymula* - *rymulka*, *sit* - *sitnik*.

В обоих языках наблюдается также лексико-мофологическое и фонематическое варьирование: алоэ - алой (разг.), ленник - льнянка, *olcha* - *olsza*, *krokosz* - *krokus*, *aster* - *astra*.

Русский и польский языки имеют общие заимствования, иногда названия растений приходили в русский язык через посредство польского языка: акация - akacja (латинизм), анис - aniz (из греч.), ананас - ananas (исп. ananas), баклажан - bakłażan (из тюрк.) и т.д.

Путь перехода фитонима из языка в язык бывает длительным:

барвинок← в 18 в. из польского← чеш.← нем.← лат. *pervīnca*; каштан← в 18 в. из польского← нем.← лат.← греч.; миндаль ←польск.← лат.← греч.← семитск.; петрушка← польск.← нем.← лат.← греч.

Среди заимствований есть общеславянские: бук - buk (из герм.←греч.), груша - grusza (из иранск.), кукуруза - kukurydza (из неслав. языков), люцерна - lucerna (в 19 в. из франц.), тмин - kmin, kminek (из греч.← семитск.).

Не исключен переход названий растений из русского в польский язык. Например, фитонимы, имеющие в этимологических словарях помету «исконно русское» или «собственно русское» и отмеченные в польском языке, возможно были заимствованы последним из русского: опенок - orpieńka, сыроежка - serojadka . Подобные наблюдения учащихся позволяют глубже изучить польский язык и познать русский.

¹ Польско-русский словарь. - Изд.-ие 7-е/ Под ред. М.Ф. Розвадовской. - М.: Гос. Изд-во иностр. И нац. Словарей, 1963.

Русско-польский словарь/ Под ред. Проф. В.Г. Чернобаева. Изд.ие 2-е, поправленное и дополненное. - М.:ОГИЗ, 1941.

* Выражаю благодарность преподавателю из Польши пани З. Новиньски за оказанную помощь

О НЕКОТОРЫХ МЕТОДАХ ОБУЧЕНИЯ ПОЛЬСКОМУ ЯЗЫКУ КАК ИНОСТРАННОМУ В РОССИЙСКОЙ СРЕДНЕЙ ШКОЛЕ

О.А. ГЕЛЬТ, А.В. ГУЗЕЕВА
г. Томск

За последние годы в нашей стране в молодежной среде значительно возрос интерес к изучению иностранных языков, в особенности тех, которые являются языками их предков. Поэтому не случайно такой предмет как «польский язык» стал вводиться в некоторых российских средних школах в качестве второго иностранного или факультативного курса.

При определении методов и подходов к изучению польского языка следует учитывать тот факт, что он является языком близкородственным по отношению к русскому. Так, при изложении материала по фонетике необходимо использовать принцип сравнительно-сопоставительного анализа фонетических систем обоих языков. Следует обращать внимание русскоязычных школьников на следующие отличительные особенности польской фонетики:

- постоянное ударение, фиксированное на предпоследнем слоге;
- отсутствие редукции гласных звуков в безударном положении;
- наличие специфических польских звуков: носовых гласных – *ą, ę* и согласных *ł, l, cz, dż, dź* не имеющих аналогов в русском;
- мягкость ряда согласных;
- наличие большого числа шипящих согласных;
- ассимиляция звуков;
- упрощение групп согласных.

Наряду с методом противопоставления следует использовать метод артикуляции и вербо-тональный метод¹.

Добиться результатов по орфографии можно в процессе продолжительной, систематической и осознанной работы учащегося под руководством учителя, а не

в процессе заучивания орфографических правил. Следует придерживаться ряда принципов:

- принцип систематичности и непрерывности, который выражается в плановой организации подачи материала с постепенным наращиванием трудностей;

- принцип индивидуализации, направленный на актуализацию познавательной деятельности учащихся (зрительную, слуховую, кинестетическую память, внимание, особенности воображения и мышления);

- принцип наглядности достигается при использовании опорных сигналов. В качестве дидактических средств могут использоваться таблицы, словари, домино и пр.;

- принцип предупреждения орфографических ошибок или профилактики;

- принцип систематического контроля;

- принцип связи орфографии с другими разделами языка.

При изложении и закреплении материала по орфографии необходимо следовать определенной схеме²:

ПРАВИЛА

↓

ТРЕНИРУЮЩИЕ УПРАЖНЕНИЯ

↓

КОНТРОЛИРУЮЩИЕ УПРАЖНЕНИЯ

↓

ТЕСТЫ

Одной из целей изучения польского языка в школе является умение логично и эстетично выражать мысли и чувства в речи и письме. Незнание языковых норм является причиной грамматических (фонетических, словообразовательных), лексических и стилистических ошибок.

Изучение грамматики может происходить на основе конкретных примеров, образцов, указаний, позволяющих формировать грамматические навыки. Необходимо использовать метод анализа, который предполагает наблюдение за языковыми явлениями и грамматические разборы.

При изучении лексики польского языка, необходимо опираться на принцип ассоциаций. Освоение лексики для русскоязычных детей не составляет особых трудностей, поэтому следует уделять внимание выработке у учащихся умения использовать в непринужденном общении наиболее употребительные формы и «доведение их до автоматизма». Но не всегда ассоциации могут давать правильное представление о значении слова. В этом случае возможно применение метода практического изучения языка, который предполагает объяснения

значения слов, обучение работы со справочной литературой, ведение рукописных словарей. Следует уделять внимание подготовке самостоятельных устных и письменных сообщений и ответов на разговорные темы.

¹ Karczmarczuk B. Wymowa polska z ćwiczeniami. Lublin, 1987. s.10-12.

² Wójcik J. Nauka ortografii i interpunkcji. Warszawa, 1992. s.7-8.

ОБ ИСТОРИЧЕСКИХ АСПЕКТАХ ЗАИМСТВОВАНИЯ СЛОВ И ВЫРАЖЕНИЙ В ПОЛЬСКОМ ЯЗЫКЕ

А.В. ГУЗЕЕВА
г. Томск

Богатство польской лексики определяется не только наличием большого количества (около 1700) слов и выражений праславянского языка [1] и собственно польских формообразований, но и слов, заимствованных из других языков.

История свидетельствует [2], что это происходит, прежде всего, тогда, когда: 1) между народами возникают контакты военного характера, культурные и государственные связи; 2) в одном языке появляются термины, не имеющие аналогов в другом (напр.: komputer «компьютер», grill «гриль»); 3) по какой-либо причине заимствованное слово признается более подходящим, чем соответствующее ему слово родного языка (напр. kuzyn «кузен»); 4) родной язык не имеет достаточно развитой грамматической и/или словообразовательной структуры для выражения сложного содержания. Например, латинский язык использовался поляками как язык науки вплоть до XVIII века [3].

Каждый исторический период жизни польского народа характеризуется влиянием различных языков, что свидетельствует об интенсивности контактов с представителями данных обществ и культур. В средние века это были чешский, немецкий и латинский языки. Позднее, к ним присоединились итальянский, французский, немецкий и русский.

Первые заимствования из латыни появились в связи с принятием в X в. христианства, хотя и посредством немецкого и чешского языка. Эти слова сохранились в польском языке до сего дня.

Напр.: biskup ← чеш. biskup ← лат. episcopus
wigilia ← чеш. vigilia ← лат. vigiliae
diabeł ← чеш. diábel ← лат. diabolus

В связи с высоким уровнем реформационных преобразований и развитию культуры в Чехии в XV-XVI вв. чешский язык имел большое влияние на польский язык. Примером тому являются слова: *serce* «сердце», *wesele* «свадьба», *władac* «владеть» и др.

Влияние латинских заимствований преобладало достаточно долгий период времени и распространялось на различные сферы польской лексики, особенно на язык науки, международных отношений, права и религии. Из наиболее ранних латинских заимствований можно отметить: *cedr* «кедр», *manna* «манна», *mirra* «мирра», *cebula* «лук», *migdal* «миндаль», *tablica* «таблица», *kancelaria* «канцелярия» и др. Особенно сильное влияние латинский язык оказывал в XVI-XVII вв., когда владение этим языком было обязательным среди людей науки и духовенства. В это время значительно возросло число заимствованных слов из латинского языка, связанные с образованием и культурой: *szkoła* «школа», *liceum* «лицей», *profesor* «профессор», *rektor* «ректор», *akademik* «академик», *polityk* «политик», *aktor* «актер», *formula* «формула», *melodia* «мелодия», *dieta* «диета», *dokument* «документ» и др. На сегодняшний день в современном польском языке имеется около 10 тысяч латинизмов.

В период раннего средневековья вошли в употребление заимствования из немецкого языка. Слова *ratusz* «ратуша», *rynek* «площадь», *dach* «крыша», *koszt* «стоимость», *cegła* «кирпич», *mur* «стена» *blacha* «жесть», *herb* «герб» немецкого происхождения и связаны они, прежде всего, с торговлей, ремеслом, городским хозяйством. Ассимиляция некоторых слов зашла так далеко, что нужно хорошо знать историю двух языков, чтобы понять происхождение слова. В XVI в. влияние немецкой лексики значительно ослабло, а в XIX в., напротив, вследствие разделов Польши немецкий язык был языком управления. В то время появились такие слова и выражения: *szlafrok* «халат», *tytka* «бумажная коробочка», *na wypadek* (нем. *im Falle*) «в случае», *durszlak* (нем. *Durchschlag*) «дуршлаг», *talerz* (нем. *Teller*) «тарелка». Характерным для того времени является дословный перевод (калька) сложных немецких слов на польский язык: *parowóz* (нем. *Dampfwagen*) «паровоз», *czasopismo* (нем. *Zeitschrift*) журнал, *swiatopogląd* (нем. *Weltanschauung*) «мировоззрение». Благодаря тому, что Польша в начале этого столетия обрела независимость, влияние немецкого языка ослабло. Польский язык имеет около 3-4 тысяч слов, заимствованных из немецкого языка.

Начиная с эпохи Возрождения, в польском языке появляются заимствования из итальянского языка, в основном, в 3-х направлениях: архитектура, искусство, военное дело. Слова эти, в большинстве своем, употребляются до сегодняшнего дня: *gracja* «грация», *poczta* «почта», *bankiet* «банкет», *tulipan* «тюльпан», *pałac* «дворец», *parapet* «подоконник», *fontanna* «фонтан», *bastion*, *forteca* «крепость», *bomba* «бомба», *allegro* «аллегро», *andante* «анданте», *aria* «ария», *tenor* «тенор» - всего около 1000 слов.

Польско-французские связи отмечаются с конца XVI в., но основное влияние на польский язык они начали оказывать с XVII в., а именно, на жизнь королевского двора, моду и военное дело: fryzjer «парикмахер», dama «дама», gorset «корсет», batalion «батальон», artyleria «артиллерия». В течение XVIII в. роль французского языка настолько возросла, что, распространяясь по всей Европе, благодаря высокому уровню развития науки и культуры: desant «десант», wiraż «вираж», adres «адрес», багаж «багаж», masaż «массаж», biuro «бюро», biżuteria «бижутерия», sos «соус», waza «ваза», raport «рапорт». Сейчас насчитывается около 3 тысяч заимствований из французского языка.

Благодаря постоянным контактам (в т.ч. военным) с народами, владеющими русским языком, начиная с XVI в., польская лексика пополнялась "русицизмами". Например, словами: czeremcha «черемуха», czerep «череп», czereśnia «черешня», hałas «шум», jar «яр», kaczan «качан», rubież «рубейж», chata «хата», brechać «бредить» и др. и выражениями: zamienić coś na coś «поменять что-нибудь на что-нибудь» вместо zastąpić coś czymś; iść w odставку «идти в отставку» вместо zostać odsuniętym. После II Мировой войны русский язык усиливает свое влияние, и появляются такие слова и выражения: kułak «кулак», walka o plan pięcioletni «борьба за пятилетний план», gieroj «герой», ciut-ciut «чуть-чуть», dacza «дача», socrealizm «соцреализм», politruk «политрук».

Посредством русского языка в польский вошли слова, заимствованные из турецкого языка (особенно в XVIII в.). Они связаны с торговым и военным делом: bazar «базар», chałwa «халва», kawa «кофе», dywan «ковер», tapczan «тапчан» и др.

Слова из английского языка начали пополнять лексику польского только с XIX в. Уже в половине XIX в. стали появляться такие слова: befsztyk «бифштекс», dog «собака», bokser «боксер», dżentelmen «джентльмен», tunel «туннель». Много английских заимствований появилось в XX в., особенно, после завоевания Польшей независимости в 1918 году. Примером тому являются слова: happy-end, hobby, fun, tonik, serial, weekend и десятки других. Позднее - komputer, internet, notebook, enter, pub, (sex)shop, supermarket, body, grill, fast food, business lunch, coca-cola, hot dog и др.

Наряду с этими заимствованиями, существуют в польском языке и интернационализмы, происходящие от древнегреческих и латинских слов: telewizja, logopedia, kserokopia, synoptyk и пр.

Таким образом, рассмотрев исторические аспекты развития польской лексики, можно сделать вывод, что язык польского государства формируется под воздействием языков многих народов - и тех, которые близки с точки зрения географии, и весьма отдаленных.

Вопросы лексического состава современного польского языка имеют большое значение при его изучении [4].

1. Słownik prasłowiański, t.1-6 Wrocław, 1974-1991
2. Dąbrowska A. Język polski. Wrocław, 1998
3. Дыбковская А. и др. История Польши. Варшава, 1995
4. Тихомирова Т.С. Курс польского языка. Москва, 1988 - с. 231

ОБРАЩЕНИЕ К СРЕДСТВАМ ЯЗЫКОВОЙ ОБРАЗНОСТИ ПРИ ИЗУЧЕНИИ ПОЛЬСКОГО ЯЗЫКА

Л.И. ЕРМОЛЕНКИНА
г. Томск

Бесспорно, что своеобразие национального характера определяют такие факторы, как климат, ландшафт, история народа и структура общественного сознания. Каждый язык особенен, уникален, неповторим в своих смысловых и выразительных возможностях, как особенен и неповторим характер национального мировидения, языковая личность.

Образные средства языка, его выразительные возможности помогают понять специфику национальной картины мира, особенности менталитета, духовной культуры. Поэтому особый интерес в обращении к близкородственным языкам состоит в том, что сопоставление на уровне образных средств помогает не только эффективно усваивать язык, но и постигать общность духовных процессов в освоении мира.

Многие современные исследователи языка близки в утверждении, что одним из наиболее ярких и типичных образных средств является метафора. Как русские, так и польские лингвисты типологизируют метафору достаточно близко, выделяя одностороннюю, ономазиологическую, генетическую и синкретическую. Особую роль последней И.Арутюнова, г. Складаревская (Теория метафоры, 1996; Метафора в языке и тексте, 1997) видят в том, что отражая характерную для древнего сознания физиологическую неразборчивость, метафора делала возможным сочетание разноклассовых (по физиологическим параметрам): отсюда такие метафоры, как «черная тоска», «рванный голос». Естественно, что синкретизм восприятия внешних воздействий, характерных для архаического сознания, свойственен и современному, поскольку одинаковы в основе принципы формирования психического опыта (Кассирер. Теория метафоры, 1996). На современном этапе изучения метафоры синкретическая разновидность оценивается как стремление разума воспринимать мир не дискретно, а

синтетически, в текучести и взаимосвязанности его элементов. Результаты подобного освоения мира показательно близки в русском и польском языках, например: синкретическая метафора в русском языке «горький упрек» имеет в польском семантический и частично формальный эквивалент - «gozki wyrzut»; «сочный голос» - «soczysty glos», «krzyk duchu» и т.д.

Интересно, что довольно редкая в русском языке, относимая к разряду риторических, метафора «паутина лжи» в польском функционирует аналогичным образом (высокая, риторическая): «reczyna kłamstwa».

Естественно, это явление не следует оценивать как абсолютное. Нередки случаи, когда ассоциативные построения в русском языке не находят метафорического эквивалента в польском. Например: метафора «взрыв негодования» в русском, в польском возможна только в описательном варианте: *cos wzburzylo*.

Итак, ассоциативные возможности можно рассматривать как источник разноаспектного описания языковых картин мира близкородственных языков.

КУЛЬТУРА СТРАНЫ В ЯЗЫКОВОМ КОНТЕКСТЕ

Н.Б. КОВАЛЕВА

г. Томск

В преподавании языка как иностранного существует самостоятельная учебная дисциплина - страноведение, где дается информация о стране, ее географическом положении, истории, культуре, особенностях быта и т.д.

Страноведение может даваться и в виде цикла предметов: история страны, культура, литература и др. Так построено преподавание в Томском государственном педагогическом университете, где изучается польский язык. Например, в курсе «Культура Польши» студенты знакомятся с особенностями религии (католицизм), польскими национальными танцами, национальными костюмами, современным польским кино и театром. В итоге усваивается то, что можно назвать «ценности в польской культуре», то, что свято для поляка: патриотизм, дом, семья, религия, уважение к женщине, любовь к детям. Эти понятия во многом общечеловеческие, и именно это целесообразно подчеркивать (а не различия!) в первую очередь в данном курсе. Кроме того, поляки и русские - славяне, поэтому в их мировоззрении, обычаях, быте больше общего, чем отличного.

Лингвострановедение - сравнительно новая дисциплина. Здесь много нерешенных вопросов, касающихся определения самого понятия, содержания курса, его места в системе обучения, в методике подачи лингвострановедческого материала. Лингвострановедение понимается по-разному: то как «аспект методики» (Е.М. Верещагин, В.Г. Костомаров), то как «частная сициолингвистическая дисциплина» (В.В Морковкин), то как «отрасль филологии» (Т.Д. Томахин).

Нам кажется, наиболее точным понимать лингвострановедение как страноведчески ориентированную лингвистику, а ее задачей считать - исследование языковых единиц, наиболее ярко отражающих в своей семантике своеобразие народа - носителя языка. Выражается национальное своеобразие, прежде всего в лексике и фразеологии.

В лексике можно выделить три группы:

1. Фоновая лексика - лексические единицы с национально-культурной семантикой: ученые звания и должности: profesor в значении «школьный учитель с университетским образованием»; doktor habilitowany - доктор с обязательной защитой диссертации; названия праздников: Mikołajki, Dzień Babci и Dziadka; названия национальных блюд: zurek (zurek) - вид похлебки; barszcz czerwony - борщ и др.

2. Безэквивалентная лексика: «Solidarność» - новое профсоюзное объединение Польши, возникшее в 1981 году; UDM - Уния демократической молодежи, молодежная организация Польши и т.п.

3. Коннотативная лексика - слова, одинаковые по денотату, но различные по коннотату. Социальная закрепленность коннотации за определенным словом означает отношение языкового коллектива к признакам обозначаемого словом предмета и отражает ценностную ориентацию коллектива. Это прежде всего национальные цветовые символы. Для поляков красный и белый цвета (цвет национального флага и герба страны). Символы, связанные с животными: так, zabka - лягушонок встречается при обращении к детям (ласкат.).

Большое значение в исследовании национально-культурных коннотаций имеет ономастическая лексика: прежде всего топонимы и антропонимы. Так, многочисленны улицы имени Тадеуша Костюшко, возглавившего Польское восстание 1794 года. Этимологизирование польских топонимов позволяет сделать вывод об общности в славянской ономастике, в принципах наименования объектов. Ср.: г. Варшава - первоначально Варшава из личного имени Варш и суффикса принадлежности -ев, т.е. «село Варша» с диалектным изменением е → а в 15-16 вв. (этимология С. Роспонда); г. Люблин - от уменьшительной формы личного имени Lubla (или Lubel) (этимология С. Роспонда) и г. Кемерово, г. Асино, г. Колпашево.

Интерес представляют ономастические легенды о возникновении названий г. Кракова, г. Гнезно и др.

Знакомство со стереотипами речевого поведения поляков - этикетными клише также является неотъемлемой частью страноведения.

Лингвострановедение предупреждает ошибки, обусловленные внеязыковыми факторами, т.е. отсутствием знаний или неадекватными представлениями о культуре народа-носителя языка. Особенно это важно при переводческой деятельности.

При изучении польского языка русскими студентами, не имеющего возможности общаться с носителями языка, возникает необходимость в создании лингвострановедческого словаря, специально ориентированного на два языка: польский и русский.

О НЕКОТОРЫХ ОСНОВНЫХ ТРУДНОСТЯХ ПРИ ИЗУЧЕНИИ ПОЛЬСКОГО И РУССКОГО ЯЗЫКОВ КАК ИНОСТРАННЫХ

З. НОВИНСКА
г. Люблин (Польша)

При изучении любого иностранного языка встречается ряд трудностей, которые появляются на протяжении всего процесса обучения.

Основную трудность для русских учащихся в освоении фонетической системы гласных звуков составляют носовые гласные **а** и **е**, оставшиеся только в польском языке, которые, в зависимости от того, в соседстве с какими согласными находятся.

Например, звук [a] как [o^y] в словах *was, sa, moda*;
как [o^h] - *sad, piątek*;
как [o^m] - *zab, golab*.

Аналогично звук [e] как [e^y] - *mieso, musze*,
как [eⁿ] - *pamiętnik, ręka*,
как [e^m] - *zeby*.

Не стоит, однако, обращать на это разнообразие большого внимания, так как произношение этих звуков разрешается естественным путем. При чтении текстов учащиеся интуитивно подбирают нужный вариант под влиянием сопровождающих носовой звук согласных.

Определенной трудностью для учащихся является произношение польского звука **е** при чтении и говорении. Польский звук **е** фонетически полностью отвечает русскому **э**. Проблема заключается в том, что графически польский звук **е** отвечает русскому **е**.

Например: вместо *mleko* произносят “*mlieko*”
telefon “*tieliefon*”

problem “probiem”.

Для изучающих русский язык основную трудность составляют йотированные гласные е, ё, ю, я. В польском языке данным звукам соответствуют две буквы *ie(je)*, *io(jo)*, *iu(ju)*, *ia(ja)*.

Это сказывается на правильном написании слов и на произношении: учащиеся на начальном этапе обучения русскому языку произносят звуки, так как будто перед ними стоит твердый знак ь, напр. [j] яблоко, [j] есть, [j] юрист.

С самого начала следует обратить внимание польского учащегося на звук **o** в русском языке. В польском языке гласный звук **o** более открытый, в русском «o» - лабиализованный. В польском, лабиализованным является лишь звук **и**. Например: *morze – море*,

zloto - золото,

logika – логика,

słońce - солнце.

Большой сложностью является для поляков редукция гласных звуков в русском языке. Все польские гласные независимо от своего положения (за исключением некоторых особенностей в произношении носовых гласных), имеют одинаковое качество и произносятся четко. Редукция гласных в русском языке влияет на произношение гласных в польском языке русскими учащимися, которые часто звук **o** в безударном слого произносятся как **a**, а также нечетко произносятся гласные в окончаниях слов, например: *organizacja* - вместо - *organizacja*, *czekalada* - вместо - *czekolada*.

Не меньше трудностей составляет и фонетическая система согласных звуков, особенно для изучающих польский язык. В польском языке существует ряд звуков, которые в их графическом виде состоят из двух букв (двузнаки). Это *sz*, *cz*, *dz*, *ch*. Их произношение усваивается достаточно просто, за исключением звука *cz*, который в фонетической системе русского языка отсутствует, например: *czolg*, *smaczny*, *gorucz*.

В морфологическом плане польский язык считается намного сложнее русского, особенно в области склонения имен существительных и спряжения глаголов.

Несмотря на весьма ограниченное, по сравнению с польским языком число склонений в русском языке, а также упрощенную систему падежных окончаний, трудность для поляков составляют окончания винительного и творительного падежа, склонения существительных женского рода на *-a*, *-я*; творительный падеж существительных мужского рода, именительный падеж множественного числа имен существительных мужского рода, а также родительный падеж множественного числа существительных мужского и женского рода. Сложность эта в основном заключается лишь в несвойственных

польскому языку окончаниях и на последующих этапах обучения практически исчезает.

Для изучающих польский язык система падежных форм гораздо сложнее. Основных вариантов склонений насчитывается около тридцати. Настоящей проблемой (иногда даже для поляков) являются родительный, дательный и предложный падежи существительных мужского и женского рода единственного числа, а также именительный и родительный падеж множественного числа.

Согласно существующим правилам, нельзя четко определить какое окончание имеет данное слово, несмотря на то, что вариантов в каждом из этих падежей совсем немного. Только благодаря чтению и общению можно интуитивно подобрать нужную флексию.

В польском языке существует еще один падеж – звательный. Несмотря на то, что в русском языке он не сохранился, достаточно легко усваивается учащимися.

Значительные отличия имеются в спряжении глаголов. Основной трудностью для поляков является ударение и образование формы повелительного наклонения.

При выражении пространственных отношений в обоих языках употребляются почти те же предлоги, кроме предлога *у*, который в польском языке заменяется предлогом **przy**.

В русском языке глаголы *идти* и *ехать*, сочетающиеся с предлогами **к**, **на**, **в** обозначают направление движения, напр., *ехать в город, в лес*. В таком контексте в польском языке русскому предлогу **в** соответствует предлог **do**. Предлог **do** переводится на русский язык предлогом **к** в таких случаях, как, напр., *идти к врачу, другу*.

Предлогу **на** в большинстве случаев соответствует польский **na**, напр., *на собрание, на улицу*.

Особую сложность, как для польских, так и для русских учащихся представляет употребление предлогов при выражении временных отношений. Предлог *за* (в контексте *в течение*) переводится на польский язык только как сочетание предлога и существительного *w ciągu*, например, *я выполняю работу за два часа – zrobię tę pracę w ciągu 2 godzin*. Польский предлог *за* соответствует русскому предлогу через, например, *przyjdę za godzinę – я приду через час*.

Для выражения причинных отношений в русском языке используется несколько предлогов, что составляет определенную трудность для польскоговорящих. Предлоги *из-за*, *от*, *по* соответствуют либо предлогу *z*, либо конструкции *z powodu*, напр., *из-за дождя – z powodu deszczu, по болезни - z powodu choroby, дрожать от холода - drzeć z zimna*.

Вот лишь некоторые морфологические трудности, часто возникающие у русских и польских учащихся.

При изучении лексики этих близкородственных языков мы часто встречаемся с «ложными друзьями переводчика». Это слова, имеющие в родном языке звуковой эквивалент, но иное значение. Таких примеров немало, и иногда они составляют целые группы одинаково звучащих слов, напр.,

dywan – ковер,
kawior- икра;

или

jutro – завтра,
rano – утро,
wcześnie – рано.

Основной трудностью и настоящей проблемой для поляков является ударение в русском языке. При освоении польского языка русскоговорящими учащимися эта трудность практически отсутствует или выступает только на начальном этапе, т.к. ударение в польском языке постоянное (кроме легко усваиваемых исключений).

ЛЕТНЯЯ ЯЗЫКОВАЯ ПРАКТИКА СТУДЕНТОВ-ФИЛОЛОГОВ КАК ВАЖНЫЙ ЭТАП СПЕЦИАЛИЗАЦИИ ПО ПОЛЬСКОМУ ЯЗЫКУ

А.В. САВЧЕНКО

г. Томск

В Томском государственном педагогическом университете на базе отделения славянской филологии с 1995 г. открыта специальность «учитель польского языка», которую могут получить дополнительно студенты-филологи. В университете работают русские и польские специалисты, преподается не только язык, но и культура, история и литература Польши.

К сожалению, ограниченное количество учебных часов не позволяет студентам в должной мере овладеть языковыми навыками. Неоспоримым является факт, что изучение любого иностранного языка невозможно без перспективы живого общения, возможности окунуться в иную культурную и языковую среду.

В прошлом году небольшая группа студентов нашего отделения имела возможность поехать в один из крупных университетских городов Польши – Люблин на трехнедельную летнюю языковую практику. Мы занимались в Центре польского языка и культуры для иностранцев при университете им. М. Кюри-Склодовской. Там нам удалось воспользоваться уникальной возможностью познакомиться ближе с историей и культурой этой страны.

Мы изучали современную польскую литературу, историю языка, польскую грамматику, фонетику и орфографию. Мы понимали огромное значение получаемых знаний «из первых рук» для нашего дальнейшего обучения и будущей профессиональной деятельности.

Но дело не только в дополнительных курсах. Большую роль при этом играло постоянное нахождение в языковой среде, возможность слышать в течение определенного периода времени только польскую речь и необходимость общаться между собой по-польски. Ведь на эту практику приезжают не только студенты из России, но и из других стран мира. Польский язык был для всех языком «международным».

В итоге мы не просто приобрели навыки общения и пополнили свои знания. Очень важным является то, что у нас появилась определенная

уверенность. Приехав в Польшу, мы почувствовали психологический барьер, который преодолевали со временем. Дело в том, что мы боялись говорить вслух даже самые простые фразы потому, что опасались быть непонятыми и показаться смешными носителям языка. Этот страх вначале преодолевался нами «по необходимости», а потом полностью исчез.

Кроме того, именно простое общение с носителями языка, а не занятия в университете позволило нам не только закрепить фонетику и морфологию на практике, пополнить лексику, но и «почувствовать» такие языковые нюансы как сочетаемость слов в разговорной речи.

Помимо аудиторных занятий для нас были организованы познавательные экскурсии, как по достопримечательностям Люблина, так и в другие города Польши: Казимеж, Замощч, Козлувка и их окрестностям. Мы имели возможность посетить концерт известного во всем мире польского коллектива – Ансамбля песни и танца под управлением С. Лещинского, в репертуаре которого фольклор всех областей Польши.

Все это и определило результат нашей языковой практики, у которой был всего один недостаток – краткая продолжительность.

ОБ ОСОБЕННОСТЯХ ПОЛЬСКИХ ФАМИЛИЙ

О.В. Шумская
г. Томск

В Польшу из Западной Европы фамилия пришла в XV веке. А в XVIII-XIX веках охватила уже все слои населения.

Семантика польских фамилий тождественна славянским и западноевропейским, выражая значения патронимические («чей сын»), территориальные или этнические, внутренние или внешние признаки называемого, его занятия или попутные обстоятельства.

С точки зрения словообразования, фамилии абсолютного большинства поляков суффиксальны. Основные суффиксы польских фамилий **-ски(-цки), -ович(-евич)** и форманты группы **-к**.

Некоторые фонетические особенности русифицированных польских фамилий

1. Польское написание звука [rz] в русифицированных фамилиях передается как **рж**, реже **рш** или **ш**. Это контрастирует с русскими фамилиями, этимологически связанными с польскими, которые показывают простое **р**: **Вержбицкий**.

2. Русские **оро, оло, ере** между согласными параллельны польским **ro, lo** и **gze(ж)**: **Навроцкий, Заблоцкий**.

Начальный слог **Prze-** иногда передается как **Пше-**, что ближе к польскому произношению: **Пржебыльский - Пшебыльский**.

3. В некоторых случаях польское **-ar-** соответствует русскому **-ер/-ор** и польское **-lu-** русскому **-ол-**: **Чарнецкий, Глустовский, Чернецкий, Толстовский**.

4. Русские **т** и **д** в польском в результате палатализации предстают соответственно как **с** и **dz**: **Грудзинский, Квещинский**.

В польском языке сохранились старые гласные **е, а**. В русифицированных фамилиях носовые гласные обычно передаются сочетанием гласных среднего подъема (**а, о, е**) и носовых согласных (**н, м**): **Генсерский, Заремба**.

6. В некоторых позициях первоначальное **ъ** становится в польском **а** (на письме **ia** или **a**). Соответствующий звук в русском языке передается как **е**. В русифицированных польских фамилиях обычно представляет **я/а**. Очень редко польское **ia** обозначается в русском как **ua**: **Бялковский, Квятковский, Пиановский**.

7. В некоторых позициях первоначальное **е** в польском давало **о** (на письме **io** или **o**). В русифицированных польских фамилиях обычно выступает **uo** (**о**). Русское написание **uo** представляет два гласных **у** и **о**, искажает изначальное польское произношение, в соответствии с которыми **i** в **io** не произносилось, а служило для смягчения предыдущего согласного: **Меиодушевский**.

8. В некоторых случаях польское **ó** соответствует русскому **у**: **Гурский**.

Некоторые вопросы морфологического оформления польских фамилий в русском языке.

При передаче фамилий стремятся к возможности более точному сохранению оригинала.

В настоящее время в русском языке можно наблюдать следующие морфологические варианты передачи польских фамилий на-ский/-цкий:

- 1) мужская и женская фамилии даются в русском морфологическом оформлении: **Складовский - Складовская**;
- 2) обе фамилии сохраняют оригинальное польское окончание: **Огиньски - Огиньска**;
- 3) мужская фамилия оформляется по-русски, а женская сохраняет польское окончание: **Белецкий - Белецка**.

Преимущественно используется первый вариант. Здесь сказывается традиция, доминирование в современной практике и легкость склонения по соответствующим русским моделям.

Во втором варианте наиболее хорошо проявляется стремление к сохранению и передаче с большой точностью польских фамилий. Однако такое оформление существенно затрудняет свободное их функционирование в языке.

Третий способ лишен внутренней логики, но, как это не странно, встречается даже в лингвистических изданиях.

Фамилии поляков с. Белосток Томской области и их изменения

Село Белосток - небольшой населенный пункт в 180 километрах от города Томска, в котором сейчас проживает около 300 человек.

Основан был Белосток как переселенческий участок для пребывающих в Сибирь крестьян-земледельцев из малоземельных районов Российской империи.

Судьбе было угодно, что в числе ходоков-крестьян, первыми осмотревшими обозначенный участок тайги под заселение и «застолбившими» его для себя было несколько крестьян, католиков по вероисповеданию и поляков по национальности, приехавших из-за безземелья в Сибирь в поисках лучшей доли из-под города Гродно и небольшого белорусского городка Щучина Виленской губернии¹.

К 1916 году процесс переселения почти закончился. Из всероссийской сельскохозяйственной переписи этого года следует, что в селе Белосток проживало 95 домохозяев, большая часть - поляки:

Бельский	Радзюк	Шведко	Грибовский
Артиш	Иоч	Буевич	Пилевич
Мажец	Наумчик	Серко	Артемович
Мазюк	Ханевич	Гелбутовский	Подвысоцкий
Масюк	Пронский	Норевский	Кривца
Кисель	Сенько	Шумский	Горлевский
Михня	Дзюбецкий	Радзевич	Матеж

Эти фамилии еще сохраняли польское звучание, в фонетическом аспекте не были еще полностью русифицированы. **Мажец, Матеж (Marzec, Materz)** - польский звук, передающийся буквами **г** и **z**, сохраняет свое польское звучание [**ж**].

Радзюк, Радзевич, Дзюбецкий - звук [**dz**] сохраняет свое звучание, все буквы произносятся.

Кривца - фамилия произносится по-польски, сохраняя звук [**ц**].

В морфологическом аспекте фамилии на **-ский/-цкий** полностью русифицируются. Они стали передаваться по русскому образцу: **-ский**(мужская), **-ская** (женская).

В 1937-38 годах иметь польскую национальность было опасно. Многие меняли свои национальности и фамилии. «Поляк» становился «русским», а к фамилии добавлялись новые окончания, чтобы звучали как русские. Так, **Кисель** стал **Киселев**, а **Серко** - **Серков**.

Таким образом, изменение фамилий шло в двух направлениях: естественным путем (русификация) и путем сознательного искажения.

В настоящее время сохранились без изменения фамилии Ханевич, Шумский, Белявский.

¹Ханевич В.А. Сибирский Белосток 1898-1998 (сборник документов и материалов). - Томск, 1998.

О НЕКОТОРЫХ ТРУДНОСТЯХ, ВОЗНИКАЮЩИХ ПРИ ОСВОЕНИИ ПОЛЬСКОЙ ФОНЕТИКИ И ПУТИ ИХ РАЗРЕШЕНИЯ

А.В.ГУЗЕЕВА, О.В.ЯГОДКИНА
г. Томск

Известно, что изучение любого иностранного языка начинается с алфавита, а затем фонетики и орфографии. Фонетика является наиболее трудным разделом польского языка для русских учащихся, так как имеет ряд отличительных особенностей [1].

Польскому языку свойственно фиксированное динамическое ударение. Как и в русском, ударенный слог выделяется силой звучания, но ударение всегда падает на предпоследний слог слова. Как правило, эта особенность достаточно легко усваивается русскоязычной аудиторией, и данная проблема решается путем доведения нужного навыка «до автоматизма».

Резкое отличие польской речи от русской составляет отсутствие качественной редукции безударных гласных: ударные и безударные гласные не различаются по тембру, количественные же различия незначительны. Перенесение навыков редукции безударных гласных в польскую речь создает типичный русский акцент.

Наибольшие артикуляционные и акустические отличия по сравнению с русскими гласными имеют польские звуки [o] и [y]. Например, при произнесении [o] язык менее приподнят, но больше продвинут вперед, к тому же польский гласный менее лабиализован, в частности, в начальной стадии артикуляции, так как отсутствует характерный для русского звука у-образный приступ. Звук [y] отличается

от русского [ы] по ряду и подъему. При произнесении польского [у] язык более продвинут в переднюю зону, т.е. по ряду близок к гласному [е], а по подъему представляет собой артикуляцию, промежуточную между [и] и [е]. Так же, как и русский [ы] польский звук [у] является звуком нелабиализованным.

Особого внимание заслуживает освоение произношения польских носовых гласных а и е, отсутствующих в русской речи. Различаются несколько позиций этих букв. Например, буква а на конце слова обозначает носовой гласный [а]. Носовые гласные, как известно, образуются при опущенной нёбной занавеске, что открывает воздушной струе доступ в носовую полость, и тем самым создается назальная окраска звука. Особенность произношения польских носовых гласных заключается в том, что нёбная занавеска опускается не одновременно с началом основной артикуляции, а с некоторым запозданием, что и приводит к так называемому асинхроническому произношению носовых гласных. В начальной своей фазе это звуки чистые, неносовые, и лишь позднее, с задержкой добавляется носовой призвук.

В польском языке имеется большое число шипящих согласных как твердых, так и мягких, Они составляют симметричные четырехчленные группировки, базирующие на противопоставлении по глухости-звонкости не только щелевых, но и аффрикат.

Рекомендуется с первых же занятий вводить комплекс специальных упражнений [2], состоящий из следующих основных элементов:

- упражнения, улучшающие развитие речевого аппарата;
- упражнения, контролирующие работу речевого аппарата и развивающие фонематический слух;
- упражнение на артикуляцию.

Первые два вида упражнений носят общий, «классический характер». Содержание же упражнений на артикуляцию будет каждый раз меняться в зависимости от конкретной задачи, решаемой на данном этапе обучения. При их составлении необходимо использовать принцип «оппозиционных пар».

Кроме этого, рекомендуется использовать такой иллюстративный материал как палатограммы, лабиограммы и артикуляционные схемы. А технические средства обучения значительно упростят и ускорят процесс освоения сложного фонетического материала.

¹ Тихомирова Т.С. Курс польского языка.- М., 1988. – с. 16-17.

² Karczmarczuk В. Wymowa polska z ćwiczeniami. – Lublin, 1987. – s. 43-134.

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ ИМЁН

Абинова Н.М. 14 176 214
Абламские 59
Александр III 36 112
Алексеев М.В. генерал 85
Андерс Владислав генерал 25
Анджеевская М. музыкант 91
Андроновские предприниматели 80
Ануфриев С.И. 3 5 14 170 214
Ануфриев К.С. 14 178 214
Арьянова В.Г. 14 180 214
Армон В. 33
Арутюнова И. 188
Ауэрбах Андрей дирижёр 90
Ахматов М.Н. 129
Бабина-Гедройц Е.А. 144
Бабич 35
Багинский Б.А. 144
Бакуринский Нестор предприниматель 83
Бакуринский Пётр предприниматель 83
Баран Янина 42
Баран Казимир 47
Баран Мария 48
Беневский Мауриций 31
Беляев 61
Березовские служилые 57
Бердоньский художник 102
Бернацкий предприниматель 80
Бернштейн Эдуард 74
Бесман Станислава 110

Бетховен Людвиг 91 92
Бжицкие служилые 57
Бизе Жорж фр. композитор 133
Бирон Е.А. 92
Богданович Кароль 34
Богданович К.И. 141
Блондовские предприниматели 83
Богомолова М.П. музыкант 92
Богушевский Франц 68
Большакова А.В. 5
Болтовские служилые 58
Боржевецкий Мартын 63
Бородзич Бронислав предприниматель 69 80
Борцова С.Я. 14 153 213
Боченас Матеуш 93
Боярщинова З.Я. 59
Брамс Иоганес нем. музыкант 91
Бржезовский золотопромышленник 80
Бреславский золотопромышленник 80
Брониковский И.И. врач 75
Брыльска Барбара 146
Бруни А.К. архитектор 64
Быстрановска 103
Бубнович В.М. 14 138 213
Будрыс Франтишек кс. 118
Булла Ян 108
Буляндо Казимир член ВКП/б 154 155 156
Бухбиндер художник 102
Вавилов С.П. 14 90 132 212
Ванюков Владимир 143
Валединский А.И. 144
Валецки Антони 34
Вальницкий Алоиз 63
Васильев М.Т. 92
Варзар В.Е. 81
Введенский А.А. 144
Вернер 88
Вейс В. художник 135
Векер Э.И. инженер 23 64 155

Векер Матильда 155
Венгловский З. 73
Венцовский А.И. 72 73
Венявский Генрик композитор 91
Верещагин Е.М. 190
Вержиковский П. предприниматель 23
Вериго 93
Вериго-Чудновская Магдалена литератор 66 67
Вериго Б.Ф. 66
Верховский А.В. 143
Верхратский А.Ф. предприниматель 83
Вершинин 106
Виницка Люцина 146
Виноградов П.Г. 129
Вильконский 73
Вилькошевский Станислав 108
Вилькошевская Мария 109
Виташевский Н.А. 33 73 122
Виткевич 74
Виткевич Станислав художник 116
Витковский Н.И. 34 72 73 93 158
Вишневецкий Н.Ф. 74
Вишниецкий 127
Владимирский-Буданов М.Ф. 129
Владовский Е.И. 143
Волков В.Г. 14 56 211
Вольская 50
Вольский Марцин 164
Вотин-Быстрянский В.А. 62
Войцеховский 69
Вочеховски Константы 107 109
Воцерович Я.С. 93
Вржащ Е.Э. 14
Вызольмирский В. предприниматель 81
Вышинский 107
Вудцан Сидор 155
Вуйчик Я. 184
Вуйчик З. 34 37 114 118
Гаевский А.В. врач 75 76

Гайсин З.С. 123
Гвоздзиовский А.А. архитектор 99
Гельт О.А. 14 183 214
Гленбоцкий Н.В. врач 75
Глинский Ян 63
Глок Л.Э. 5
Гиновт кс. 101
Годлевский инженер 66
Годлевский В. 33 34 73
Голашевский С.В. 144
Голованов Георгий 64
Грабовский 127
Грабовский Франтишек кс. 155 156
Гриневски кс. 101 107
Гришин-Алмазов 86
Гржибовский О.С. врач 75
Гробовские (Грибовские) служилые 58
Громадский Фёдор 23
Громадский Валериан кс. 100-105
Гронский Юлиан кс. 110
Гроховски Казимеж 34 36
Грохольская Ванда 103
Грыневицкий 127
Гудков П.П. 141
Гузеева А.В. 3 5 14 40 52 109 170 185 201 214 215
Гуно Шарль фр. композитор 133
Гурские 59
Гут Ф.Ф. архитектор 65
Гутовский Н.В. 65 67 142
Гутовский В.Н. 142
Даньшина пианист 92
Данилевский 149
Дзеньбовская Ванда художник 102
Дегальцева Е.А. 14 72 212
Деко 93
Делиб Леон фр. композитор 133
Деникин А.И. 85
Деспот-Зенович А.И. 35 158
Джевецкий 66

Доборжинский С.Ю. 65 144
Добровольский Э.Л. 126 127
Догель Александр 23 35
Домбровска А. 187
Достоевский Ф.М. 147
Дорогостайский В.Ч. 158
Древаль А.Н. 144
Долздович Антонина 107
Дыбковская А. 187
Дыбовски Бенедикт 32 33 34 37 73 93 158
Дунин-Вансович Бронислав кс. 110 111
Дюгамель А.О. 100
Евнеевы служилые 58
Евтропов К.Н. 67
Езиоранский 66
Елпатьевский 73
Емельянов Н.Ф. 59
Ермоленкина Л.И. 15 188 214
Жбиковский С.А. 65 74 91 143
Журавски Петр 108
Завадовский 149
Завистович К. 116
Загорская А. певица 91
Закревский Иван 58 63
Закревский Фёдор 63
Залесов В. 67
Залкуцки Анджей 6 15 19 138 204 206 211
Залуцкий Томаш служилый 57
Залески предприниматель 36
Залесский Станислав 23 35 91 92 103 149
Залесская Ядвига музыкант 23 74 91 92
Заранек К.А. инженер 63
Захаревич Иустин кс. 101
Зброжек-Пашковская певица 90
Зброжек Бронислав 107
Зборолевский (Зборжевский) 64
Зджеховская 103
Зеленевские 36 69 80
Зеленевский Казимир художник 135-137

Зеленевский К.Я. предприниматель 135
Зилоти А. 91
Зимински 37
Зырянов художник 124
Иванова А.И. 155
Ирецкая Н.А. певица 133
Кавицкий кс. 93
Кагаржинский кс. 93
Календо Ванда 88
Каляцкий И.И. 142 144
Каминьски Адам 31
Кандауров Д.П. 81
Канская Н.В. 15 149 213
Каппепер А. 69
Кареев Н.И. 129 130
Карих Е.В. 15 68 211
Карнаухов Д.В. 15 164 214
Кармарчук Б. 184 202
Кейсевич Юзеф 93
Кейсевичи 159
Климович В. 144
Ключевский кс. 93
Клярнер Юзеф 61
Коваль С.Ф. 158
Ковалевский Езеф 32
Ковалевский М.М. 129 130
Ковалёва Н.Б. 15 190 214
Козаковски Бронислав кс. 108
Козловский 85
Колбина Е. 46
Коллер Станислав кс. 108
Колковский Павел 144
Колмаков Ю.П. 82 84
Колусовский Цезарий фармацевт 93
Колчак А.В. 65
Комаровски Ян 36
Кон Феликс 33 72 73 74
Конецки Болеслав 26
Кононова Н. 46

Контский Апполинарий музыкант 91
Контский Антоний музыкант 91
Копёрский Войцех 93
Копёрские 159
Копеч Езеф 31
Копылов Д. 58
Корсак Гипполит 60 61
Коррега художник 102
Королёв Е. купец 91
Косовский М. 99
Костомаров В.Г. 190
Костюшко Тадеуш 22 191
Косярский Станислав 111
Котковский Юлиан 144
Которова Е.Т. 144
Кошаров П.М. художник 136
Кох Альбин Якуб 36
Кравченко А. 90
Красинский С.Л. 5 15
Кромер Марцин 164
Крылов П.Н. 65
Крюков В.М. 15 146 213
Крячков А.Д. архитектор 65
Ксенжопольский 73
Кубышин Антони 12
Кулаковские служилые 59
Кучиньски Антони 15 30 35 37 79 112 204 211 213
Кюри-Скłodовская М. 196
Лабан Лаврентий 77
Лаговски Езеф 34 37
Лампрехт К. 130
Лапинская С.Н. 15
Лапицкий 69
Латышев В. 114 118
Левек Ванда 47
Левицкий Е.Ф. 149
Лекановский А.Л. 73
Леон XIII 102
Леонардо да Винчи 102

Леонтович Ф.И. 129
Леончик С.В. 15 60 211
Лешетицкий Т. музыкант 92
Лештишиевский кс. 93
Лещинский С. 197
Лисецкий Н.В. 144
Лисецкая А.Ф. 110
Лисичникова А.В. 15 75 212
Лозовский И.Т. 15 67 141 144 145 213
Лукашевич Езеф 113
Лукшеевы служилые 58
Лукавски З. 38 41
Лучинин И. 77
Лыгин К.К. архитектор 64
Любинский Ц.Ц. инженер 23 64
Любич-Хоецкий Кароль 31
Люзинский С.В. артист 91
Люзинская В.А. артистка 91
Лютык 85
Лядов А.К. композитор 66 132
Ляховские 159
Маевич А. 118
Мазинска Магдалена 9
Майничева А.Ю. 16 77 212
Макушин П.И. 64
Малиновский Юзеф 106
Малиняк 47
Мальпиус кс. 93
Маньковские 159
Маньковский Виктор 120 121
Марико Хосокава 117
Марков В.И. 16 150 213
Маркс Карл 74 127 128
Маркс М.О. 72 73
Маркович 69
Маркович А.М. предприниматель 82
Мартынович В.С. архитектор 64
Марфельд Р.Р. 65
Марцинкевич С.Ф. инженер 143

Марцинковский Апполинарий музыкант 139
Масяж Владислав 16 38 40 41 158 211
Мацеша Александр 102 103 105 119-121
Мацеша Стефан 119
Мачуга Марек 16 95 212
Мацкевич С. предприниматель 81
Мендштейн 73
Мелехович Ретин кс. 70
Микешин М.О. 66
Миклашевич Р.Ф. 110
Миколаевска Кристина. артистка 146
Милевский Ф. 61
Миллер Ф. 73
Миненко Л.И. 144
Мирхнисские 59
Мисковский Станислав 36
Митина Н.П. 84
Михалевич 72 73
Михалевский Остафий 57 63
Михновичи 159
Мешкевич Адам 138 177
Мозголевский 61
Моисеенко Н.Б. 16 141 144 213
Мокржицкий предприниматель 80
Монюшко Станислав композитор 90 91
Моравска -Ухрын Люцина дипломат 13
Мопассан Ги де 133
Моравецкий Д.В. 144
Морачевски М. 106
Морковкин В.В. 190
Морозовские 59
Морозевич (Морожевич) 34
Мостович В.Я. 141 142
Мохова Р.Е. 3 5 16 170 214
Мощиньски Пётр 107
Мыслинский М.Ю. инженер 69 80 82
Мурашкины 58
Мяновский Йозеф 165
Наватский Самсон 63

Нагаев А.С. 84
Найданов И.Я. 77
Наранович П.П. архитектор 64
Нам И.В. 16 85 212
Наумова Н.И. 16 88 212
Никулина И.Н. 16 70 212
Нейман К. 73
Новацкий Самсон 57
Новиньска Зофья 16 174 182 192 205 214
Новицкий В.В. 149
Новицкий Игнатий 78
Новосёлова М.Р. 16 158 166 213 214
Новосёлова И.Э. 16 93 212
Ношкины (Ношкеевы) 57 158
Ножка Юшко служилый 57
Норбин 50
Носович И.Ф. архитектор 99 135
Обручев В.А. 33 34 141
Оглоблин Н.Н. 56 59
Огрызко И. 93
Одаховский А.И. врач 73 75
Овчинникова Л.И. 16 135 213
Ожешко Элиза 64
Окуджава Булат 148
Окулич кс. 93
Ольбрыхский Даниель 146
Олтаржевский М.Н. 143
Ольшевски Ежи. дипломат 138
Оржеховский Станислав 164
Оржешко 67
Оржешко Флорентин врач 74 91 103 143
Оржешко Викентий архитектор 64 91 143
Оржешко Люция 91
Осецкая Агнешка 148
Оссендовский Антоний 65 141
Оссовский Г.О. 66
Островский Стефан 63
Островский Г.Н. 99
Островский Болеслав 144

Офицеров В.В. 16 141 213
Павша А. 106
Павлов -Сильванский Н.П. 130 131
Палиев И. 90
Панкевич Ю. художник 135
Пауллеры 93 159
Пашковски Тытус 113
Певкевич 50
Пекарски Эдвард 32
Пекарский 73
Петкевич Станислав 24
Петкевич В.С. предприниматель 80 83
Петрашкевич Онуфрий 106 107
Петровский М. 144
Петрус Ежи 17
Петрушевский Д.М. 129
Печенев В. 8
Пиасковская София 103
Пивовар Адам 34
Пиглевский Н. 24
Пиотровский кс. 93
Пилсудски Езеф 112
Пилсудски Бронислав 112-118 121 122
Пирусский Владислав врач 23 64
Подборская О.Л. 17
Поклевский -Козелл А.Ф. предприниматель 51 69 80 83 98 106 107
Поклевская -Козелл Анелия 103
Поклевская -Козелл Мария 107
Поклевский -Козелл Винценты 107
Поляновский архитектор 64
Помараньски Стефан 117
Попалыйгис Станислав кс. 156
Поплавский И.Я. 74
Понятовский Юзеф. генерал 22
Попов О.В. 5
Попов А.И. 67
Постольская А. 144
Потанин Г.Н. 101
Потоцкая Александра 103

Плеханов Г.В. 74
Плятер-Плохоцкий К.А. 66
Прждецкий Томаш 61
Протасевич Е.Т. 144
Прошковская 88
Пршемыцки Винценты кс. 107 108 109
Пустынников С.В. 144
Пушкин А.С. 26 177 216
Рабинович Г.Х. 69 81 82 84
Раецкий Юрий 63
Ракса Пола 146
Рафаель 102
Ревеньска Бася 46
Ревеньска Барбара 47
Резун Д.Я. 67
Реутовский В.С. инженер 23 65
Ржицкий Ян. служилый 57
Ржицков Матвей 58
Ржицкий Иван 63
Ржишевский Адам. предприниматель 81
Римский-Корсаков Н.А. 132
Ритский Юрий 63
Роганович 69
Родзевич Альдона 11
Родзевич К.Ф. 92
Родственный А. 35
Розвадовский Ян 116
Розводовская М.Ф. 182
Розга кс. 93
Рокачевский З.А. 65 141
Ронбицкий А.Н. врач 75
Рончевский О.И. 66 141
Рыхлевский Павел 57 63
Рыхлик Ежи дипломат 6 17
Рубинштейн Антон 92 133
Рудковский Бартош 63
Сабанский Пётр 57 63
Сабек А.Э. 64
Сабашников 35

Савин А.Н. 129
Савченко А.В. 17 196 214
Сангушко Роман кс. 104 107
Сапега Павел 103
Сапоговская Л.Л. 79 81
Сарницкий Станислав 165
Сахаревские 59
Сваровские (Своровские) 57 63
Сваровский Остафий 63
Сельвинские 159
Сен-Санс Камиль. фр. композитор 133
Сеницкий Людвик 31
Сельхвинский Роберт 93
Сергеевич В.И. 129
Серебренникова 107
Серополков Ю.О. 144
Серошевский Вацлав 32 73 122
Сигизмунд 111 63
Сирен 74
Сикорский Владислав 25
Сиротинин В.Г. 17 110 212
Скочинский 69 159
Скворцов Г.В. 17 63 211
Скляревская 188
Скубневский В.А. 17 79 82 84 212
Слободской В.И. 5 8 17
Смулкова Эльжбета 17 42 177 211
Собещанский И.И. предприниматель 69 80 82
Соболевский П.К. 66 132-134 141 142
Соболевская Ольга 66 67
Соболевская О.М. 132 134
Соболевский Юрий 63
Соколовский С. предприниматель 81
Соколовский В.А. архитектор 99
Ставские 59
Ставский Леонтий 63
Старевская Е.Н. 88
Старловские 57
Стассейский Сафрон 63

Стрелковские 57
Стемпка Малгожата 17 174 205
Станишевский кс. 93
Старонь Кристина 10
Столыпин П.А. 163
Струмилло 106
Стрыйковский Мацей 164
Суздальская Л.В. 177
Сухетская П.С. предприниматель 82
Сухоровский В.М. 64
Талько-Хрынцевич Юлиан 33
Тамулевич И.Ф. архитектор 99
Тансупосука Хасегава 117
Тарановский Ф.В. 129-131
Татарчук Б.Ф. архитектор 23 64
Татарова-Грициевич И. 42
Твардовский. предприниматель 80
Тельшевские 159
Тимошенко А.Г. 17
Титов В.Ю. 17 126 213
Тихомирова Т.С. 187 202
Тобизен Г.А. 103
Токажевский Ш. 93
Толстой А. 91
Томахин Т.Д. 190
Томашпольская В.Д. 143
Томашевы 57
Томашинская Камила. музыкант 23
Томашинский Григорий 23
Томчинский В. инженер 80
Тужаньски Пётр. дипломат 177
Тупальский Юрий. служилый 57 63
Тупицина И.В. 17 178 214
Тургенев И.С. 133
Тучков А.Т. 17 122 213
Тышкевич Беата 146
Тымовский Ф. 141
Тютчев Ф.И. 147
Унгерн-Штенберг Р. 65

Урняж 74
Фадеев В.А. 136
Фавицкий архитектор 64
Фальски Вандалин 107
Федоровский П.Ф. архитектор 65
Фелькерзам 77
Филь Генрик 18 207
Филь С.Г. 18 49 52 106 109 211 212
Филоновы. служилые 57
Фильберт Шарлота 68
Флек В.В. художник 74
Флобер 133
Фуксман А.И. 92
Ханевич В.А. 3 5 10 11 12 13 18 22 38 41 90 100 150 161 206 211 212 213 214
Ханц Уршуля 18
Хартунг Миколай 34
Хенеберг Бр. 50
Хельмицкий Фердинанд 60 61
Хлопицкий 93
Хлопицкие 159
Хмелевский Павел 63
Хмылёв Л.Н. 18 129 213
Ходкевич Б.С. предприниматель 80 83
Хозинский Матиаш 58 63
Хомалевски Константы 113
Хомич С.В. архитектор 64
Хорос Владимир 108
Хруцкий художник 102
Хрущов А.П. 101
Цепляк Ян кс. 107
Церпенто Иероним кс. 110 111
Цехановский Ц.М. врач 75 76
Цибульский Захарий 35
Цибульски Збигнев 146
Цыгановский С.К. 126 127 128
Цявловский 69
Цявловский Н.А. предприниматель 80 83
Чавыкин Г.В. 67
Чайковский П.И. 92

Чапская Пелагея 103
Чекановский Александр 33 34 73 74 93 158
Червонный Пётр 156
Чернобаев В.Г. 182
Чернышевский Н. Г. 93
Черский И.Д. 33 34 72 73 93 158
Чечерский Фаустин кс. 31
Чечковски 37
Чижевский. предприниматель 80 81
Чижевский Н.П. 142
Чикадзе Елена 169
Шаньявски Альфонс генерал 35
Шашков С.С. 101
Швайковский Д. предприниматель 23
Шеффер Ара 102
Шидловский 69
Шиловский А.Л. 65 67
Шиловский М.В. 18 82 212
Шиманьски Адам 33
Шимановский Владимир 144
Шкатова Г.И. 144
Шостакович Болеслав 66 73 74 93
Шостакович Б.С. 18 53 71 79 119 158 166 211 213 214
Шокальски Болеслав. инженер 107
Шопен Фредерик 91
Шофер Хелена 48
Штенберг Лев 114 115
Шубович С.И. 143
Шумская О.В. 18 198 215
Шутце А.Ф. 110
Щепчинский И.И. 122
Щербатый Осип 58
Энгельман Е.И. 129
Эйхенвальд А. 90
Юргелевич кс. 106 109
Юхневич П.С. 122
Юхневич Б.П. 122-125
Юшкевич Александр 68
Ющинский А.А. 65

Ющук Л.А. 18 98 212
Ядловские (Едловские). служилые 58
Ядловский Юрий 63
Ягодкина О.В. 18 201 215
Ядринцев Н.М. 101
Яздовский. предприниматель 80
Ясевич К. 42 47
Ясевич Ф.К. инженер 143
Ясинские. предприниматели 69 80
Ясинский Л.А. предприниматель 83
Янковский М. 34 93
Янишевский М.Э. 141 142
Янчевский Леонард 34
Яроцкий 37
Ярошевская Сабина 26

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ НАСЕЛЕННЫХ МЕСТ

Абакан 60
Ай (деревня) 113
Александровск 114
Андреевка (деревня) 38
Асино 191
Ачинск 98
Барнаул 6 70 79 81 84 98 99 101 122 138 139 140
Барановка 110
Батраки 43
Белосток (село) 27 28 29 38 40 154 174 199
Белый Яр (село) 26
Бийск 101
Богородское (село) 63 88 98
Богоруслав 43
Большое Трубачево (село) 63
Благовещенск 36
Брянск 42
Бялый (местечко) 132
Варшава 42 90 107 109 117 120 139 143 147 165 178 184 191
Вена 92
Вершины (село) 40 109
Верхний Майзас (село) 77
Верный 101
Верхнекулибинская (деревня) 77
Вильно 112 132
Владивосток 35 36 98 99 113 114 115
Вроцлав 6 13 30 35 112 187
Галич 57
Гданьск 147
Гнездно 191
Гомель 42

Гродно 199
Грохово (село) 100
Дерпт (Тарту) 92
Дрозды деревня 178
Енисейск 61 82
Ермаковское (село) 61
Женева 135
Житомир 100 104 114
Закопане 116
Замошч 197
Здолбунов 42
Златоуст 43
Зулово 112
Иркутск 6 53 55 74 75 76 80 81 82 85 88 93 94 98 99 110 119 123 158 166 169
Иткаринское (село) 59 63
Ишим 82 109
Каинск 98
Казань 35 74
Казимеж 197
Камень на Оби 82
Калишы (местечко) 92
Каргасок (село) 172
Каратузское (село) 61
Кемерово 191
Киев 59
Козлувка 197
Колпашево 26 45 191
Кошалин 27
Краков 6 37 109 113 114 116 118 135 139 141 191
Красноярск 6 80 84 98 99 110 111
Кривицы (местечко) 110
Кузнецкий острог 63
Куйбышев 43
Курган 72 80 82 107 108 109
Кутухта 58
Кяхта 33
Листвянка 34
Львов 43 45 46 116
Ломовицк (село) 38

Ломжа 143 178
Люблин 143 184 191 192 196 197 202
Малиновка (село) 154
Маличевка (село) 155
Мариинск 82 110
Минусинск 60 61 72
Мозырь 42
Москва 8 20 23 27 36 57 58 59 92 110 123 133 143 147 174
Нагасаки 113
Нарым 172
Нерчинск 82
Нижнеудинск 98
Никольск -Усуйский 98
Нью-Йорк 142
Ново-Николаевск (Новосибирск) 6 37 44 47 59 72 77 79 81 82 84 85 88 98 99 164
Новгород 178
Одесса 23
Омск 65 74 80 81 82 84 85 86 98 99 100 101 106 107 119
Орёл 43
Осако 117
Париж 113 116 135
Пенза 43
Петропавловка (деревня) 38
Петрков 143
Плоцк 61 119
Полозово (село) 38 154
Преображенское (село) 123
Рапперсвиль 116
Рим 102 103
Рокитно 42
Рыковское (село) 113 114
Санкт-Петербург 39 41 49 65 76 85 92 101 103 112 113 114 115 119 133 148 169
Саппоро 117
Саратов 20
Северск 27
Сенга 58
Семипалатинск 101
Славуты 104
Смоленское (село) 119

Сосновский острог 63
Спасское (село) 77
Старый Тартас (село) 78
Талица 51
Тара 72 109
Телецкий острог 63
Тобольск 49 50 52 57 58 82 98 99 106 107 108 109
Томск 3 6 9 10 11 19 22 23 24 26 27 28 29 35 36 44 48 55 56 57 58 63 64 65 66 67 68
69 74 80 81 82 83 84 85 88 90 91 92 95 98 100 101 102 103 104 110 119 120 121 122
123 124 125 132 133 135 136 137 138 141 142 143 146 149 150 151 153 161 162 170
171 172 173 174 176 178 180 183 185 188 190 196 198
Тула 43
Тюкалинск 82 83
Тюмень 6 49 50 52 80
82 92 98 99 106 107 109 207
Улан-Батор 65
Улан-Уде 158
Умань 91
Уртамский острог 63
Усть-Селенга 45 46 48
Уфа 43 108
Харбин 88
Харьков 122
Челябинск 43 44
Чипели (село) 110
Чита 33 80 82 98 99 158
Шушенское (село) 60
Щучин 11 12 199
Южно-Сахалинск 117
Юзовка 132
Якутск 31 74 82